

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

№ 1, 2012 г.

СОДЕРЖАНИЕ

АРКТИКА ДАЛЕКАЯ И БЛИЗКАЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

<i>Тимошенко А.И.</i> Российский опыт изучения и освоения арктических пространств	3
<i>Ширина Д.А.</i> Начало научного исследования Арктики в трудах М.В. Ломоносова.	7
<i>Ярзуткина А.А.</i> К вопросу о «спаивании» американцами коренного населения Чукотского полуострова в конце XIX – начале XX в.	11
<i>Комгорт М.В.</i> Перспективы нефтегазоносности арктических районов Сибири в геологических исследованиях 1920–1940-х гг.	14
<i>Куперитох Н.А.</i> В.Н. Сакс – организатор исследований по проблемам Арктики в Сибирском отделении АН СССР	17
<i>Корнилов Г.Г.</i> Население Ямала в период промышленного освоения (1959–1989 гг.).	21
<i>Сулейманов А.А.</i> Международное научное сотрудничество в исследовании коренных народов Якутии в конце XX в.	25
<i>Карпов В.П.</i> Тюменский сектор Арктики: новый этап освоения	29
<i>Артеев А.В.</i> Нормотворческая деятельность российского государственного управления как инструмент оценки политических решений в Арктическом регионе	33

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

<i>Худяков Ю.С.</i> Оборона южных рубежей Западной Сибири русскими войсками в конце XVI – первой трети XVII в.: Часть II. .	41
<i>Умбрашко К.Б.</i> Критическое изучение актовых источников в отечественной науке первой половины XIX в.	45
<i>Баяндин В.И.</i> Начало рекрутского пути: от места жительства до места службы (XIX в.).	48
<i>Дружинина Ю.В.</i> Влияние сельской интеллигенции на модернизационные процессы в аграрной сфере Западной Сибири (1880–1914 гг.)	52
<i>Адоньева И.А.</i> Местная периодическая печать как инструмент коммуникации сибирского общества и судебной власти в конце XIX – начале XX в.	56
<i>Зверев В.А., Каравеева Е.В.</i> Санитарно-просветительная и медицинская деятельность Русской православной церкви в деревне Томской губернии во второй половине XIX–начале XX в.	59
<i>Щербин Н.М.</i> Агитационно-пропагандистская и культурно-просветительная работа политических органов Западно-Сибирского военного округа с населением Сибири (1920–1923 гг.)	64
<i>Исаев В.И.</i> Проблемы повышения культурного уровня рабочих в ареале формирования Урало-Кузнецкого промышленного комплекса (1926–1939 гг.)	68
<i>Лапердин В.Б.</i> Голод 1946–1947 гг. в Западной Сибири: демографический аспект.	74
<i>Маркдорф Н.М.</i> Социально-психологическая адаптация репатриантов в послевоенной Германии	78

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Чёрная Е.Ю.</i> Милица Васильевна Нечкина – историограф Василия Осиповича Ключевского	82
<i>Симонов Д.Г.</i> Ударные формирования в составе Российской армии адмирала А.В. Колчака (1919 г.)	84
<i>Тепляков А.Г.</i> Деятельность особой тройки ПП ОГПУ по Сибкраю в 1930 г.	87
<i>Савицкий И.М.</i> Вклад оборонной промышленности Сибири в создание ракетно-космической техники в условиях «холодной войны» (1946–1965 гг.)	92
<i>Шелегина О.М.</i> Основные направления адаптации музеев Сибири к условиям глобализации	95
<i>Зольникова Н.Д.</i> Рец. на кн.: Рукописные и старопечатные книги кириллической традиции: изучение, описание, хранение: учеб. пособие / И.В. Починская, П.И. Мангилев, Н.В. Ануфриева; [отв. ред. И.В. Починская]. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2010. – 480 с.: 38 ил.	98
<i>Скубневский В.А.</i> Рец. на кн.: Шахеров В.П. Экономика сибирского дореформенного города (на материалах городов Байкальской Сибири). – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011. – 256 с.	100
<i>Тимошенко А.И.</i> Рец. на кн. Гриценко В., Калинин В. История «Мертвой дороги». – Екатеринбург: Баско, 2010. – 240 с.	101
<i>Казанцева Л.К.</i> Рец. на кн.: Траектории проектов в высоких широтах / под ред. Ю.В. Неелова, А.В. Артеева, В.А. Ламина, С.Е. Алексеева, В.Ю. Малова. – Новосибирск: Наука, 2011. – 440 с.	103
<i>Журова Л.И.</i> Историческая энциклопедия XVI в. (Международная научная конференция «Лицевой летописный свод царя Ивана Грозного», Мюнхен, 7–9 декабря 2011 г.)	104
Поздравляем Владимира Анатольевича Исупова	105
Поздравляем Михаила Макаровича Ефимкина	107
Памяти Анатолия Викторовича Ремнева	108
Summary	110

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), чл.-кор. РАН *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), доктор *Ч. Даидаваа* (Улан-Батор, Монголия), д-р ист. наук *Н.И. Дроздов* (Красноярск), д-р ист. наук *В.П. Зиновьев* (Томск), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук *О.Н. Катионов* (Новосибирск), д-р ист. наук *Ю.Ф. Кирюшин* (Барнаул), академик РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск), академик РАН *Н.Н. Покровский* (Новосибирск), чл.-кор. РАН *Е.К. Ромодановская* (Новосибирск), д-р ист. наук *Н.А. Томилов* (Омск), доктор *Е.Б. Сыдыков* (г. Семей, Республика Казахстан), д-р ист. наук *М.В. Шиловский* (Новосибирск), д-р ист. наук *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *В.А. Ильиных*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреенков*

Канд. ист. наук *Д.А. Ананьев*, д-р ист. наук *С.С. Букин*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, д-р ист. наук *С.А. Красильников*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *В.Е. Ларичев*, д-р ист. наук *С.Н. Лютов*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *А.Л. Посадсков*, канд. ист. наук *В.М. Рышков* (зам. гл. редактора), канд. ист. наук *О.Н. Шелегина*

Ответственный секретарь раздела «Арктика далекая и близкая: исторические аспекты»
канд. ист. наук *А.И. Тимошенко*

Адрес редакции: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301, тел. 330–24–31.
<http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *С.Ю. Бадалян*

Подписано к печати 15.03.11. Формат 60×84 1/8. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 13,4. Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 500 экз. Заказ № 108.

Издательство СО РАН, 630090 Новосибирск, Морской проспект, 2

АРКТИКА ДАЛЕКАЯ И БЛИЗКАЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

УДК 94(470)“17/20”(093+930)

А.И. ТИМОШЕНКО

РОССИЙСКИЙ ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ И ОСВОЕНИЯ АРКТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ

канд. ист. наук
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: timoshenkoai@ngs.ru

В статье рассматривается значимость исторического исследования российского опыта изучения и освоения Арктики и Северного морского пути, начиная с древности и до настоящего времени. При этом история высокоширотных районов России трактуется как неотъемлемая часть грандиозного процесса русского освоения евразийских пространств, формирования самого крупного в мире государства.

Ключевые слова: Арктика, исторический опыт, региональная политика.

Россия с древнейших времен присутствовала на арктических территориях, хотя раздел их на национальные сектора стал происходить примерно столетие назад. В начале XX в. Канада и Дания заявили о своих претензиях на территории к северу от национальных границ. В свою очередь Российская империя также объявила о принадлежности земель и островов в районе, прилегающем к ее арктическому побережью, в ноте Министерства иностранных дел 20 сентября 1916 г., которой в начале своей государственной деятельности руководствовалось и правительство СССР. 15 апреля 1926 г. границы были уточнены принятием постановления Президиума ЦИК СССР «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане», в котором обозначалось, что все земли и острова, открытые и еще не открытые в секторе, прилегающем к северному побережью страны до Северного полюса, принадлежат СССР. С запада и востока границами являются меридиональные линии, проведенные к точке Северного полюса от крайней северо-западной точки тогдашней материковой территории СССР (п-ов Рыбачий) и от линии разграничения между Россией и США в Беринговом проливе [1, с. 51].

Во времена СССР «русский треугольник» в Арктике занимал около 7 млн кв. км, не считая материковой части Евразии, находящейся к северу от Полярного круга. Территориальное богатство дополняется обилием других природных ресурсов, среди которых водные, энергетические, минерально-сырьевые. Изыскания геологов за последнее столетие обнаружили в Арктике практически все элементы из

таблицы Менделеева, а месторождения нефти и газа только северных районов Западной Сибири содержат значительную часть мировых запасов углеводородов. Арктические районы России, несмотря на суровые природно-климатические условия для жизни людей, веками обживались россиянами и отличались особым цивилизационно-культурным разнообразием.

Можно сказать, что Арктика – уникальный регион Российской Федерации, значимость которого в будущем будет только возрастать в экономическом, технико-технологическом и социальном развитии страны, обеспечивать ее прогресс. Кроме того, нельзя переоценить геополитическое и оборонно-стратегическое значение северных окраин России и Северного Ледовитого океана. Изучение исторического прошлого Арктики обусловлено как потребностями приращения исторического знания, так и осмыслением ее особой роли в формировании пространственно-географических факторов истории страны в условиях огромного регионального разнообразия. Это необходимо в связи с полным и адекватным представлением об особенностях исторического пути России, ее национального самоутверждения в мире.

История высокоширотных районов России является неотъемлемой составляющей грандиозного процесса русского освоения евразийских пространств, формирования самого крупного в мире государства. Именно с северного направления русские двинулись на восток. В процессе многовекового пути вырабатывались модели хозяйственного освоения новых северных территорий, происходила организация взаимоотношений с коренным населением, которые применялись и

совершенствовались по мере продвижения русских землепроходцев к Тихому океану.

К основным специфическим чертам российской Арктики относятся экстремальные природно-климатические условия; крайняя уязвимость окружающей природной среды и необратимость ее разрушения, слабая населенность и полная зависимость жизнеобеспечения населения от поставок топлива, продовольствия и других необходимых товаров. Отсюда огромная значимость транспортной инфраструктуры. Арктическая зона, в силу указанных специфических черт, отличающих ее от других районов России, а также особых национальных интересов страны, требует специальных мер государственной поддержки. Они должны осуществляться здесь в приоритетном порядке. Без государственного участия в Арктике трудно обойтись. За много столетий накоплен богатейший исторический опыт освоения арктических пространств, его необходимо изучать и рационально использовать в современной общественной практике. В целом на примере истории освоения Арктики возможно изучение как регионально-территориальной специфики развития отдельных этносоциальных сообществ, так и более глобальных проблем становления человеческой цивилизации в условиях аккумуляции различных природно-пространственных и социокультурных факторов.

Тема изучения и освоения российской Арктики, несмотря на ее высокую значимость, до сих пор не нашла сколько-нибудь полного отражения в отечественной историографии. Она фрагментарно исследовалась при подготовке фундаментальных многотомных изданий по истории страны и регионов, где специфические северные проблемы рассматривались в общем контексте социально-экономического развития страны. В советское время изучались в основном отдельные проблемы, определенные в качестве актуальных и подлежащих специальному исследованию. В первую очередь это касалось советского социалистического строительства в северных районах, приобщения к нему коренных народов, проживающих там. Многие сюжеты были конкретизированы в монографиях и сборниках научных статей, посвященных различным проблемам социально-экономического и политического развития страны.

В последние десятилетия проблемы освоения Севера рассматривались в рамках изучения региональной истории. Больше повезло в этом смысле арктическим районам Западной Сибири. Об истории их освоения написано несколько десятков монографий и сотни исторических статей в связи с огромным интересом к вопросам формирования и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса [2]. Следует отметить также ряд работ, связанных с историей транспортного освоения Арктики, развития Северного морского пути [3]. В целом же история освоения российской Арктики ждет своих исследователей. Не изучены целые пласты исторических событий, которые в советское время просто не могли быть полноценно изученными в силу объективных причин идеологического и политического характера. Например, ограничивалось изучение исторических тем военно-оборонного характера, соци-

ально-демографических проблем, научно-технических достижений и т. д. Исторические проблемы в советский период имели, как правило, заданный характер анализа и интерпретации исторического материала.

В настоящее время предпринимаются попытки объективного изучения северных проблем. Изучается история Норильска и разработки Колымских месторождений золота и цветных металлов. В 2010 г. вышла в свет двухтомная «История Ямала», в которой отражен многовековой путь этого важного развивающегося региона России, в том числе его индустриализации в последние десятилетия [4]. Однако в целом история освоения российской Арктики остается белым пятном. Не получила она освещения и в зарубежной литературе, хотя интерес за рубежом к проблемам освоения северных районов России очень велик. Несмотря на достижения информационных технологий, зарубежные ученые и в настоящее время не имеют полноценной эмпирической базы для объективного изучения проблем освоения российской Арктики. В силу военно-стратегического значения большинства арктических районов информация о них весьма ограничена. Поэтому и в мировой исторической практике проблемы освоения российской Арктики изучены крайне недостаточно.

Как видим, важность темы очень велика. В то же время анализ отечественной и зарубежной историографии свидетельствует, что она нуждается в глубоком ретроспективном изучении и обобщении, что необходимо как для пополнения исторического знания, так и для практики совершенствования управления геополитическими и социально-экономическими процессами на северных территориях.

Несомненно, для науки и общественной практики необходимы реконструкция и обобщение исторического опыта государственного управления экономическим и социально-демографическим развитием арктических районов России в XVII – начале XXI в. Центральным звеном данной исследовательской задачи является выявление степени воздействия объективных и субъективных факторов, естественных констант, меняющихся общественно-политических и технико-экономических возможностей на государственную политику и практику развития Севера России. Исследование должно основываться на аналитическом обобщении исторического опыта хозяйственного освоения пионерных территорий, на оценке эффективности современной социально-экономической практики и векторов перспективного развития Севера в условиях экстремальных природно-климатических ограничений.

Одним из главных направлений исследования должно стать изучение исторического опыта обживания россиянами арктических пространств с оценкой специфики их хозяйственного освоения, роли государства, частной инициативы, иностранного и отечественного капитала в этом процессе. Важно проанализировать проблему преемственности в государственной политике России по отношению к Арктике и Северному морскому пути, проследить основные стратегические направления государственных интересов на северных территориях в исторической ретроспективе.

С этих позиций необходимо подробно изучить эволюцию представлений российских властей о значимости Арктики и Северного Ледовитого океана для государства, происходившую в течение столетий. До XVIII в. включительно интересам России с севера практически никто не угрожал. Северные моря, покрытые льдом, являлись естественной границей, которую трудно было преодолеть. Тем не менее, государственные деятели и ученые обращали свое внимание на северные территории России.

Первые идеи, связанные с осмыслением и оценкой значимости арктических пространств для государственного развития, принадлежат М.В. Ломоносову. Ученый-патриот пытался убедить власти в перспективности изучения и освоения российского Севера. Он рассматривал Арктику и Северный Ледовитый океан в целом не только как кратчайший путь вдоль границ России к восточным соседям, но и как неотъемлемую и богатую природными ресурсами часть страны [5, с. 419–498]. В дальнейшем его идеи реализовывались в экспедиционных исследованиях XIX в. Однако в целом государственная власть вплоть до начала XX в. относилась к своим северным территориям достаточно пассивно.

В конце XIX – начале XX в. появилась острая необходимость в защите национальных интересов России в Арктике. С разделом мира и ростом научно-технических возможностей на российские северные территории стали активно посягать разные страны, иногда и весьма отдаленные от Арктики. Поэтому вопросы, связанные с изучением навигации в северных морях, созданием кораблей, способных преодолевать ледовые пространства, периодически ставились и обсуждались в российском правительстве.

Плавание по северным морям для Российского государства стало жизненной необходимостью после Русско-японской войны. Адмирал В.П. Верховский, рассуждая о причинах поражения русского флота на восточных рубежах, писал в докладной записке морскому министру, что необходимо предпринять конкретные меры к проведению большой исследовательской экспедиции по Северному морскому пути. «Можно утверждать с вероятностью почти в 100 %, что через два года от снаряжения экспедиции русские отряды и эскадры боевых судов будут ежегодно делать переходы Ледовитым океаном во Владивосток» [6, с. 43].

В 1908 г. на средства российского правительства на верфи Невского судостроительного завода было начато строительство двух мощных по тому времени ледоколов «Таймыр» и «Вайгач», которые в 1910–1912 гг. уже курсировали между Беринговым проливом, Колымой и устьем Лены, изучали гидрографию морей Северного Ледовитого океана, пытаясь найти наиболее благоприятный путь до Мурманска. Однако сквозной проход от п-ова Кольский до Владивостока и обратно за одну навигацию оставался проблемой. Плавание по Северному морскому пути осуществлялось лишь на отдельных участках. В западном направлении от устьев Оби и Енисея через Карское море за 1876–1919 гг. было выполнено 122 плавания, из которых 86 (71 %) были успешными. С 1911 г. стали ежегодными рейсы из Владивостока в устье Колымы

через Берингов пролив. Пароход «Колыма» за одну навигацию доставлял на Колымские прииски товары и продовольствие [1, с. 49].

Советское правительство с первых дней существования признавало Арктику областью своих стратегических и геополитических интересов. Без нее не мыслилась территориальная целостность огромной страны, находящейся одновременно на двух континентах, а Северный морской путь являлся самым коротким между западной и восточной оконечностями СССР. Кроме того, привлекали уже известные и разнообразные природные ресурсы, в том числе минерально-сырьевые. Советский опыт освоения и изучения Арктики и Северного морского пути беспрецедентно расширился и обогатился и может вполне служить основанием для формирования современной российской государственной политики, направленной на длительную перспективу.

В целом исторический опыт свидетельствует, что российское государственное управление в освоении и изучении своих северных территорий играло определяющую роль. Но в чем конкретно она выражалась, что можно использовать в настоящее время, а от чего следует отказаться? Здесь свое слово должны сказать ученые. По заданию властей осуществлялись экспедиционные исследования, контролировалась деятельность региональных властей и предпринимателей, менялись модели государственного участия. Необходимо проанализировать эти процессы и выделить более важные результаты для практики современного государственного управления.

Важно акцентировать внимание на деятельности советского правительства, которое унаследовало от предыдущей власти отношение к Арктике как к весьма значимому региону государства. Вместе с тем, оно значительно укрепило свое положение на северных границах и сформировало свои принципы и подходы к северным проблемам, основывающиеся на мобилизационных решениях целевого назначения, которые в истории изучения и освоения российской Арктики стали наиболее эффективными. В 1920-е гг. деятельность Комитета Северного морского пути при Сибревкоме, созданного в качестве организующего и одновременно директивного органа советского правительства в Сибири, явилась начальным этапом государственного подхода к северным проблемам. Затем в 1928 г. Комитет был реорганизован в Северо-Сибирское государственное акционерное общество промышленности и транспорта (Комсеверопуть). Оно в течение нескольких лет создавало основу для мощного экономического развития Арктики в составе единого народнохозяйственного комплекса СССР: строило морские и речные порты, промышленные предприятия, развивало хозяйственную деятельность на северных малонаселенных территориях.

Еще более результативной в этом направлении стала деятельность на Севере Главного управления Северного морского пути (Главсевморпути), организованного в первой половине 1930-х гг. при СНК СССР с статусом министерства. Этой государственной организации военно-мобилизационного типа в 1930–1950-е гг. удалось еще дальше продвинуться по пути

обживания и хозяйственного освоения российского Севера. Она одновременно являлась и организатором, и исполнителем государственных планов в Арктике, касающихся научных исследований, развития транспорта и хозяйственной жизни, в рамках видения своего времени обеспечивала решение специфических для северных территорий социальных и социокультурных задач.

Деятельность государственных организаций в советский период была направлена на создание в Арктике мощного научно-исследовательского, производственного и военно-стратегического потенциала СССР, превратившего страну в арктическую державу мирового порядка. Особенно важным это стало во второй половине XX в. в условиях утверждения биполярного мира, в котором все события и действия стали фокусироваться вокруг интересов фактически двух стран – США и СССР. Противостояние в Арктике было ярким свидетельством данной ситуации.

В исторических исследованиях необходимо показывать, что практика реализации планов социально-экономического развития Арктики через систему государственных мероприятий и деятельность крупных производственных организаций комплексного типа может быть весьма эффективной в деле пионерного освоения северных районов. Положительный опыт СССР в этом направлении особенно ярко проявился во второй половине XX в., когда за Полярным кругом развернулось крупное промышленное, энергетическое и транспортное строительство, существенно увеличались масштабы поиска и разработки месторождений полезных ископаемых, значительно расширилась в целом производственная деятельность.

Вместе с тем важно критически оценивать и анализировать исторические факты, отмечая не только масштабность, но и противоречивость советского опыта государственной деятельности на северных территориях. Она главным образом была нацелена на индустриальное развитие. В то же время мало внимание уделялось экологии и социальным процессам. Централизованная, плановая экономика, концентрация основных материальных, финансовых и людских ресурсов в руках государства позволили реализовать в Арктике крупнейшие народнохозяйственные проекты, которые коренным образом изменили социально-экономический облик Севера и подняли его роль в экономике СССР. В то же время отчетливо проявилась резкая диспропорция в развитии социальной сферы, что образовало одно из ключевых противоречий освоения азиатской территории страны и особенно ее северных районов.

В задачу исследователей должно входить изучение всех аспектов деятельности государственных организаций в Арктике с реконструкцией их основных методов и подходов, использовавшихся в хозяйственном и социокультурном освоении. Новизна в достижении

намеченных целей заключается в комплексном характере изучения новой историографической проблемы в широких хронологических рамках. Необходимы также междисциплинарные исследования, которые позволят по-новому представить многофакторные и противоречивые процессы освоения россиянами арктических пространств с точки зрения всеобщего государственного развития и постепенного приращения России арктическими территориями.

В этой связи, несомненно, нужна разработка новой периодизации социально-экономического и политического развития арктических районов в рамках российской государственности. Она может быть и не связанной однозначно с общероссийской, так как в Арктике в силу ее природно-климатических и географических особенностей, своеобразных условий производственно-хозяйственного и социально-демографического развития все процессы могли происходить совершенно иначе, чем в других регионах России. Многие исследователи отмечали их замедленный и автономный характер. Привлечение новых источников, использование общенаучных и специфических методологических подходов, свойственных смежным наукам, позволят выявить эти особенности регионального развития, смогут проследить колонизационное движение россиян в северные районы как объективный процесс пространственного расширения государства, основанный не столько на насильственном завоевании территории, сколько на ее интеграции в общегосударственное пространство.

Хочется надеяться, что результаты исследований в рамках исторического опыта изучения и освоения арктических районов России будут востребованы при разработке и реализации современной социально-экономической и демографической политики в северных районах и административных федеральных образованиях, а также быть полезными в дальнейших научных исследованиях, включая подготовку обобщающих трудов по истории России и ее регионов, при разработке общих и специализированных учебных курсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тимошенко А.И. Советские инициативы в Арктике в 1920-е гг. (К вопросу о стратегической преемственности) // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2.
2. Материалы к библиографии по истории Ямала. Екатеринбург, 2006.
3. Белов М.И. Северный морской путь. Л., 1957; История открытия и освоения Северного морского пути. М., 1956–1969. Т. 1–4; Арикайнен А.И. Транспортная артерия советской Арктики. М., 1984 и др.
4. История Ямала : в 2 т. Екатеринбург, 2010.
5. Ломоносов М.В. Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного перехода Сибирским океаном в Восточную Индию // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6.
6. Визе В.Ю. Северный морской путь. М.; Л., 1940.

Статья поступила
в редакцию 21.11.2011 г.

94(47)“72”Ломоносов

Д.А. ШИРИНА

НАЧАЛО НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ АРКТИКИ В ТРУДАХ М.В. ЛОМОНОСОВА

д-р ист. наук
Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск
e-mail: taniamaksimova@mail.ru

На каждом шагу в его творениях перед нами
встают в поражающей нас старомодной оболочке
далекого прошлого факты, идеи и обобщения,
казалось, чуждые XVIII столетию, вновь понятые,
открытые или признанные в веках XIX и XX.

В.И. Вернадский

Основная задача статьи – выявить и изучить наследие М.В. Ломоносова, касающееся исследования Арктики и Севера, обоснования им значения этого ареала для развития Российского государства и научных основ северного мореплавания.

Ключевые слова: Север, Арктика, Академия наук, история науки.

В 2011 г. исполнилось 300 лет со дня рождения М.В. Ломоносова – ученого-энциклопедиста, создателя русского литературного языка, химика, физика, родоначальника минералогии и геологии в России. Его научные интересы охватывали также области механики, метеорологии, астрономии, металлургии, географии, истории.

Русский Север, где прошли детство и юность Ломоносова, где он выходил с отцом на судах в Белое море и Северный Ледовитый океан, оказал влияние на его научные интересы. Он изучал северные сияния, природу холода и тепла, особенности морского льда, возможность морских экспедиций, условия продвижения по Северному Ледовитому океану и другие вопросы, связанные с освоением арктических территорий.

Первые записи, свидетельствующие о внимании ученого к проблемам Арктики, встречаем в его отчетах Академии наук за 1754–1756 гг. Так, в отчете за 1754 г. сохранилось сообщение о том, что он изобрел «некоторые способы к сысканию долготы и широты на море при мрачном небе», что исследовалась вода из Северного Ледовитого океана с целью определения условий ее замерзания [1, с. 391]. Утеряно письмо, о котором ученый упоминает в своем отчете за 1755 г.: «Сочинил письмо о Северном ходу в Остиндию Сибирским океаном» [Там же, с. 392]. Однако можно предполагать, что содержание этого письма нашло отражение в его работе, написанной восемь лет спустя, – «Кратком описании разных путешествий по северным морям...», в главе «О возможности мореплавания Сибирским океаном в Ост-Индию» [2, с. 785; 3, с. 603]. Через год ученый писал, что в разное время работал над диссертацией «о лучшем и ученом мореплавании» [1,

с. 393]. Рукопись не найдена. Исследователи пишут о ее использовании в сочинении «Рассуждения о большой точности морского пути» [2, с. 785].

В трактате «О слоях земли», написанном в 1757–1759 гг., М.В. Ломоносов затронул тему о естественных богатствах Севера. Причинами относительно небольшого количества сведений о дорогих металлах и драгоценных камнях, найденных в северных землях, он считал низкую плотность населения Сибири («иногда на пятистах, или еще на тысяче верст нет ни единого обитателя; а металлы и минералы сами на двор не придут; требуют глаз и рук к своему прииску»); значительную продолжительность зимнего времени («больше половины года земные недра заключены морозами и снегами, и люди ими от всех таковых поисков удержаны»); неразвитость предпринимательства, скотоводческую направленность хозяйства [4, с. 96–97].

Изучение в течение многих лет темы о кораблевождении завершилось 8 мая 1759 г. речью ученого – «Рассуждения о большой точности морского пути» на Общем собрании Академии наук. Текст выступления свидетельствует о том, что Ломоносов разрабатывал методы мореходной астрономии. Отмечая значение мореплавания, он подчеркивал, что мореходство «до сего времени почти одною практикою производится». Ученый обратил внимание собравшихся на вопрос о безопасности передвижения по морю, к условиям, которые осложняли плавание, снижали достоверность наблюдений с помощью имевшихся приборов. Он считал необходимым привлечь к данной проблеме ученых, а в морских академиях и училищах – уделить особое внимание изучению математики, астрономии, гидрографии и механики. Со своей стороны Ломоно-

сов предложил разработанные им приборы: самопишущий компас, дромометр, клизомер, циматометр, сальмометр. Названные инструменты были предназначены для определения точного времени и местонахождения корабля. При этом учитывались степень сноса корабля под влиянием ветра, колебание от килевой качки, направление и скорость течений [5, с. 125–129, 161]. Некоторые из перечисленных приборов были забыты; авторство на часть из них позднее было приписано другим изобретателям, а некоторые инструменты получили распространение спустя одно-два столетия [6, с. 747].

В 1760-х гг. М.В. Ломоносов послал в Академию наук Швеции, почетным членом которой являлся с 1760 г., «Рассуждение о происхождении ледяных гор в Северных морях» (опубликовано в «Трудах» королевской Академии Швеции в 1763 г.). Работа посвящена исследованию айсбергов, «плавающих в северных морях», вопросам их возникновения и передвижения. Ученый верно объяснил образование «ледяных гор». Движение айсбергов, погруженных на большую глубину, по мнению Ломоносова, было подчинено морским течениям. Отмечая, что в этом вопросе существует еще много неясного, ученый возлагал надежды на совместные усилия Петербургской и Шведской академий [7, с. 457–458].

Названные работы отличались широтой тематики: они касались географии всей островной части Арктики, обсуждались способы определения местонахождения кораблей, возможность «Северо-восточного прохода», изучался состав воды Ледовитого океана, природные богатства Севера, рассматривались проблемы мореходной астрономии.

Вышеперечисленные сочинения представляли собой подготовительный этап для написания труда, который занял особое место в творчестве ученого. Речь идет о «Кратком описании разных путешествий по северным морям и показании возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию». В нем нашли отражение письмо о «Северо-восточном проходе», «Рассуждения о большой точности морского пути», «Слово о явлениях воздушных», «Рассуждение о происхождении ледяных гор в северных морях». «Краткое описание...» является, по существу, первым научным проектом Северного морского пути, содержащим обоснование одной из важных государственных задач.

17 ноября 1763 г. в России была создана Комиссия российских флотов и адмиралтейского правления, а в декабре была получена названная рукопись М.В. Ломоносова с сопроводительным письмом генерал-адмирала. В «Предисловии» к сочинению ученый изложил свое представление об источниках процветания государства. Одним из них он считал активные торговые связи. К особенностям России Ломоносов относил ее обширную территорию, отсутствие выхода в Ледовитый океан («только почти одну пристань у города Архангельского, и ту из недавних времен имея»), преимущественное использование речных сообщений в отличие от государств Западной Европы, которые «по положению своих пределов везде имеют открытый путь по морям великим».

Ученый сформулировал положение о Северном морском пути как проблеме, решение которой позволит укрепить могущество государства. В связи с этим Ломоносов отметил работу Петра I по устройству пристаней и строительству кораблей. Значение «морского северного хода» он видел в возможности укрепить торговые связи России с Европой, Японией, Китаем, Индией, Америкой; достигнуть государственное единство на огромной территории, простирающейся до Тихого океана.

Основными препятствиями для кораблевождения в Северном Ледовитом океане он считал холод и лед. Отмечая «сносность» стужи, М.В. Ломоносов значительное внимание уделил характеристике полярного льда. Им были выделены и описаны его виды, принятые современной наукой: мелкое сало, айсберги, «стамухи или ледяные поля», которые «нередко на несколько верст простираются, смешанные с мелким льдом». Движение льда, по наблюдениям ученого, было обусловлено морскими течениями и ветром.

Ученый разделял гипотезу «открытого полярного моря», в связи с чем писал: «около полюса кругом море», «великое море, которым вода Северного океана обращается по силе общего закона». Представление об открытом полярном море существовало на протяжении ряда веков. Выше отмечено, что в 1527 г. Р. Торн представил проект путешествия в Индию через полюс. Сторонниками этой теории в XIX – начале XX в. были Дж. Берроу; немецкий картограф и географ, доктор философии, организатор ряда экспедиций Август Петерман, известный русский ученый Д.И. Менделеев. Ее ошибочность была доказана лишь в конце XIX – начале XX в. экспедициями Ф. Нансена и Р.Э. Пири.

Интересное наблюдение сделал М.В. Ломоносов относительно опреснения океана у северных берегов Азии и Америки. Он писал о том, что сибирские реки вливают в океан пресной воды много больше, чем реки Американского континента, и поэтому у берегов Америки «океанская вода много солонее, нежели при отмелях краях сибирских». Это обстоятельство, по мнению ученого, способствовало освобождению моря ото льда летом у сибирских берегов на 500–700 верст от побережья и океан был свободен от ледяного покрова, который «бы препятствовал корабельному ходу и грозил бы опасностью быть мореплавателям затертым».

Специальная глава посвящалась вопросам подготовки к плаванию в северных морях. Ученый считал необходимым обратить внимание на корабли, состав экспедиции, запасы, инструменты. Он замечал, что суда должны быть небольшие, легкие, крепкие, маневренные и заранее испытанные. Количество кораблей «больше трех не нужно»; причем суда следовало обшить досками, чтобы предохранить от повреждения льдом и взять на каждое по три «торосовых карбасиков, какие на Белом море при ловле тюленей промышленники употребляют».

Состав путешественников ученый представлял следующим образом: офицер флота («искусный, бывалый, особливо в Северном море», «у которого есть осторожная смелость и благородное честолюбие») – во главе экспедиции; команда из офицеров и унтер-офи-

церов, штурманов, гардемаринов; люди, способные проводить астрономические наблюдения (по 2–3 чел. на судне; из гардемаринов, которых он предлагал «свидетельствовать в Морском кадетском корпусе и в Академии наук»); матросы и солдаты; «лучшие торосовщики» («взять на каждое судно около десяти человек... из города Архангельского, с Мезени и из других мест поморских, которые для ловли тюленей на торос ходят»); лыжники, которые бывали на Новой Земле и «улавливали зимою белых медведей»; толмачи (2–3 чел., «знающие языки тех народов, которые живут по восточно-северным берегам сибирским»).

М.В. Ломоносов предлагал брать с собой хищных птиц, которые не могли плавать, но были способны показать путь к земле; сети, уды, ярусы, рогатины для ловли рыбы и зверей; противоязвенные лекарства (сосновая водка, сосновые шишки, морошка); инструменты для астрономических наблюдений, для определения долготы и широты (не прибегая к астрономическим наблюдениям); несколько карманных часов с секундными стрелками; карты, «вновь сочиненные по самым лучшим известиям, которые должны иметь в центре полюс»; ареометр («каковой употребляется при солеварнях для проб рассольных») для определения солёности морской воды; порох «для скорейшего и сильнейшего разбивания льда»; буравы, «подобные горным, чем бы лёд просверливать».

В главе о подготовке к плаванию в северных морях он указывал на необходимость создать накануне плавания комиссию (из людей, знакомых с теорией и практикой полярного мореплавания, участвовавших в описании северных побережий) для основательной разработки инструкции. В отдельном параграфе Ломоносов перечислил наблюдения, которыми должна заняться полярная экспедиция, и подчеркнул их значение. Так, приливы, отливы, течения свидетельствуют о направлении движения морской воды; увеличение солёности воды означает удаление от берега, снижение солёности – приближение к нему; низкие значения температуры увеличиваются вблизи льдов; при приближении к берегу отмечается потепление; чем глубже море, тем дальше берег; животные и птицы могут служить признаком близости земли. По мнению Ломоносова, путешественникам следовало также замечать места, удобные для занятий промыслами (охота, рыбная ловля), для организации магазинов и зимовий в интересах будущего мореплавания; открывать новые поселения, описывать и зарисовывать новые земли; производить физические опыты с целью получения знаний о природе, необходимых как для развития науки, так и для организации мореплавания. Одним из условий успешного заселения Северо-Востока страны, постройки новых городов ученый считал обещание «отменных» привилегий и вольностей, «особливо в купечестве между собою и с соседними народами».

В пользу успешности будущего отечественного мореплавания в Арктике, по наблюдению Ломоносова, свидетельствовали значительный опыт продвижения россиян по Северному Ледовитому океану, привычность климата, возможность организовать на Камчатке (или в устье Уды, или на Курильских островах)

поселения и создать флот, собрав значительное количество военных из россиян и «сибирских подданных языческих народов, против коей силы не могут прочие европейские державы поставить войска ни севером, ни югом» [8, с. 419–425, 440, 446–449, 468–469, 474, 479, 483–498].

Эффективным способом исследования арктических территорий он считал экспедиции; при этом огромное значение придавал их подготовке как необходимому условию их успешности.

К рукописи «Краткого описания...» ученый приложил полярную карту [9, с. 424–425]. Из справки, составленной им 16 октября 1763 г. для Канцелярии Академии наук, следует, что под его руководством над картами работал студент-геодезист И. Аврамов [10, с. 301].

Комиссия российских флотов и адмиралтейского правления для обсуждения сочинения М.В. Ломоносова пригласила некоторых участников плаваний. В присутствии ученого состоялась беседа с поморами, ходившими на Шпицберген и Новую Землю [3, с. 615]. Они свидетельствовали о преимуществе Северо-Западного прохода, в связи с чем ученый написал первое «Прибавление» о «северном мореплавании на восток по Сибирскому океану» (датировано мартом 1764 г.). Опираясь на их сообщения о климате, времени освобождения моря ото льда, о туманах, М.В. Ломоносов заключил: «Поиск морского пути по северу на восток удобнее начать от западного Грумантского берегу (Шпицберген. – *Д. III.*), нежели с Новой Земли» [11, с. 501–502], т. е. двигаясь Северо-западным проходом.

В апреле 1764 г. ученый получил новые сообщения о северных берегах Америки. В Петербург были доставлены: «реляция» сибирского губернатора Д.И. Чичерина, карта, копия рапорта казака С. Пономарева и передовщика С. Глотова. Кроме того, приехали купцы, посланные Д.И. Чичериным. Документы и «компанейщики» сообщали об островах Уналашка и Умнак [3, с. 617–618]. Полученные сведения явились поводом для написания М.В. Ломоносовым «Прибавления второго, сочиненного по новым известиям промышленников из островов американских и по выспросу компанейщиков, тобольского купца Ильи Снегирева и вологодского купца Ивана Буренина» от 24 апреля 1764 г.

Подчеркивая, что полученные данные полностью подтверждают вывод о возможности плавания Ледовитым океаном на восток, он писал, что нет сомнений «о добрых успехах полезного оного предприятия» [12, с. 512] (экспедиции. – *Д. III.*). Второе «Прибавление» к «Краткому описанию...» свидетельствует, что ученый изменил свое отношение к Северо-западному проходу.

В первой половине 1764 г. М.В. Ломоносов закончил «Заметки о снаряжении экспедиции» [13, с. 515–518] и приступил к разработке «Примерной инструкции морским командующим офицерам, отправляющимся к поисканию пути на восток северным Сибирским океаном». Ее изучение дает возможность заключить, что она явилась продолжением «Краткого

описания...» и «Прибавлений», а в значительной части повторяла их.

Ученый писал о маршруте экспедиции, способе передвижения судов («главного» и «меньших»), использовании птиц, не умеющих плавать. Обращая внимание путешественников на приметы, связанные с приливами, отливами, течениями, степенью солёности морской воды, увеличением (уменьшением) холода и глубины моря, Ломоносов советовал следить за чайками (с рыбой в клюве они всегда летят в сторону земли, чтобы накормить птенцов), плавающим лесом (незначительно поврежденный и зеленый, он указывает на близость берега).

По мере следования участники экспедиции должны были на всех берегах устанавливать отметки о своем пребывании – столбы с указанием имени и времени. «На пристойном месте», близком к морю и видимом издали следовало соорудить из камней высокий маяк с большим деревянным крестом; на доске, а лучше на камне «смолою вычернить» названия кораблей и имена командиров, а также год, месяц и число.

Предвидя неизбежность препятствий в плавании, Ломоносов замечал, что при скоплении льдов необходимо выждать, пока они разойдутся («известно, что их с места на место переносят воды и ветры, летняя теплота и трение о землю и друг о дружку истребляет»); что во время густых туманов нужно встать на якорь либо дрейфовать. Когда же возникнет необходимость зимовки, тогда, по словам ученого, следовало выбрать удобное место, построить из леса или из плавника избы, смастерить печи либо очаги (из глины, валуна); не удаляться от судна, быть постоянно в движении, «промышляя птиц и зверей», употребляя противоягодные средства, в том числе теплую кровь птиц и зверей, заботясь о поддержании атмосферы великодушия, терпения, взаимного «утешения и ободрения».

При определении долготы и широты М.В. Ломоносов предписывал зафиксировать вид местности «с разных сторон», составить ее план, нанести на карту. Специальный параграф он отвел научным задачам экспедиции: следить за состоянием воздуха, используя специальные приборы; отмечать время затмения Луны и Солнца, глубину и течение моря, показания компаса; зарисовывать вид берегов и островов; наливать в бутылку морскую воду («оную сохранить до Санкт-Петербурга с надписью, где взята»); составлять перечни птиц, зверей, рыб, раковин «и что можно собрать и в дороге не будет помешательно, то привезти с собою»; «камни и минералы отличные также брать для показания здесь»; записывать все, что достойно внимания. Особое внимание путешественников, по мнению М.В. Ломоносова, должны привлечь жители различных земель; их внешний вид, нравы, поступки, одежда, жилище, пища [14, с. 524–527, 529, 532, 534].

Известно, что к маю 1764 г. относятся два указа императрицы Екатерины II, которые положили начало экспедициям П.К. Креницына и В.Я. Чичагова. Очевидно, что эти указы непосредственно связаны с работами М.В. Ломоносова, его «Кратким описанием...» и первым «Прибавлением». Известный исследователь В.А. Перевалов пришел к заключению о том, что текст

второго указа был написан М.В. Ломоносовым. Так ли это (возможно, Екатерина II использовала написанное ученым прежде), одно несомненно: оба указа претворяли в жизнь замысел ученого. Заметим также, что некоторые из работ Ломоносова были переданы экспедиции И.И. Биллингса – Г.А. Сарычева, состоявшейся в последней четверти XVIII в.

Таким образом, на протяжении десятилетия М.В. Ломоносов специально занимался вопросами Севера и Арктики. Учитывая особенности России как евразийского государства, он придавал огромное значение мореплаванию вдоль ее северных берегов. Ломоносов считал, что освоение Северного морского пути могло обеспечить дальнейшее развитие производительных сил России, превратить страну в могучую морскую державу. С этой северной магистралью он связывал расширение морских промыслов до Чукотского полуострова, создание благоприятных условий для жизнедеятельности людей в отдаленном суровом крае. Предвосхищая будущее, Ломоносов написал в 1763 г.: «Российское могущество прирастает будет Сибирью и Северным океаном». Разрабатывая научные основы мореплавания в Арктике, Ломоносов промыслово-торговому мореплаванию противопоставил мореплавание, осуществляемое с изучением астрономии, гидрографии, механики. Ученому принадлежат наблюдения о видах полярного льда, причинах его передвижения, приливах и отливах, течениях, об опреснении вод океана у берегов Сибири. Следует упомянуть и его сочинения о северных сияниях, наблюдения над которым он начал в 1743 г. и продолжал до своей кончины, задумав труд в трех частях об этом явлении и теории атмосферного электричества. Труд не был закончен – сохранились лишь отрывки рукописи. Заметим, однако, что М.В. Ломоносов в своих работах «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих», «О наблюдениях, подтверждающих электрическую природу северного сияния», «Испытание причины северного сияния и других подобных явлений», «Краткое описание...» убедительно писал об электрической природе северных сияний, что было подтверждено лишь в XX в. [15, с. 519, 583–584].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ломоносов М.В. Рапорт президенту АН с отчетом о работах за 1751–1756 гг. // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1957. Т. 10.
2. Елисеев А.А., Федоренко Б.В. Примечания // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1957. Т. 10.
3. Андреев А.И., Свирская В.Р. Примечания // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6.
4. Ломоносов М.В. О слоях земных. М.; Л., 1949.
5. Ломоносов М.В. Рассуждение о большой точности морского пути // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 4.
6. Андреев А.И. Примечания // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 4.
7. Ломоносов М.В. О происхождении ледяных гор // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 3.
8. Ломоносов М.В. Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6.

9. Ломоносов М.В. Полярная карта, приложенная к рукописи «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6. Цветная вклейка.

10. Ломоносов М.В. Справка о работах студента-геодезиста И. Аврамова // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 9.

11. Ломоносов М.В. Прибавление о северном мореплавании на Восток по Сибирскому океану // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6.

12. Ломоносов М.В. Прибавление второе, сочиненное по новым известиям промышленников из островов американских и по

выспросу компанейщиков, тобольского купца Ильи Снегирева и вологодского купца Ивана Буренина // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6.

13. Ломоносов М.В. [Заметки о снаряжении экспедиции] // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6.

14. Ломоносов М.В. Примерная инструкция морским командующим офицерам, отправляющимся к поисканию пути на Восток северным Сибирским океаном // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6.

15. Елисеев А.А. Примечания // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 3.

*Статья в окончательной редакции
поступила 03.11.2011 г.*

УДК 39 (571.6) "190": 339.166

А.А. ЯРЗУТКИНА

К ВОПРОСУ О «СПАИВАНИИ» АМЕРИКАНЦАМИ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ЧУКОТСКОГО ПОЛУОСТРОВА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.*

канд. ист. наук
Северо-Восточный Комплексный
научно-исследовательский институт ДВО РАН
г. Анадырь,
e-mail: jarzut@rambler.ru

В статье выясняется роль спиртных напитков в торговых взаимоотношениях коренных жителей Чукотки, американских предпринимателей и российских казаков в конце XIX – начале XX в. В результате анализа экономического поведения участников торговли, а также государственной политики в вопросе пресечения «спайвания» коренного населения в наиболее отдаленной части Российской империи делается вывод о том, что алкоголь был неотъемлемой частью торговых взаимоотношений на Чукотском полуострове, включался в культуру.

Ключевые слова: торговые взаимоотношения, коренные жители Чукотки, американские торговцы, алкогольные напитки.

Исследуя современное состояние коренных народов Севера, ученые разных специальностей сходятся на мысли о том, что негативное влияние на их развитие оказала высокая степень алкоголизации [1; 2]. При этом истоки данной проблемы видятся не одинаково: например, что касается коренных народов Чукотки, то, по одной версии, повальное пьянство явилось следствием социальной дезадаптации и навязывания определенного уклада жизни в советское время, по другой – считается, что чукчей и эскимосов задолго до советской «переделки» «споили» американцы.

Последняя точка зрения активно поддерживалась советскими авторами, изучающими историю иностранной торговли на крайнем Северо-Востоке [3; 4; 5; 6]. В их работах факты торговли спиртными напитками приводились в качестве негативного воздействия иностранной экспансии Чукотки, как один из способов установления господства над коренными жителями и их культурой.

В архивах действительно встречаются документы, свидетельствующие о ввозе и продаже американскими

предпринимателями алкоголя на Чукотском полуострове¹, однако, мы попытались посмотреть на проблему в несколько ином ракурсе. В конце XIX – начале XX в. – в период расцвета американской торговли на Чукотке – алкоголь был одним из важных элементов экономических взаимоотношений различных в культурном, социальном и других смыслах групп населения: чукчей и эскимосов, ведущих традиционный образ жизни, американских предпринимателей и представителей российской власти.

В настоящей статье мы попытаемся выяснить, почему алкоголь был включен в систему взаимоотношений указанных выше групп населения и почему он оказался столь важным элементом торговли. В процес-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-31-00325a2 («Торговые отношения американцев и русских с коренным населением Чукотки в конце XIX–первой четверти XX века: экономико-этнографический аспект»).

¹ См., напр.: Государственный архив Чукотского АО. Ф. Д-9. Оп. 1. Д. 1. Л. 17–21. Переписка с военным губернатором Приморской области об образовании Анадырской округи и по личному составу за 1889 г.; Российский государственный архив ВМФ. Ф. 909. Оп. 1. Д. 573, Л. 1–5 Переписка о конфискованных шкунах «София Джонсон», «Элиза» и «Елена» за 1884 г.; Архив внешней политики Российской империи. Ф. 278/1. Оп. 1. Д. 302. Л. 41–42, 45–47. Записка российского генерального консула в Сан-Франциско, 1884 г.; Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. Р-2485. Оп. 1. Д. 7. Л. 16. Доклад об организации пушной торговли в Камчатской губернии от 2 марта 1923 г. (Сибдальгосторг, Дальзоско); и др.

се исследования будет использован антропологический подход и инструментарий экономической антропологии [7–9]. Методологическими ориентирами при сопоставлении торгового поведения представителей рынка и представителей традиционного общества послужили работы М. Салинза [10] и М. Годелье [11].

Используя классические понятия рыночной экономики и учитывая установленные факты торговли спиртными напитками на Чукотском полуострове в конце XIX – начале XX в., следует говорить о том, что на алкоголь был спрос и в соответствии с ним сформировалось предложение. Определить его уровень экономическими методами затруднительно, так как отсутствуют соответствующие статистические данные. Данная источниковая лакуна объясняется тем, что на законном основании алкоголь был запрещен к ввозу и попадал на территорию Чукотки контрабандным путем.

Вместе с тем имеется ряд источников, в которых вопрос о спросе на алкоголь так или иначе освещен. В основном это воспоминания и отчеты современников, посещавших Чукотский полуостров в интересующий нас период. И, что особенно важно, – людей, не включенных в процесс торговли и оценивающих происходящее «со стороны». Для выяснения их позиции приведем ряд цитат, наиболее ярко характеризующих спрос коренного населения Чукотки на спиртные напитки.

По словам Н.Н. Беретти, чукчи и коряки «все без исключения... очень любят спиртные напитки... Если бы имелась у них возможность свободно приобретать спирт, то можно с уверенностью сказать, что не меньше 30 % своего бюджета они тратили бы на его приобретение. Запаса спирта вы никогда не найдете ни у одного туземца: как только его раздобудут, они не успокоятся до тех пор, пока не выпьют полностью; туземцы пьют до тех пор, пока не свалятся, а проспавшись, опять принимаются за уничтожение новых порций спирта... Для приобретения спирта туземцы ничего не жалеют, отдают за него часто последнее имущество» [12, с. 25–26]. В.Г. Богораз-Тан приводит слова одного старика-юкагира Верхней Колымы, сказанные им при первом появлении водки: «Не имейте дурных помышлений дети. В моей жизни я не пробовал воды, столь усладительной, как эта» [13, с. 80].

Л.М. Старокадомский описал случай, когда русские ученые пытались торговаться с одним эскимосом, требовавшим за шкуру белого медведя бутылку водки. После того как они отказались давать спиртное, сделка не состоялась: эскимос «никаких других продуктов кроме водки не хотел брать» [14, с. 45]. В 1914 г. Б. Горовский отмечал: «Чукчи настолько падки на водку, что за бутылку спирта готовы лишиться самых необходимых вещей. За ведро спирта можно свободно купить у чукчи такое количество пушнины, которое, в обмен на товары, было продано рублей за сто» [15, с. 29].

Столь высокий уровень спроса можно считать результатом достаточно планомерной деятельности как иностранцев, так и русских по приучению коренного населения к алкоголю. Изначально употребление спиртных напитков было не свойственно традиционной культуре коренных жителей Чукотки. По сведениям

наших информаторов, раньше употреблять спиртное разрешалось только старикам, молодые же люди не должны были пить спиртное, так как считалось, что их в этом случае может преследовать злой дух².

Спирт, водка, вино обозначаются в чукотском языке словом *э'к'имыл* [16, с. 175]. Слово состоит из двух основ: 1) *э'к'* – плох (-ой, -ая, -ое); 2) *(м)имыл* – вода, т. е. буквально «плохая вода», «вода, которая делает человеку плохо», «вода, которая делает человека плохим». В чукотском языке имеются также слова, обозначающие разные степени опьянения: например, *кэвычэвык* – «быть в состоянии незначительного опьянения» (глагол), видимо, первая степень – веселость, дурашливость, *кыт-кавычэвык* – «быть в состоянии сильного опьянения», *э'к'этчетык* – «быть в состоянии последней стадии опьянения – без памяти, без движения», буквально «переполниться плохим». В чукотском языке есть и слово *имылгытлыльын* – алкоголик; оно состоит из двух основ: *имыл* – вода, *-гытлы* – жадный, охочий, *-льын* – субъект³.

Американцы в торговле алкоголем использовали различные способы. В источниках встречаются описания ситуаций, когда целые поселения коренных жителей после посещения китобойных и торговых шхун находились в сильнейшем алкогольном опьянении, при этом теряли свои запасы [17, с. 261–263] и пр. Такого рода случаи трудно отнести к фактам торговли, скорее это напоминало разорительные набеги. Весь процесс сводился к тому, что несколько человек с американской шхуны, прибывшей на полуостров, высаживались у одного из поселений и бесплатно раздавали алкогольные напитки всем желающим. После того как большинство мужчин из числа местных жителей засыпали от обильного употребления спиртного, американцы заходили в яранги и забирали весь имеющийся запас пушнины и других продуктов промысла. Естественно, после таких посещений коренные жители прибрежных сел с опаской относились и к новым людям, и к предлагаемым напиткам. Интересно в этом отношении мнение американца Чарли Мэдсона, который в начале XX в. торговал на Чукотском побережье. Он писал: «Торговля алкоголем была одной из самых уродливых глав в отношениях белых и аборигенов на севере... Кроме моральных причин, продажа спирта эскимосам и чукчам казалась мне глупым и близоруким бизнесом. Такая торговля могла принести большую прибыль, но лишь короткий период, это приводило к потере доверия со стороны аборигенов и потере потенциальных клиентов» [18, с. 98–99].

Американские предприниматели, постоянно торговавшие на побережье и заинтересованные в дол-

² Полевые материалы автора, записи 2008 г., информаторы: Каваугье (Рале) Раиса Яковлевна, 1937 г. р., чукчанка, уроженка с. Мухоморное Анадырского района; Кале Николай Николаевич, 1973 г. р., чукча, родился в оленеводческой бригаде в окрестностях с. Канчалан; записи 2011 г., информаторы: Нувано Владислав Николаевич, чукча, уроженец с. Ваеги Анадырского района, Караугье Юрий Константинович, 1953 г. р., чукча, уроженец с. Кеппереем Билибинского района; и др.

³ Выражаем благодарность Л.С. Выквырахтыргыной за перевод терминов с чукотского языка.

госрочных отношениях, алкоголь в торговле или не использовали совсем, или использовали в очень ограниченных количествах в качестве подарков.

Нередко спиртные напитки являлись стимуляторами спроса на другие товары. Процесс торговли с коренными жителями, экономика которых носила архаичные черты, представлял не просто куплю-продажу, а ритуал, в результате которого происходил обмен дарами. Итог такого обмена должен был удовлетворить обе стороны, так как это означало мир и дальнейшее поддержание дружеских связей.

Знание американцами обычаев коренных жителей позволяло органично включать спиртные напитки в процесс обмена и тем самым получать наибольшую выгоду для себя.

Несмотря на то, что торговые обычаи различались в зависимости от места проживания коренных жителей и форм торговли, торговый ритуал с использованием алкоголя в прибрежных районах в самом общем виде выглядел следующим образом: после появления американской шхуны несколько мужчин из числа коренных жителей садились на байдару и плыли «в гости». После того как они высаживались на борт, капитан шхуны и члены команды предлагали им выпить спиртного [19, с. 27; 18, с. 117]. Затем договаривались о предметах обмена. Алкоголь нередко также становился предметом торга и имел, как правило, самую высокую цену. После того как коренные жители привозили продукты промысла для обмена, им еще раз предлагали выпить. Спирт выступал в качестве подарка, угощение алкоголем – способом расположить к себе местных жителей. Само предложение выпить расценивалось как начало или открытие торговли.

В случаях, когда американцы высаживались на берег и заходили в поселение для торга, они, как правило, шли в ярангу к старейшине, куда собирались и другие мужчины, и угощали жителей спиртным, только после этого начинался разговор о торговле.

Во внутренних районах Чукотки, куда торговые агенты привозили товар обычно раз в год (для коренных жителей этот приезд являлся долгожданным событием), торговля также начиналась с угощения спиртными напитками. «Приехав в стойбище, торговец не спешил начать торговлю. Он беседовал с жителями, угощал всех различными лакомствами и особенно спиртом. Только после такой психологической подготовки, вызвав к себе симпатию, купец приступал к торгу с подвыпившими и подбодренными аборигенами» [20, с. 67]. В.М. Зензинов писал в 1914 г.: «Как нельзя приехавшему в кочевье купцу свести дело с промышленником к голой купле-продаже, так точно нельзя и обидеть знакомого издавна клиента, не угостив его за разговором о новостях за истекший с последнего свидания год вином. Скупого на вино купца будут сторониться...» [21, с. 88].

Похожие торговые обычаи с использованием алкогольных напитков были характерны во взаимоотношениях между индейцами Северной Америки и европейцами в XVIII в. Торговля начиналась только после совершения ряда церемоний, в числе которых было угощение индейцев брэнди. Как пишут об этом А. Рэй и Д. Фримен, индейцы «пьянеют, начинают

петь, танцевать, плакать, ссориться и это продолжается до двух или трех дней. После того, как этот всеобщий праздник завершается, они готовы приступить к торговле» [22, с. 57].

Для сокращения расходов американские предприниматели разбавляли спирт, ром, виски водой. Описаны случаи, когда чукчи, опасаясь подделки, требовали распаковать тару, в которой привозили спирт, наливали некоторое количество алкоголя в металлическую ложку и поджигали, чтобы проверить его качество. Торг соглашались вести, только если спирт горел [19, с. 26]. Однако американские торговцы изобретали новые способы подделки товара – разбавленный водой спирт подкрашивали сиропом, подслащивали, добавляли табак, перец, патоку и др. [5, с. 8; 18, с. 98]. Такая суррогатная смесь безотказно действовала на коренных жителей, приводя их в состояние сильнейшего опьянения.

Бутлегерство являлось одним из способов борьбы с конкурентами. Мелкий торговец с несколькими ведрами спирта, по наблюдению В.М. Зензинова, был способен успешно конкурировать с «солидной фирмой, которая может устанавливать какие угодно рекордные цены: промышленник пойдет туда, где есть спирт, и отвернется от щедрого скупщика, у которого спирта нет. Собирающий пушнину на спирт имеет еще одно преимущество перед богатым конкурентом – он легок на подъем и без труда опередит купца, едущего с тяжелой кладью. Когда купец со своими товарами приедет в кочевье, он найдет своих клиентов пьяными и... уже обобранными» [21, с. 87].

Экономическое поведение участников торговли, происходившей на Чукотском полуострове в конце XIX – начале XX в., и отчасти бездействие государства определили такое весомое значение алкоголя в процессе торговых взаимоотношений, сделав спиртные напитки их неотъемлемой частью.

Для американских торговцев торговля алкоголем выходила за рамки простого обмена. Очень часто спиртные напитки использовались ими в качестве стимуляторов торговли и способов установления дружественных отношений с коренным населением. Алкоголь в том виде, в каком он завозился на Чукотку, был продуктом индустриального общества. Попав в общество традиционное, он достаточно быстро и органично включался в ряд культурных традиций коренного населения Чукотки. Алкоголь стал неотъемлемой частью торгового ритуала, а учитывая серьезную роль в экономических отношениях архаичных обществ социальных и культурных факторов, в ситуации обмена с чужаками (американскими и русскими торговцами), отсутствие алкоголя могло служить препятствием для совершения торговой сделки.

Учитывая изложенные факты, мы склонны согласиться с выводами автора междисциплинарного исследования о роли виски в торговле, Маргарет Кеннеди, которая, принимая тот факт, что европейцы стали причиной хронического злоупотребления алкоголем среди племен северо-западной части Америки, показала, что алкоголизм среди независимых индейских народов изначально был связан с внутренними причинами [23, с. 181].

ЛИТЕРАТУРА

1. Пивнева Е.А. Современная этнодемографическая ситуация и состояние здоровья коренных малочисленных народов Севера // Расы и народы. М., 2002. Вып. 28.
2. Соколова З.П. Народы Севера России в условиях экономической реформы и демократических преобразований // Народы Севера России в условиях экономической реформы и демократических преобразований. М., 1994.
3. Иванов С. Американская агрессия на советском Дальнем Востоке. Владивосток, 1952.
4. Корсаков Е. Американская экспансия на Северо-Восток России в начале XX в. Хабаровск, 1968.
5. Мельчин А.И. Американская интервенция на советском Дальнем Востоке в 1918–20 гг. М., 1951.
6. Мухачев Б.И. Становление Советской власти и борьба с иностранной экспансией на Северо-Востоке СССР (1917–1920 гг.). Новосибирск, 1975.
7. Малиновский Б. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана. М., 2004.
8. Полань К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002.
9. Семенов Ю.И. Экономическая антропология // Этнология в США и Канаде / под ред. Е.А. Веселкина, В.А. Тишкова. М., 1989.
10. Салинз М. Экономика каменного века. М., 1999.
11. Годелье М. Загадка дара. М., 2007.
12. Беретти Н.Н. На крайнем Северо-Востоке. Владивосток, 1929.
13. Богораз-Тан В.Г. Чукчи. Социальная организация. Л., 1934. Ч. 1.
14. Старокадомский Л.М. Экспедиция Северного Ледовитого океана (1910–1915). М., 1946.
15. Горовский Б. (Подгурский Б.К.) Забытые русские земли. Чукотский полуостров и Камчатка. Путевые очерки. СПб., 1914.
16. Молл Т.А., Инэнликэй П.И. Чукотско-русский словарь. СПб., 2005.
17. Bockstoe J. Furs and Frontiers In The Far North: The contest among native and foreign nations the intercontinental Bering Strait fur trade. New Haven: Yale University Press, 2010.
18. Madsen Ch., Douglas J.S. Arctic Trader. George McKibben & Son, Brattleboro Vt, 1957.
19. Тульчинский К.Н. Отчет о командировке на Чукотский п-ов. СПб., 1906.
20. Исаков А.Н. История торговли на Северо-Востоке России (XVII–XX вв.). Магадан, 1994.
21. Зензинов В.М. Очерки торговли на севере Якутской области. М., 1916.
22. Ray A.J., Freeman D.B. «Give Us Good Measure»: An Economic Analysis of Relations between the Indians and the Hudson's Bay Company Before 1763. Toronto: University of Toronto Press, 1978.
23. Kennedy M.A. The Whiskey Trade of the Northwestern Plains: a multidisciplinary study // American University Studies. Ser. IX: History, 0740-0462. N.Y.: Peter Land, 1997. Vol. 171.

Статья поступила
в редакцию 15.07.2011 г.

УДК 622.32(571.1)(09)

М.В. КОМГОРТ

ПЕРСПЕКТИВЫ НЕФТЕГАЗОНОСНОСТИ АРКТИЧЕСКИХ РАЙОНОВ СИБИРИ В ГЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ 1920–1940-х гг.

Тюменский государственный
нефтегазовый университет
e-mail: komgort@mail.ru

Статья посвящена анализу первых научных прогнозов нефтегазоносности северных районов Сибири и основных результатов геологоразведочных работ, проведенных в 1920–1940-е гг. Показана роль Главного управления Северного морского пути в организации поиска арктической нефти. Представлены выводы ученых-геологов о нефтяных перспективах региона и необходимости расширения географии поисково-разведочных работ.

Ключевые слова: арктические районы Сибири, Главсевморпуть, история поисков нефти и газа.

Арктические районы азиатской части России в течение долгого времени не представляли интереса для научного прогноза нефтегазоносности и практической организации поисково-разведочных работ. Это объясняется как объективными причинами (удаленностью, труднодоступностью, малонаселенностью), так и наличием серьезных сомнений в возможности и рентабельности добычи здесь жидких углеводородов. По мнению многих геологов, климатические условия региона не могли способствовать образованию органической массы, необходимой для возникновения нефтя-

ных залежей, а в случае их наличия вечная мерзлота препятствовала получению промышленных притоков нефти и создавала серьезные технико-технологические проблемы для организации ее добычи.

Задача интенсификации поиска сырьевых, в том числе топливно-энергетических, ресурсов была актуализирована начавшейся в стране индустриализацией и необходимостью выполнения первого пятилетнего плана. В условиях промышленного «рывка» важнейшим направлением энергетической политики государства стало создание новых топливных баз, в

том числе в восточных районах страны. Это, в свою очередь, требовало расширения географии поисково-разведочных работ. «Идеология советской индустриализации, – пишет М.М. Ефимкин, – справедливо учла и интегрировала в себе геополитические императивы, существенно изменившие конфигурацию территориально-хозяйственных приоритетов в пользу азиатской части России» [1, с. 71].

К началу 1930-х гг. сведения о потенциальной нефтеносности северных районов Сибири ограничивались только указанием А.Е. Фигурина (1823 г.) о наличии «горной смолы» в низовьях р. Оленёк (Якутия) и предположением И.П. Толмачева (1926 г.) о возможной связи с нефтью месторождения соли на берегу Хатангского залива в бухте Нордвик (Таймырский п-ов) [2, с. 9]. При этом первое указание не вызывало доверия по причинам «неясности места» и «ненадежности определения “горная смола”», а второе оценивалось как «эпизодическое» и «высказанное случайно», поскольку основывалось на результатах экспедиционных исследований Толмачева, завершившихся два десятилетия назад [2, с. 9, 11]. После революции ученый эмигрировал в США и в статье, опубликованной в 1926 г. в американском журнале, а год спустя в СССР, проведя аналогию между нефтяными месторождениями Техаса, приуроченными к соляным куполам, и куполом, обнаруженным им в ходе экспедиции на Таймыр, сделал вывод о возможной нефтеносности данного района Сибири. Публикация дала повод для обстоятельного изучения коллекции Толмачева в Академии наук, в ходе которого в привезенных ученым образцах известняка были обнаружены битуминозные породы, из которых удалось получить хорошую нефтяную вытяжку [3, с. 178].

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. появились первые серьезные научные публикации, авторы которых обосновывали необходимость расширения ресурсной базы нефтяной промышленности страны, в том числе за счет восточных районов СССР. Поскольку геологического материала для определения конкретных направлений поиска было недостаточно, Сибирь также входила в число потенциально нефтеносных регионов, однако ее нефтяные перспективы рассматривались как «слишком общие и схематичные» [4, с. 796], подтверждение должно было стать делом будущего [5, с. 140].

Детализации прогнозов нефтеносности арктических районов Сибири способствовали начавшиеся в 1930-е гг. поисково-разведочные работы. Прямую заинтересованность в их активизации проявляло созданное в 1932 г. Главное управление Северного морского пути (ГУ СМП), рассчитывавшее на получение жидкого топлива в зоне его хозяйственных интересов для обеспечения успешного функционирования трассы. В 1934 г. постановлением СНК и ЦК ВКП(б) на ГУ СМП, кроме задачи обеспечения бесперебойного и безопасного плавания по трассе Северного морского пути, было возложено проведение изыскательских работ по поиску полезных ископаемых и последующая эксплуатация месторождений.

В 1933 г. Главсевморпуть направил первую комплексную нефтегазразведочную экспедицию в составе геологических, геофизического и бурового отрядов в

район бухты Нордвик. В задачи экспедиции входило геологическое изучение побережья залива Нордвик, о-ва Бегичева и детальная геологическая съемка п-ова Юрунг-Тумус. Начальником экспедиции был назначен Т.М. Емельянец. В ходе исследований удалось обнаружить значительные выходы жидкой нефти на п-ове Юрунг-Тумус, приуроченные, как и предполагал Толмачев, к указанному им соляному куполу. Высокая оценка территории Нордвик-Хатангского района послужила основой для создания первой на севере Средней Сибири постоянно действующей Нордвикской нефтегазразведочной экспедиции ГУ СМП [6, с. 151], которой на протяжении 1933–1951 гг. руководил Емельянец. Под его непосредственным руководством в этом районе были проведены геологосъемочные работы, маршрутные исследования и обработка материалов, полученных в ходе нефтепоисковых работ. Из восьми скважин на Нордвикском месторождении были получены тяжелая нефть и газ. Позже в этом районе были открыты Ильинское и Кожевниковское месторождения нефти, разбуривание которых осуществлялось Нордвикской экспедицией в 1941–1953 гг. [7, с. 32].

Таким образом, предположение Толмачева о наличии нефти на Таймыре подтвердилось. К сожалению, статус эмигранта не позволил включить его в число первооткрывателей нордвикской нефти, приоритет в определении перспектив нефтеносности п-ова Таймыр впоследствии стали связывать с именами других, не менее заслуженных ученых-геологов (Н.С. Шатского, Н.Н. Урванцева и Л.П. Смирнова).

Открытие нефти на Таймыре потребовало уточнения геологических границ новой нефтеносной области. По предположению ряда ученых, Хатангская впадина, в пределах которой находилось месторождение, могла простираться через весь полуостров до Енисея и Енисейского залива, а возможно, и далее. Принимая во внимание важность Енисейского транспортного узла для трассы Северного морского пути, в 1934 г. ГУ СМП направило для оценки перспектив нефтеносности низовьев Енисея экспедицию под руководством Н.А. Гедройца. При проведении маршрутных геологических исследований в нижнем течении Енисея, недалеко от устья р. Малая Хета, экспедиция обнаружила обильные выходы на поверхность горючих газов с примесью тяжелых углеводородов и озера с минерализованными водами. По рекомендации Гедройца в 1936 г. Нефтяной геологоразведочный институт начал в районе Усть-Енисейского порта геофизические, научно-исследовательские изыскания, колонковое, а в 1939 г. и роторное бурение. Позднее эти работы были продолжены Горно-геологическим управлением Главсевморпути. На протяжении 1935–1953 гг. в низовьях Енисея геофизическими методами и колонковым бурением было выделено более 10 положительных структур и пробурено 15 глубоких скважин. Во многих из них были выявлены породы, пропитанные нефтью, а также обнаружены многочисленные газопроявления различной интенсивности. Однако залежей, имеющих промышленное значение, в ходе бурения обнаружить не удалось.

В 1953 г. нефтепоисковые работы Главсевморпути, проводившиеся в районах Крайнего Севера, были

переданы Министерству нефтяной промышленности, которое признало их продолжение нерентабельным. По решению министерства все работы в Усть-Енисейском районе были приостановлены. Несмотря на то, что первые притоки нефти и газа в этом районе удалось получить еще в 1940-е гг., открытие промышленных месторождений в низовьях Енисея было задержано до 1966 г. Одной из причин неудач поисково-разведочных работ в районе Усть-Порта следует назвать отсутствие координации с организациями, проводившими аналогичные работы в других районах Сибири, что многократно усиливалось режимом «жесточайшей секретности», характерной для ГУ СМП.

Несмотря на отрицательные результаты глубокого бурения в Усть-Енисейском районе, в ходе работ был получен фактический материал, существенно уточняющий геологическое строение данного района. Обобщение полученных данных выполнено Гедройцем. При подведении итогов поисково-разведочных работ, проведенных на севере Сибири в 1930–1940-е гг., Гедройц относил к числу выявленных районов с наличием жидкой нефти Нордвикский, Усть-Енисейский и Аргасалинский. Кроме того, он предлагал обратить «серьезное внимание» и на потенциальную нефтеносность района между реками Пур и Оленёк [2, с. 17, 19]. На основании имевшихся в его распоряжении материалов он составил первую карту прогноза нефтеносности Сибири и дал к ней статью с обзором литературы, изложением критериев, принятых при определении перспективности областей, их классификацией и описанием. Перспективы нефтеносности северных районов Сибири Гедройц признал «неопределенными» – с одинаковой степенью вероятности получения на этой территории в ходе дальнейших поисковых работ как положительных, так и отрицательных результатов [8, с. 12].

В 1943 г. по решению Горно-геологического управления Главсевморпути были начаты геологические исследования на территории Ямало-Ненецкого национального округа. Поводом для организации Тазовской экспедиции Института геологии Арктики послужила информация о замеченных местным населением пузырящихся подземных источниках на речках и болотах в бассейне Тазовской губы. Первую нефтепоисковую экспедицию на Ямальском Севере в составе двух поисковых отрядов под руководством В.Н. Сакса и И.П. Лугинца возглавил опытный геолог М.Ф. Данилов. Главной задачей экспедиции было проведение геологических наблюдений с целью обнаружения признаков, прямо или косвенно свидетельствующих о наличии залежей нефти или газа.

В ходе маршрутных исследований, проведенных в районе рек Таз, Пур, Мессо и восточного берега Тазовской губы, Сакс пришел к заключению о наличии в данном месте погребенного хребта меридионального направления, представлявшего собой складчатое сооружение. Поскольку хребет совпадал в основном с направлением течения р. Пур, Сакс записал в своем дневнике: «Погребенный Пуровский хребет?» [9, с. 116]. Позже в отчете о проведенных исследованиях он объяснил наличие сомнений в виде вопросительного знака тем обстоятельством, что в связи с ограничен-

ностью данных о структуре северной части Западной Сибири «выделение Пуровского хребта и соседних с ним впадин еще нуждается в подтверждении». В ходе экспедиции ученому также удалось обнаружить сходство состава пластовых вод на правобережье р. Таз и в низовьях Енисея, территориальная связь которых с обильными признаками нефти в районе Усть-Порта создавала «известные предпосылки для поисков нефти и в низовьях Таза» [10, с. 63]. На основании полученных результатов Сакс сделал вывод о «безусловно, крайне желательных» нефтепоисковых работах на севере Западно-Сибирской низменности, предложив направить их в пределы намечающихся впадин – Приенисейской, включавшей бассейны Мессо и Таза, и Нижне-Обской, возможно, захватывающей и бассейн Надыма» [11, с. 694–697]. Как отмечают биографы этого выдающегося ученого-геолога, его вывод представлял собой «первый после И.М. Губкина точный и несравненно более детальный прогноз нефтегазоносности значительной части Западно-Сибирской провинции, который впоследствии блестяще подтвердился» [12, с. 150]. Следует заметить, что позже «Пуровский хребет», впервые выделенный Саксом, будет переименован в «погребенный Уренгойский вал» – «родителя» подземного хранилища газа, где геологи откроют Тазовское, Губкинское, несколько Мессояхских, Ямбургское и Самбургское месторождения [9, с. 116–117].

Геологические исследования, проведенные в арктических районах Сибири в 1920–1940-е гг., не дали утвердительного ответа на вопрос о наличии в регионе промышленных запасов нефти и газа. Однако обобщение полученной научной информации позволило определить главные направления и методику поиска на этапе планомерных поисково-разведочных работ, начатых в 1948 г. и завершившихся открытием новой доминирующей нефтегазоносной провинции. Можно согласиться с мнением одного из первооткрывателей сибирской нефти, полагавшего, что «понимание тех успехов, которые получены в 50-х гг., и особенно за последние десять лет» (речь шла о 1960-х гг. – М. К.), немислимо «без этого этапа (30–40-е гг.)» [13, с. 69].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ефимкин М.М. Сибирская Россия. Социально-индустриальная адаптация. Новосибирск, 2009.
2. Гедройц Н.А. Нефтеносность Советской Арктики по данным на 1949 год. Районирование по перспективам нефтеносности. Л.: М., 1950.
3. Копылов В.Е. Окрик памяти (История Тюменского края глазами инженера) : в 3 кн. Тюмень, 2001. Кн. 2.
4. Архангельский А.Д. Где и как искать новые нефтеносные области в СССР? // Нефтяное хозяйство. 1929. Т. 16, № 6.
5. Шатский Н.С. Проблемы нефтеносности Сибири // Нефтяное хозяйство. 1932. № 9.
6. Геология и нефтегазоносность Енисей-Хатангского прогиба: сб. статей / под ред. Д.С. Сорокова. Л., 1971.
7. Кулахметов Н.Х. К вопросу о северо-восточной границе Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции // Горные ведомости. Тюменский научный журнал. 2006. № 3.
8. Гедройц Н.А. Перспективы нефтеносности севера Сибири (основные итоги работ по обобщению материалов нефтеносности) // Недра Арктики. 1946. № 1.
9. Омельчук А.К. Ее величество Обь (Зов Арктики). Тюмень, 2006.

10. Нефть и газ Тюмени в документах. Свердловск, 1971. Т. 1: 1901–1965.

11. *Сакс В.Н.* Каолины на севере Западно-Сибирской низменности и их значение для познания структуры этой области // Докл. АН СССР. 1945. Т. 48, № 9.

12. *Комзорт М.В.* Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция: история открытия. Тюмень, 2008.

13. *Васильев В.Г.* Роль академика И.М. Губкина в открытии нефтегазоносных провинций Сибири // Губкинские чтения. 1968. М., 1969.

*Статья поступила
в редакцию 21.11.2011 г.*

УДК 001.8:913 (98)

Н.А. КУПЕРШТОХ

**В.Н. САКС – ОРГАНИЗАТОР ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ПРОБЛЕМАМ АРКТИКИ
В СИБИРСКОМ ОТДЕЛЕНИИ АН СССР**

канд. ист. наук
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: nataly.kuper@gmail.com

В статье рассматривается деятельность члена-корреспондента АН СССР В.Н. Сакса (1911–1979) – одного из основных организаторов исследований по комплексному изучению проблем Арктики в Институте геологии и геофизики Сибирского отделения АН СССР. В ходе исследований сначала в Ленинграде, а затем в Новосибирске были получены крупные научные результаты в области стратиграфии, палеонтологии, палеобиогеографии, седиментологии, палеогеографии, палеоклиматологии и нефтяной геологии.

Ключевые слова: член-корреспондент АН СССР В.Н. Сакс, исследования по проблемам Арктики, Институт геологии и геофизики Сибирского отделения АН СССР.

Владимир Николаевич Сакс (1911–1979) по праву считается одним из первопроходцев в изучении Арктики и северных территорий России. В ходе исследований, организованных им сначала в Ленинграде, а затем в Новосибирске, в Институте геологии и геофизики СО АН СССР, были получены крупные научные результаты в области стратиграфии, палеонтологии, палеобиогеографии, седиментологии, палеогеографии, палеоклиматологии и нефтяной геологии.

Жизни и деятельности В.Н. Сакса посвящено немало работ, среди которых – книга воспоминаний коллег и учеников [1], издания к юбилейным датам [2–5], статьи справочного характера [6]. О научном вкладе В.Н. Сакса писали академики И.С. Грамберг [7], А.А. Трофимук [8], Б.С. Соколов [9], А.Э. Конторович [10], другие ученые [11]. Становлению В.Н. Сакса как исследователя Арктики посвящена специальная статья [12]. В Новосибирске регулярно проводится конференция «Саксовские чтения», участники которой в своих докладах творчески развивают его идеи. Тем не менее в биографии ученого есть много моментов, которые не получили достаточного освещения.

Цель статьи – на основе новых документов и опубликованных воспоминаний коллег и учеников показать вклад В.Н. Сакса в научные исследования Арктики и другие актуальные проблемы геологии во время его работы в Сибирском отделении АН СССР. Освещение ключевых моментов жизни и деятельности В.Н. Сакса помогает понять его роль в истории геологического освоения северных территорий России и сформулировать задачи изучения творческого наследия ученого.

Каким образом В.Н. Сакс оказался в Новосибирске? Ответ на этот вопрос надо искать в ленинградском периоде его жизни. После окончания Ленинградского горного института (1933 г.) Владимир Николаевич работал в составе многочисленных арктических экспедиций¹. О значимости научных результатов сотрудника Арктического НИИ В.Н. Сакса свидетельствует тот факт, что в 1937 г. ему в возрасте 26 лет была присвоена степень кандидата геолого-минералогических наук без защиты диссертации².

С началом Великой Отечественной войны перед геологами страны были поставлены задачи активного поиска новых источников минерального сырья и полезных ископаемых. Несмотря на большие сложности организации поисковых работ в Арктике, Горно-геологическое управление Главсевморпути продолжало наращивать их темпы. Изучив отчеты В.Н. Сакса военного периода, академик А.Э. Конторович пришел к выводу, что Владимир Николаевич первый среди работавших в заполярных районах Сибири геологов указал на высокую перспективность поисков нефти и газа в мезозойских толщах [10].

В 1947 г. В.Н. Сакс завершил важный этап исследований защитой докторской диссертации на тему «Четвертичный период в Советской Арктике»³. По оценкам специалистов, пионерные исследования чет-

¹ Научный архив Сибирского отделения РАН (НАСО). Ф. 10. Оп. 2. Д. 484. Л. 74.

² Там же. Л. 47.

³ Там же. Л. 18.

вертикальных отложений заложили основы стратиграфии четвертичной системы всего Сибирского субконтинента [13, с. 149]. Результаты докторской диссертации В.Н. Сакс опубликовал в виде одноименной фундаментальной монографии (1948 г.).

Вскоре В.Н. Сакс перешел на работу в новый Научно-исследовательский институт геологии Арктики (НИИГА), в котором возглавил сначала сектор четвертичной геологии, а затем отдел общей геологии⁴. Научную работу он совмещал с преподавательской деятельностью в нескольких вузах Ленинграда. Со временем у него появились многочисленные последователи, представители научной школы по геологии четвертичного периода.

В конце 1950-х гг. он опубликовал в соавторстве две крупные монографии: «Юрские и меловые отложения Усть-Енисейской впадины» и «Мезозойские отложения Хатангской впадины», в которых последовательно отстаивал точку зрения о высокой перспективности на нефть и газ мезозойских отложений в Западной Сибири. Признанием научных заслуг В.Н. Сакса в 1950-е гг. стало включение его в состав редколлегии многотомной серии «Геология СССР»⁵.

При организации СО АН СССР и Института геологии и геофизики (ИГиГ) в Новосибирске академик А.А. Трофимук пригласил на работу в новый институт крупных специалистов из разных городов, в том числе из Ленинграда – В.Н. Сакса, Б.С. Соколова, Э.Э. Фотиади. Позже он вспоминал: «Владимир Николаевич Сакс. Знаком с ним еще по северным районам. Меня приглашали туда в качестве консультанта, я участвовал в некоторых комиссиях по северу и видел роль этого прекрасного стратиграфа, хорошо знающего мезозойские отложения, в которых мы намеревались найти первую большую нефть Западной Сибири» [14, с. 29–30].

В 1958 г. Владимир Николаевич дал согласие участвовать в выборах членов АН СССР по Сибирскому отделению. Кандидатуру В.Н. Сакса поддержали академик И.П. Герасимов, чл.-кор. АН СССР С.В. Обручев, а также коллективы НИИГА, Института географии АН СССР, Ленинградского университета, Всесоюзного нефтяного научно-исследовательского геологоразведочного института (ВНИГРИ)⁶.

Сразу после выборов член-корреспондент АН СССР В.Н. Сакс был зачислен в штат ИГиГ на должность заведующего отделом четвертичной геологии⁷. О том, что подразумевалось создание отдела «под Сакса», свидетельствуют первые отчеты Владимира Николаевича. В первой половине 1959 г. он занимался организацией нескольких лабораторий отдела⁸. Однако группа лабораторий так и не оформилась в реально действующий отдел под руководством В.Н. Сакса. Причины были следующие.

В 1960-е гг. в стране широким фронтом проводилась разведка полезных ископаемых, которая опиралась

на палеонтологические и биостратиграфические исследования. А.А. Трофимук скорректировал первоначальную структуру института и поставил задачу – «приступить к организации такого Отдела палеонтологии и стратиграфии, который бы... играл ведущую роль в Сибири и на Дальнем Востоке» [9]. Возможно, поэтому вместо отдела четвертичной геологии был образован отдел палеонтологии и стратиграфии под руководством чл.-кор. АН СССР Б.С. Соколова, в состав которого и вошла лаборатория палеонтологии и стратиграфии мезозоя и кайнозоя В.Н. Сакса.

По приглашению В.Н. Сакса и самостоятельно в Новосибирск прибыли специалисты из различных городов страны. Лидером группы по изучению триасовой системы и нижней юры был А.С. Дагис (Москва), впоследствии ученый с мировым именем. Его сотрудниками и учениками являются А.А. Дагис, Т.В. Клец, Н.И. Курушин, А.Г. Константинов и Е.С. Соболев. Значительный вклад в изучение ископаемой макрофауны и в разработку биостратиграфических схем юрской и меловой систем внесли С.В. Меледина (Москва), В.А. Захаров, В.Г. Князев (Ленинград), Т.И. Нальняева (Томск). Кайнозойским направлением занимались И.А. Волков, В.С. Волкова (Ленинград), Ю.П. Баранова, С.Ф. Биске (Магадан), И.А. Кулькова (Томск) и др. В разные годы в лабораторию пришли выпускники НГУ А.Л. Бейзель, Ю.И. Богомолов, О.С. Дзюба, В.Я. Санин, О.В. Хоментовский, О.В. Шенфиль, Б.Н. Шурыгин, О.В. Язикова и др.⁹ После кончины В.Н. Сакса лабораторией руководил д-р геол.-мин. наук В.А. Захаров, в настоящее время ее возглавляет чл.-кор. РАН Б.Н. Шурыгин.

С самого начала научная деятельность лаборатории охватывала широкий круг проблем по палеонтологии беспозвоночных, стратиграфии и палеогеографии мезозоя и кайнозоя преимущественно Сибири и Северо-Восточной Азии. Образцы для исследований сотрудники привозили из ежегодных экспедиций в труднодоступные северные районы Сибири. Активным организатором и участником экспедиций являлся В.Н. Сакс, который в 1960–1970-е гг. побывал на Центральном Таймыре, в Приполярном Урале, на Русской равнине. Созданная им межведомственная группа специалистов из ИГиГ, НИИГА, ВНИГРИ на протяжении многих лет работала на территории Арктики и прилегающих северных территорий.

В деятельности лаборатории естественным образом выделились два направления, которые и были заложены в ее название: кайнозойское и мезозойское.

В рамках первого направления в Новосибирске формировался крупнейший в СССР научный центр по изучению кайнозойской, в первую очередь четвертичной, истории Сибири и прилегающих областей. В.Н. Сакс координировал работы через сибирскую секцию Комиссии по изучению четвертичного периода при АН СССР, которая была создана по его инициативе [13, с. 149–150]. Секция организовала в 1960-е гг. всесоюзные совещания в Новосибирске и Хабаровске¹⁰.

В начале 1960-х гг. В.Н. Сакс предложил для изучения тему по эволюции рельефа Сибири и Даль-

⁴ Там же. Л. 49, 76.

⁵ Там же. Л. 74, 77.

⁶ Там же. Л. 70–79, 88–96.

⁷ Там же. Л. 20, 174.

⁸ Там же. Л. 120.

⁹ Данные предоставлены С.В. Мелединой.

¹⁰ НАСО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 484. Л. 109.

него Востока. Основополагающей стала его статья «О развитии рельефа Сибири на протяжении мезозойской эры и четвертичного периода», в которой выделены основные этапы становления рельефа Сибири и Дальнего Востока. В.Н. Сакс был также одним из составителей и редактором серии палеогеографических карт территорий СССР по мезозою. Эти карты и объяснительные записки к ним содержали палеогеоморфологические характеристики отдельных территорий Сибири и Дальнего Востока в мезозое [15].

Идея оформить результаты работы в многотомную серию «История развития рельефа Сибири и Дальнего Востока» также принадлежала В.Н. Саксу. Редколлегия издания возглавлял чл.-кор. АН СССР Н.А. Флоренсов, а общее научное руководство проектом – академик А.Л. Яншин. В подготовке 15-томной серии участвовали десятки специалистов из различных организаций. В 1978 г. авторский коллектив был удостоен Государственной премии СССР. Среди лауреатов премии был и чл.-кор. АН СССР В.Н. Сакс.

К 1970 г. в отделе палеонтологии и стратиграфии ИГиГ действовали четыре лаборатории, в которых работали 60 научных сотрудников, в том числе 10 докторов и 36 кандидатов наук. Лаборатория В.Н. Сакса занималась изучением стратиграфии и фауны морских отложений мезозоя на Крайнем Севере и северо-востоке Сибири, стратиграфии и палеогеографии кайнозоя на северо-востоке СССР, стратиграфии морских четвертичных отложений в Северной Сибири¹¹. Участие в международных форумах стало непременной составляющей научной деятельности как самого В.Н. Сакса, так и его сотрудников.

Успешная деятельность В.Н. Сакса в Сибири давала все основания для выдвижения его кандидатуры на следующую академическую ступень. Ученый совет ИГиГ и коллеги-геологи дважды выдвигали В.Н. Сакса для избрания академиком (в 1968 и 1970 гг.). Емкую оценку научных заслуг В.Н. Сакса дал академик А.А. Трофимук: «Исключительное значение для освоения нефтяных богатств Севера, и в первую очередь Западной Сибири, имели возглавляемые им многолетние работы научных коллективов нескольких институтов с целью разработки стратиграфической основы поисков нефти и оценки перспектив нефтеносности всего севера Сибири»¹².

В других отзывах о научной деятельности В.Н. Сакса его характеризовали «как ученого, обогатившего науку трудами первостепенного научного значения по четвертичной геологии, палеогеографии четвертичного периода, геологии моря, стратиграфии, палеогеографии и палеонтологии мезозоя, создавшего в Сибири школу геологов-четвертичников и стратиграфов, а также специалистов-палеонтологов по мезозою»¹³.

Академиком Владимир Николаевич так и не был избран. По воспоминаниям его ученицы Т.И. Нальняевой, В.Н. Сакс «понимал, что у него не меньше заслуг, чем у других, и старался доказать это своей работоспособностью, наивно полагая, что очередная изданная

монография принесет ему заслуженное преимущество перед другими соискателями» [16].

В рамках второго, мезозойского, направления В.Н. Сакс координировал работы через мезозойскую секцию Сибирского регионального межведомственного стратиграфического комитета, председателем которой он оставался до последних дней жизни. Эффективной формой взаимодействия лаборатории В.Н. Сакса с геологическими организациями, имеющими отношение к стратиграфии и палеонтологии сибирского мезозоя, были совещания и коллоквиумы. Они проводились в Ленинграде, Новосибирске, Тюмени, Магадане, Хабаровске, Владивостоке.

В.Н. Сакс и его ученики внесли выдающийся вклад в создание биостратиграфических шкал по триасовой, юрской и меловой системам севера Восточной Европы и Азии. Основу для биостратиграфических построений составляли исследования по палеонтологии. В лаборатории В.Н. Сакса изучались морские мезозойские осадки и разнообразные группы окаменелостей. Был открыт прежде неведомый мир беспозвоночных, населявших в мезозое моря Арктики. В.Н. Сакс вместе с Т.И. Нальняевой изучал юрско-меловых белемнитов – предков современных кальмаров. В серии монографий разработана систематика этой обширной группы животных, затронуты многие вопросы этапности их эволюции, экологии и палеогеографии [4].

В 1960–1970-е гг. под редакцией В.Н. Сакса были изданы десятки монографий его учеников по отдельным группам ископаемых организмов, а при непосредственном участии Владимира Николаевича выполнены сводки по биостратиграфии мезозоя сибирского региона. Под руководством и при участии В.Н. Сакса опубликованы крупные коллективные монографии, содержащие богатый фактический материал в виде описания важнейших разрезов Сибири, на основе которого разработаны биостратиграфические схемы.

Крупнейшим достижением В.Н. Сакса и его учеников явилась зональная стратиграфическая шкала мезозоя Сибири, насчитывающая 140 аммонитовых зон. В Западной Европе на разработку аналогичной шкалы ушло 125 лет, а в Сибири под руководством Владимира Николаевича она была создана за 20 лет [4]. Важнейшую роль при разработке ярусной и зональной стратиграфии В.Н. Сакс отводил всестороннему изучению опорных разрезов. При организации региональных исследований он разработал и в значительной мере реализовал передовую для своего и для настоящего времени методологию их проведения, основанную на комплексном междисциплинарном подходе с использованием методов палеоэкологического и палеомагнитного анализа [10].

В.Н. Сакс активно участвовал в организации нескольких международных мероприятий с дальними полевыми экскурсиями. Международный коллоквиум по верхней юре и границе юрской и меловой систем в Бореальном поясе в 1977 г. был организован таким образом. После пленарного заседания в Новосибирске состоялись экскурсии для участников коллоквиума из Франции, Англии, Дании, ФРГ, других стран на разрезы Поволжья и Приполярного Урала. Завершился коллоквиум в НИИГА в Ленинграде. Во время его работы

¹¹ Наука в Сибири. 1970. 1 апр.

¹² НАСО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 484. Л. 113.

¹³ Там же. Л. 118.

удалось обсудить дискуссионные проблемы изучения мезозоя Бореального пояса [17].

В.Н. Сакс включился в преподавательский процесс НГУ в 1962 г., прочитав курс лекций «Геология четвертичных отложений». Со временем он возглавил кафедру исторической геологии и палеонтологии на геолого-геофизическом факультете. Свой вклад в дело подготовки научных кадров В.Н. Сакс внес как председатель докторского диссертационного совета по палеонтологии и стратиграфии¹⁴, научный руководитель аспирантов, наставник при подготовке кандидатских и докторских диссертаций. Вокруг В.Н. Сакса просто не могла не сформироваться научная школа из преданных коллег и учеников.

Ученый-энциклопедист в области наук о Земле, В.Н. Сакс создал научную школу и был ее неформальным лидером на протяжении почти четверти века. Она объединила исследователей Арктики и северных территорий России из Новосибирска, Ленинграда, Москвы, Тюмени, Якутска. Ее представители – известные ученые: И.С. Грамберг, С.А. Архипов, В.С. Волкова, В.А. Захаров, Г.Н. Карцева, М.С. Месежников, С.В. Меледина, Т.И. Нальняева, З.З. Ронкина, С.Л. Троицкий, Е.Г. Юдовный и др. [5].

Сибирский период жизни В.Н. Сакса оказался не менее плодотворным, чем ленинградский. Работая в академическом учреждении, он получил новые возможности для координации исследований по различным проблемам геологии. Исследования ученого стали известны в мире, он постоянно выезжал в различные страны для участия в работе международных конференций и конгрессов. В Сибири В.Н. Сакс достиг высокого общественного признания: стал лауреатом Государственной премии СССР, дважды награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В.Н. Сакс оставил большое научное наследие. Учитывая все возрастающий интерес к Арктике и ее геологической истории, исследователи разных стран постоянно обращаются к трудам В.Н. Сакса, черпая идеи для своих выводов. И это закономерно. Из 270 опубликованных им работ свыше 20 представляют хорошо известные крупные монографии [4]. В 2007–2008 гг. увидели свет избранные труды В.Н. Сакса в двух книгах, куда вошли статьи и доклады, подготовленные ученым на протяжении его творческой жизни [18; 19].

Академик А.Э. Конторович, глубоко изучив содержание работ В.Н. Сакса, выделил в них тематические блоки по различным проблемам, развитие которых Владимир Николаевич считал перспективным и формулировал конкретные задачи по их решению [10]. Эти задачи касаются таких областей знания, как стратиграфия, палеонтология, палеогеография, палеоокеанология, палеоклиматология, нефтяная геология. Программу, или «завещание» В.Н. Сакса (определение А.Э. Конторовича), исследователям еще предстоит реализовать.

Автор выражает признательность члену-корреспонденту РАН Б.Н. Шурыгину и доктору геолого-минералогических наук С.В. Мелединой за консультации и помощь в подготовке статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. В.Н. Сакс – выдающийся исследователь Арктики. Новосибирск, 2001.
2. Мезозой советской Арктики // Тр. Ин-та геологии и геофизики. Новосибирск, 1983. Вып. 555 (К 70-летию со дня рождения В.Н. Сакса).
3. Палеонтология, биоистратиграфия и палеобиогеография бореального мезозоя : матер. науч. сессии, посв. 95-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР В.Н. Сакса. Новосибирск, 2006.
4. К 100-летию со дня рождения Сакса Владимира Николаевича // Геология и геофизика. 2011. Т. 52, № 4.
5. Добрецов Н.Л., Конторович А.Э., Ронкина З.З. и др. Вечно молодая душа... (К 100-летию со дня рождения В.Н. Сакса) // Наука в Сибири. 2011. № 15.
6. Сакс Владимир Николаевич // Российская академия наук. Сибирское отделение: Персональный состав. Новосибирск, 2007.
7. Грамберг И.С. Владимир Николаевич Сакс – введение в научную биографию // Геологическая история Арктики в мезозое и кайнозое. СПб., 1992. Кн. 1: Материалы чтений памяти В.Н. Сакса. С. 5–8.
8. Трофимук А.А. Сакс В.Н. – крупный организатор науки в Сибирском отделении АН СССР // Ярусные и зональные шкалы бореального мезозоя СССР. М., 1989. С. 6–8.
9. Соколов Б.С. Благородство, выдержка и неустанный труд // В.Н. Сакс – выдающийся исследователь Арктики. С. 101–106.
10. Конторович А.Э. Встречи с В.Н. Саксом // В.Н. Сакс – выдающийся исследователь Арктики. С. 107–125.
11. Захаров В.А., Конторович А.Э., Меледина С.В. и др. Выдающийся исследователь геологии Сибири и Арктики (к 100-летию В.Н. Сакса) // Новости палеонтологии и стратиграфии: Прил. к журн. «Геология и геофизика». 2011. Вып. 15.
12. Куперштох Н.А. В.Н. Сакс – исследователь Арктики и северных территорий России // Актуальные проблемы российской государственной политики в Арктике (XX – начало XXI в.): сб. науч. тр. Новосибирск, 2011. С. 82–100.
13. История развития геологии и геофизики СО (АН СССР и РАН) и его научных направлений. Новосибирск, 2010.
14. Главный геолог. Новосибирск, 2002.
15. Зяткова Л.К. В.Н. Сакс – исследователь истории развития рельефа Сибири // В.Н. Сакс – выдающийся исследователь Арктики. С. 164–168.
16. Нальняева Т.И. Мой учитель Владимир Николаевич Сакс // В.Н. Сакс – выдающийся исследователь Арктики. С. 154–163.
17. Меледина С.В. Фрагменты воспоминаний // В.Н. Сакс – выдающийся исследователь Арктики. С. 172–182.
18. Сакс В.Н. Избранные труды. Новосибирск, 2007. Кн. 1: Биоистратиграфия и палеобиогеография мезозоя Сибири.
19. Сакс В.Н. Избранные труды. Новосибирск, 2008. Кн. 2: Этапность развития биосферы и органического мира в мезозое.

Статья поступила
в редакцию 21.11.2011 г.

¹⁴ Там же. Л. 162.

УДК 94(470)084.9“1959/1989”

Г.Г. КОРНИЛОВ

НАСЕЛЕНИЕ ЯМАЛА В ПЕРИОД ПРОМЫШЛЕННОГО ОСВОЕНИЯ (1959–1989 гг.)

канд. ист. наук
Институт истории и археологии УрО РАН,
г. Екатеринбург
e-mail: ggkornilov@mail.ru

В статье предпринята попытка комплексного изучения демографического развития Ямало-Ненецкого округа в 1959–1989-е гг. Впервые представлена динамика численности и состава населения Ямала, основных демографических показателей, на основе массовых источников выстроены динамические ряды для рождаемости, смертности, брачности, разводимости, миграционных процессов как в целом, так и в разрезе сельского и городского населения. Выявлена взаимосвязь демографических процессов, протекавших на Ямале, с политической и социально-экономической обстановкой. Предложена авторская периодизация процесса формирования населения округа.

Ключевые слова: историческая демография, промышленное освоение, население, Север, Ямал.

История освоения российского Севера – это непрерывный процесс колонизации, вектор которого исходил от центра страны в восточном и северном направлениях. Причем хозяйственному освоению огромных малонаселенных территорий всегда препятствовали факторы географического и климатического характера. Включение территории Севера в активный хозяйственный оборот требовало огромных усилий, затрат и времени. Сложным и долгим был процесс освоения арктических территорий.

Известный исследователь А.В. Головнев утверждал, что историю освоения Севера Российским государством можно рассматривать как процесс постепенной интеграции русской (евразийской) и туземной цивилизаций, связанный с постоянным увеличением давления на местное население в военно-политическом, административном, социально-трудовом и экономическом отношениях. Три этапа, обозначенные А.В. Головневым [1, с. 3–18] как военный, конфессиональный и правовой, объединяют пять столетий колонизации северных территорий по всему спектру возможных отношений. Экономическую сторону этих взаимосвязей лучше всего характеризует логика освоенческой политики государства, заключающаяся в желании получать «природную ренту», используя легкодоступные естественные ресурсы. Экстенсивная модель освоения природных богатств северных территорий отражала желание минимизировать затраты на развитие территории и социальную сферу. Однако явное отставание Российского государства от крупных западных держав в промышленном и экономическом плане, наметившееся к середине XIX в., вынудило правительство искать пути иного, более интенсивного, ускоренного развития промышленного потенциала.

«Восточное» направление промышленного развития, методологические основы которого разработал С.Ю. Витте, включало создание новых промышленных и социальных объектов, транспортной инфраструкту-

ры и новых населенных пунктов. Идею комплексного развития промышленности Урала и Сибири поддержал и В.И. Ленин. С появлением командно-административной системы государство взяло на себя функции главного хозяйствующего субъекта, однако комплексное развитие территории являлось не целью, а средством решения других задач. Основным фактором развития северных территорий стал экономический. Воплощение масштабных и амбициозных хозяйственных проектов было под силу только тоталитарному государству, имеющему возможности привлекать огромные материальные и трудовые ресурсы, практически не считаясь с издержками.

Курс на развитие производительных сил на востоке страны в рамках индустриализации слабо затронул северные районы. Их развитие за отсутствием транспортных систем происходило преимущественно по водным путям, акцент в развитии Севера делался на оленеводство и рыбную промышленность – традиционные промыслы Ямалского Севера. В отличие от оленеводства, которое почти полностью было делом коренного населения, для развития рыбной промышленности требовались значительные трудовые ресурсы. Их источником стала «кулацкая ссылка», в рамках которой за 1930–1935 гг. в необжитые районы севера Уральской области было перемещено около 2 тыс. семей [2, с. 108]. Для их размещения была создана сеть спецпоселков, концентрировавшая контингент спецпереселенцев в небольших стационарных пунктах в несколько десятков домов. В 1940-х гг. в рамках «этнической ссылки» для дальнейшего освоения бассейнов рек на Север было перемещено еще около 8 тыс. чел. Самым масштабным по численности принудительно перемещенного населения «проектом» советского правительства стало строительство железнодорожной магистрали Чум–Салехард–Игарка. Численность строителей в отдельные периоды с конца 1940-х до середины 1950-х гг. достигала 70 тыс. чел., что было

сопоставимо со всем населением Ямало-Ненецкого округа. Однако именно в рамках «501 и 503 строек» выявились основные трудности в освоении Севера. Именно провал этих проектов позволил сделать вывод, что в условиях Севера без создания поселенческой сети и социальной инфраструктуры строительство было обречено на огромные издержки.

В 1960-х гг. образовалась значительная диспропорция между разведанными запасами углеводородного сырья Европейской части СССР (Башкирия, Татария, Саратовская область) и темпами их прироста и реальной добычи. Начали падать и показатели в развитых районах нефтяной отрасли – на Кубани, в Азербайджане и Башкортостане. В этом положении своего рода «спасательным кругом» для нефтяной пятилетки представлялись неосвоенные запасы Тюменской области. Истощение источников экстенсивного роста экономики в начале 1970-х гг. заставило правительство форсировать добычу нефти и газа в Западной Сибири. Именно сюда направлялись основные капиталовложения, и к 1985 г. на территории Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК) стало добываться 60 % общесоюзной нефти и 55 % газа [3, с. 29], а в настоящее время – более 90 % газа России [4, с. 5]. Основная доля добычи нефти приходится на территорию Ханты-Мансийского автономного округа, основное развитие газовой промышленности сосредоточено на Ямале.

Были ли допущены в ходе освоения ЗСНГК непростительные, непоправимые ошибки, как считает М.В. Славкина [5, с. 167]? Да, отраслевая узость, сырьевая ориентация экономики Севера, тяжелые климатические и производственные условия, когда все приходилось создавать с «нуля»... То, как происходило освоение Севера, должно быть объективно отражено в трудах представителей различных наук, без «примесей» какой-либо идеологии. Советский период развития ЗСНГК должен оцениваться по его результатам.

Происходившие изменения в трудовых ресурсах, численности населения, миграционных потоках и их направленности – все эти процессы могут быть отражены через призму исторической демографии.

Промышленное освоение территории Ямала происходило под влиянием активных миграционных процессов, существенно увеличивших численность и изменивших демографическую структуру населения. Н.Е. Галева отмечает, что в отличие от прочих масштабных строек прошлого, «принципиально новой частью управления миграционным движением в советский период стало предоставление на законодательном уровне льгот лицам, работающим в районах Крайнего Севера [...] что способствовало добровольному переселению и закреплению мигрантов» [6, с. 10]. Для работы на Севере привлекалась рабочая сила из более обжитых и густонаселенных районов страны – по набору и общественным комсомольским призывам. Интенсивное промышленное освоение территории округа стало оказывать решающее влияние на формирование населения региона, его численность и состав.

За 1959–1989 гг. население Ямала увеличилось с 62,3 тыс. чел. до 494,9 тыс. чел. (или в 7,94 раза). Однако рост населения округа происходил неравномерно:

если за 1959–1967 гг. увеличение составило 19 % (темпы прироста 1–3 % в год), то в 1968–1978 гг. – 213 % (темпы ежегодного прироста достигал 10–11 %), а за 1979–1989 гг. абсолютный прирост достиг 312 % (15–18 % ежегодно)¹. Таких темпов прироста населения, какие фиксировались в округе в 1980-е гг., не знал ни один северный регион страны. Подобный бум охватил и Ханты-Мансийский округ, где промышленное освоение происходило десятилетиями раньше, и более равномерно, чем на Ямале.

Анализ демографических данных показал, что наиболее интенсивно росло население в зоне непосредственной разработки месторождений – Надымском и Пуровском районах. В других районах округа сохранялись невысокие темпы прироста населения, характерные до начала промышленного освоения. Факторами, влиявшими на освоение природных богатств края и заселение его территории, являлись суровый климат, труднодоступность территории, слабое развитие транспортной системы и инфраструктуры. Рост населения связан с началом обустройства и эксплуатации месторождения Медвежье в 1967 г., а в 1970-е гг. были проложены магистральные газопроводы Медвежье–Надым–Пунга и Уренгой–Помары–Ужгород, построена железная дорога Сургут–Уренгой и началась активная разработка сети месторождений Уренгойского и Ноябрьского ареалов.

Структурные изменения в экономике Ямала, связанные с активным промышленным освоением, являлись основным фактором увеличения численности и удельного веса городского населения, роста значения городов в развитии региона. До промышленного освоения основная часть населения проживала в сельской местности, городское население было сосредоточено в окружном центре Салехарде и рабочем поселке Лабитнанги. За 1959–1967 гг. численность сельского населения увеличилась на 4,2 %, городского – на 46,9 %. Основой роста стало увеличение численности жителей Салехарда, в котором проживало 65 % городского населения округа. Сельское население было рассредоточено по 34 сельсоветам округа, расположенным в семи районах, средняя численность жителей в которых не превышала 7–8 тыс. чел.

В первое десятилетие освоения газоносных месторождений рост населения привел к изменению соотношения городского и сельского населения. К 1978 г. доли селян и горожан уравнились (соответственно 49,4 и 50,6 %). В 1970-е гг. большая часть приехавших осваивать суровый край и оставшихся на постоянное место жительства проживала и регистрировалась в сельской местности. Это привело к росту сельского населения округа в 1,85 раза. В связи со значительным увеличением численности населения часть сельских поселений получила статус поселков городского типа, статус городов получили Надым (1972 г.) и Лабитнанги (1975 г.).

В последующее десятилетие городское население росло более быстрыми темпами – оно увеличилось с 80,1 тыс. чел. в 1978 г. до 378,4 тыс. в 1989 г. (в 4,72

¹ Всесоюзные переписи населения 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. (подсчеты автора).

раза). Доля городского населения к 1989 г. увеличилась до 76,5 %, сельского – снизилась до 23,5 %. В сельской местности округа к концу 1980-х гг. проживало 116,5 тыс. чел., за 1980-е гг. оно выросло на 38,5 %, большая его часть была сосредоточена в Надымском, Пуровском и Ямальском районах².

Активное заселение нефтегазовых районов Ямала резко изменило этническую структуру населения. Доля коренных народов в населении округа неуклонно уменьшалась: в 1970 г. она составляла 32,1 %, в 1979 г. – 16,1, в 1989 г. – 6 %. Заметно увеличился удельный вес русских (с 44,6 % в 1959 г. до 59,2 % в 1989 г.), украинцев (до 17,2 %), татар (до 5,3 %), белорусов (до 2,5 %) (в 1959 г. они фиксировались среди прочего населения)³. Несмотря на пестрый национальный состав населения, крупных межэтнических конфликтов в исследуемый период не зафиксировано.

За 1960–1980-е гг. произошли существенные изменения и в половозрастном составе населения. Ямалу нужны были молодые выносливые люди, способные мириться с бытовым неблагоустройством и переносить суровые природно-климатические условия. Первую волну рабочей миграции (с 1967 г.) характеризует значительное увеличение доли мужчин 30–35 лет (до 61,3 %). В этот период практиковался вахтовый принцип организации труда – рабочие не брали с собой семьи. Начавшийся с конца 1960-х гг. мощный приток населения преобразил половозрастную структуру населения Ямала. Резко увеличилась численность молодых трудоспособных возрастов, в этой группе явный перевес имели мужчины в возрасте 25–39 лет.

Половозрастная пирамида 1989 г. в полной мере отразила все эти изменения, произошедшие в округе, и представляла собой сформированную демографическую единицу, которая в дальнейшем не претерпевала значительных изменений. Доля детей и подростков составила 31,4 %. Существенно уменьшилась доля людей пожилого возраста 60 лет и старше – до 1,5 %. Группа трудоспособного возраста 16–59 лет достигала 67,1 %, основную долю в ней составили мужчины (41 % от всего населения округа) и женщины (38 %).

Сформировавшаяся половозрастная структура ЯНАО являлась чрезвычайно благоприятной с точки зрения воспроизводства населения. В округе было создано сильное, молодое и перспективное ядро населения, способное поддерживать текущее воспроизводство и продолжать освоение природных богатств Ямала.

Процессы воспроизводства населения также подверглись значительным деформациям. До промышленного освоения был характерен высокий естес-

твенный прирост: в сельской местности – 15–18 %, в городской – 10–11 %. В первое десятилетие освоения этот показатель в городах и на селе практически выравнивался на уровне 10–12 %, а в 1980-е гг. увеличился до 13–16 %, что превышало соответствующий показатель по РСФСР в 2–3 раза.

В значительной степени это было обусловлено развитием системы здравоохранения: за 1960–1980-е гг. число больниц и диспансеров в округе увеличилось в 1,5 раза, мест в них – в 4,5 раза, количество фельдшерских и здравпунктов – в 2,5 раза. Это привлекло в округ значительное число медицинских работников: количество врачей за исследуемый период увеличилось в 7,2 раза, среднего медицинского персонала – в 5,1 раза⁴. В результате в округе улучшилась обеспеченность населения медицинскими услугами, повысились качество и эффективность санитарно-эпидемиологического надзора, совершенствовались формы и методы санитарной службы, что позволило снизить заболеваемость инфекционными болезнями, устранить влияние на здоровье людей ряда вредных производственных факторов.

Активное промышленное освоение Ямала коренным образом изменило течение демографических процессов. Конец первого этапа демографического перехода в России практически не затронул население Ямала (в 1960-е гг. здесь фиксировалась высокая нерегулируемая рождаемость, высокая смертность). Второй этап демографического перехода, для которого характерно снижение смертности, особенно младенческой, стабилизация рождаемости, совпал в регионе с мощным миграционным притоком. Это привело к «демографическому взрыву», пик которого пришелся на 1980-е гг.

Исследование миграционных процессов на Ямале в период активного промышленного освоения позволяет проследить основные направления и объемы движения переселенцев, оценить их приживаемость в новых районах. В 1959–1968 гг. отмечался незначительный прирост населения, более 87 % которого приходилось на долю естественного движения. За 1969–1978 гг. население округа удвоилось. Однако произошла рокировка в соотношении естественного и миграционного прироста. Перепись 1979 г. показала, что только 29 % населения являлись уроженцами округа, доминировали приезжие. Более 54 % жителей относились к новоселам (проживали от 2 до 9 лет). В городских поселениях доля пришлого населения была значительно выше, чем на селе. Тем не менее в 1970-е гг. в сельской местности Ямала отмечался наибольший удельный вес мигрантов, поскольку сельские поселения стали базовыми для приема и размещения переселенцев. За 1979–1989 гг. население округа увеличилось на 329 тыс. чел., из них миграции дали 84,3 % прироста, естественный прирост составил 15,7 %. Более трех четвертей мигрантов осело в городской местности. Миграционный прирост оставался высоким, достигался он за счет огромных потоков прибывавших и выбывавших. Миграция выполняла свою основную функцию – территориаль-

² Составлено и рассчитано по: Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа (ГАЯНАО). Ф. 34. Оп. 1. Д. 390. Л. 133–141; Д. 394. Л. 133–140; Д. 416. Л. 42–43, 57–58, 60–61, 66–67; Д. 445. Л. 74–80; Д. 464. Л. 115–123; Д. 480. Л. 170–177; Д. 498. Л. 140–148; Д. 529. Л. 185–192; Д. 549. Л. 158–166; Д. 577. Л. 180–183, 222–224, 232–234; Д. 602. Л. 31–42; Д. 627. Л. 59–72; Д. 661. Л. 51–63; Д. 696. Л. 259–273; Д. 735. Л. 150–170; Д. 780. Л. 223–242; Д. 832. Л. 133–152; Д. 880. Л. 153–171; Д. 928. Л. 239–261.

³ Всесоюзные переписи населения 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. (подсчеты автора).

⁴ Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 135. Оп. 52. Д. 19. Л. 1–4.

ное перераспределение трудовых ресурсов в пользу Ямала.

За 1959–1989 гг. на Ямал прибыло 806 тыс. чел., причем 771 тыс. – в 1969–1989 гг.⁵ Сальдо миграции за это время составило 335 тыс. чел., а за период активного промышленного освоения – 331 тыс. чел. Основными районами, которые приняли переселенцев и в которых была высока доля приживаемости, являлись Надымский и Пуровский. На их долю приходилось три четверти всего миграционного прироста по округу. Анализ данных механического движения населения позволяет выделить две миграционные волны: 1968–1978 гг., когда сельское население увеличилось на 33 тыс. чел. и на 34 тыс. – городское; 1979–1989 гг., когда сельское население выросло на 63 тыс. чел., а городское – на 200 тыс.⁶ Доля миграции в формировании населения повышалась по мере наращивания добычи природного газа, строительства трубопроводов, железных и автомобильных дорог, жилых домов. Если в годы первой волны среди мигрантов преобладало мужское население, то по мере освоения территории активно стали прибывать женщины. Две трети мигрантов составляли выходцы из других регионов страны (межобластная миграция), одна треть приходилась на долю внутриобластных перемещений (в пределах Тюменской области). ЯНАО притягивал население из Уральского экономического района, центральных районов России, Поволжья и Северного Кавказа. Каждый пятый мигрант был уроженцем Украины.

Движущими стимулами переезда на Ямал с экстремальными для переселенцев условиями являлись высокая заработная плата и различные льготы для работавших на Крайнем Севере. Кроме того, людей привлекала перспектива получения квартиры. Однако тяжелейшие условия труда, бытовая неустроенность в суровых природно-климатических условиях вызывали обратную миграцию. Высокая территориальная подвижность населения на Ямале, особенности в отношении пола и возраста оказали существенное влияние на демографический состав населения.

За период активного промышленного освоения на территории ЯНАО к концу 1980-х гг. в основном сформировалась современная сеть городских и сельских поселений. К началу 1960-х гг. в сельских населенных пунктах функционировало 34 сельских совета, их население составляло от 500 до 1500 чел. Единственным городом оставался Салехард и п. г. т. Лабытнанги. В 1962 г. были открыты первые месторождения природного газа в Приполярье, однако промышленное освоение началось в конце 1960-х гг. Кроме Сале-

харда, центром освоения стал Надым – первый город строителей и газовиков, через который шли потоки переселенцев на восток и север.

За 1970-е гг. увеличивается число городов и поселенцев городского типа, происходят административно-территориальные преобразования. Интенсивное промышленное освоение в 1980-х гг. способствовало увеличению населения в 3 раза. Большая часть переселенцев оседала в городах, их численность выросла в 4,7 раза. К концу 1980-х гг. в округе имелось пять городов (с 1980 г. Новый Уренгой, с 1982 г. – Ноябрьск) и девять поселков городского типа. Население Нового Уренгоя и Ноябрьска за 1980-е гг. увеличилось в 3 раза, Надыма – в 2 раза. Основные потоки мигрантов были устремлены в города.

На формирование населения оказывали влияние прежде всего промышленный фактор, экономическая ситуация, а также социальная политика, проводимая в 1970–1980-е гг. Ускоренное развитие ЯНАО обусловило скачкообразный характер урбанизации. Серьезной проблемой Ямала являлось противоречие между значимостью региона в экономике страны и низким уровнем обеспечения его населения социальной системой жизнедеятельности. Нараставшая инерция общества, выражавшаяся в смене демографического поведения, семейного уклада и отношения людей к рождению детей, совпавшая с кризисом СССР, привела к уменьшению привлекательности постоянной жизни на Севере, вызвала снижение механического прироста населения в конце 1980-х гг.

Изучение динамики численности и процессов формирования его демографической структуры позволило выделить три периода в развитии населения Ямала в 1959–1989 гг., характеризующиеся разными тенденциями. **Первый – 1959–1967 гг.**, период до промышленного освоения. Две трети населения проживало в сельской местности, демографическое развитие происходило в рамках традиционного типа воспроизводства. Демографическая система была «закрытой», ее основное отличие составляло то, что население не было подвержено ассимиляции, низкой оставалась миграция. Социальная инфраструктура не была достаточно развита. Медленное увеличение населения происходило за счет естественного прироста. **Второй период – 1968–1978 гг.** Начавшийся в связи с освоением газовых месторождений рост населения носил в эти годы в основном «вахтовый» характер. Прибывавшие размещались во временных и вахтовых поселках при месторождениях и регистрировались в сельской местности. Вахтовики были малосемейными, в процессе воспроизводства участвовали слабо. Большинство рабочих поселков на начальном этапе не имело развитой инфраструктуры, бытовые условия были далеки от нормы, медицинское, культурное и торговое обслуживание оставалось не развитым. Велика была текучесть кадров и слаба их закрепляемость. В формировании структуры населения решающее значение приобрели миграционные процессы. **Третий период – 1979–1989 гг.** Освоение территории происходило высочайшими темпами, расширялось территориальное размещение населения, наиболее привлекательными были поселки городского типа.

⁵ Составлено и рассчитано по: ГА ЯНАО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 233. Л. 42, 43; Д. 272. Л. 24–26; Д. 294. Л. 131, 131 об.; Д. 310. Л. 141, 141 об.; Д. 338. Л. 89, 90; Д. 349. Л. 109, 110; Д. 366. Л. 76, 77, 80, 81, 87, 88, 92, 92 об.; Д. 377. Л. 2–8; Д. 390. Л. 133–136, 138–141; Д. 416. Л. 42, 43, 57, 58, 60, 61, 66, 67; Д. 445. Л. 74–80; Д. 464. Л. 115–123; Д. 480. Л. 170–177; Д. 498. Л. 140–148; Д. 529. Л. 185–192; Д. 549. Л. 158–166; Д. 577. Л. 180–183, 222–224, 232–234; Д. 602. Л. 31–42; Д. 627. Л. 74–97; Д. 661. Л. 51–63; Д. 696. Л. 259–273; Д. 735. Л. 150–170; Д. 780. Л. 223–242; Д. 832. Л. 133–152; Д. 880. Л. 153–171; Д. 928. Л. 239–261.

⁶ Там же.

Развитие социальной инфраструктуры, улучшение бытовых условий повысили закрепляемость рабочих кадров, возросло количество семей, однако основную роль в формировании населения по-прежнему играл миграционный фактор. Ямал превратился в один из наиболее урбанизированных регионов России, где сформировалась благоприятная демографическая структура населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головнев А.В. Русское влияние на культуру народов Северо-Западной Сибири в XVII – XIX вв. // Культурный потенциал Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1992.

2. Михалев Н.А. Население Ямала в первой половине XX века: историко-демографический анализ. Екатеринбург, 2010.

3. Карпов В.П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Тюмень, 2005.

4. Карпов В.П., Колева Г.Ю., Гаврилова Н.Ю. и др. Тюменский индустриальный взрыв: история мегапроекта. Тюмень, 2011.

5. Славкина М.В. Триумф и трагедия: развитие нефтегазового комплекса СССР. Новосибирск, 2002.

6. Галева Н.Е. Особенности формирования народонаселения Европейского Севера России : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2005.

Статья поступила
в редакцию 03.11.2011 г.

УДК: 94 (98+571)

А.А. СУЛЕЙМАНОВ

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ИССЛЕДОВАНИИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЯКУТИИ В КОНЦЕ XX в.

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск
e-mail: alexas1306@mail.ru

В статье рассматриваются международные научно-исследовательские инициативы по изучению коренных народов Якутии, проживающих в арктических районах. Отмечено, что проведенные учеными исследования позволили определить два разнонаправленных фактора, влияющих на деятельность аборигенных этносов, – стремление к усилению роли элементов традиционного образа жизни при одновременном росте влияния различных модернизационных и ассимиляционных процессов.

Ключевые слова: Арктика, Якутия, коренные народы, научное сотрудничество, международный проект, экспедиция.

В арктических районах¹ Республики Саха (Якутия) проживает несколько народов, относящихся к коренным: долганы, чукчи, эвенки, эвены, юкагиры и якуты. Такая этническая палитра, естественно, давно приковывала внимание ученых, однако, лишь после падения «железного занавеса» и демократических реформ рубежа 1980–1990-х гг. стало возможно сотрудничество российских и зарубежных исследователей по изучению жизнедеятельности коренных народов и анализу последствий различных трансформационных процессов, произошедших в минувшем столетии.

В 1993 г. в Якутске состоялась международная конференция «Языки, культура и будущее народов Арктики», ведущее место на которой заняло обсуждение вопросов, связанных с развитием аборигенных этносов, а также с координацией научно-исследовательских работ ученых из России и других стран мира. Так, в ходе работы конференции ее участница Г. Ошеренко (Институт арктических исследований, США) обратилась к руководству Института истории, языка и литературы СО РАН (с 1995 г. – Институт гумани-

тарных исследований Академии наук Республики Саха (Якутия) – далее ИГИ АН РС(Я)) с предложением о сотрудничестве в рамках международной программы по изучению Северного морского пути (СМП) – INSROP (International Northern Sea Route Programme).

Главной целью INSROP являлось привлечение деловых кругов к развитию СМП и соответствующее обоснование его экономической эффективности. При этом программа призвана была оценить потенциальное воздействие повышенной интенсивности судоходства на экологию Арктики, ее коренное население и разработать рекомендации по минимизации возможных негативных последствий [1, с. 565].

INSROP включала в себя несколько подпрограмм, формировавшихся на основе отдельных проектов (по тематическим блокам), для выполнения которых были привлечены специалисты из целого ряда стран мира (Великобритания, Германия, Канада, Норвегия, США, Финляндия, Швеция, Япония и др.) и регионов России.

Один из этих проектов – «Влияние Северного морского пути на социальное и культурное развитие коренных народов арктической зоны Республики Саха (Якутия)» в рамках тематического блока «Социальное

¹ В данной работе под Арктикой понимается часть земного шара, прилегающая к Северному полюсу и ограниченная с юга Полярным кругом (66°33 с. ш.).

и культурное воздействие расширенного использования Северного морского пути на коренные народы» (подпрограмма «Политические, правовые и стратегические факторы») – выполнили якутские ученые: сотрудники ИГИ АН РС(Я) С.И. Боякова (руководитель), В.Н. Иванов, Т.С. Иванова, В.Б. Игнатьева, С.П. Кистенев и Д.А. Ширина, Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН (ИПМНС СО РАН) – Л.И. Винокурова и Института региональной экономики АН РС(Я) – Б.В. Иванов. Тематическим блоком руководила Г. Ошеренко. Финансировались исследования американской стороной.

Участники проекта на основе изучения архивных материалов, федерального и республиканского законодательства, документов правительственных органов Якутии, статистических данных, результатов проводившихся ранее исследований и периодической печати рассмотрели обширный круг вопросов, касающийся влияния развития СМП на коренное население пяти прибрежных улусов (Аллаиховский, Анабарский, Булуунский, Нижнеколымский и Усть-Янский).

Специалисты назвали положительные моменты освоения СМП: развитие судоходства и транспортной системы, улучшение снабжения северных улусов и рост промышленного производства. Вместе с тем ученые определили и главные проблемы коренного населения, вызванные демографическими изменениями (превышение допустимой для экологической емкости арктических экосистем концентрации населения, негативное воздействие новых поселенцев на традиционные устои жизни коренного населения); ухудшением социальных условий (обветшание объектов жилищного фонда и коммунальной инфраструктуры); интенсивным промышленным освоением и соответствующими экологическими последствиями для традиционной экономической базы; проводившейся государственной политикой («культурная революция», коллективизация, государственная монополия на закупку пушнины и т. д.) и расшатыванием культурных ценностей (появление поколения, не знающего родной язык и традиции своего народа). Участники проекта выразили уверенность, что «расширение международного использования СМП усугубит существующие социальные проблемы региона». Вместе с тем, исследователи предложили возможные пути нивелирования таких издержек: совершенствование законодательства, проведение экологического мониторинга, организация сети охраняемых территорий и акваторий, создание специального фонда, существующего за счет доходов от эксплуатации Севморпути с целью поддержки коренных народов и разработка туристических программ [2, р. 5–67]. Следует отметить, что работа над данным проектом явилась первым опытом участия ученых-гуманитариев Якутии в столь масштабных международных научных изысканиях.

Более локальными были российско-немецкие исследования 1995 г. в Анабарском улусе. В экспедиции «Анабарские долганы: история и современность» приняли участие О. Турза, Я. Турза (Институт этнологии Фрайбургского университета, Германия) и В.А. Роббек

(ИПМНС СО РАН)². Они собрали полевые материалы по языку и этнографии долган, изучили проблемы этнического самосознания этого народа. Так, было выяснено, что большинство опрошенных идентифицируют себя исключительно в качестве долган, а свой язык – как долганский (хорошо известно, что вокруг этих проблем в научном мире до сих пор нет единства мнений). Особое внимание исследователи уделили анализу состояния традиционных отраслей хозяйствования, влияния на них социально-экономических изменений первой половины 1990-х гг. и определили основную тенденцию в жизни местного населения – отход от кочевого образа жизни в пользу оседлого³.

В 1996 г. было подписано соглашение между ИПМНС СО РАН и Национальным центром научных исследований Франции о сотрудничестве в рамках проекта «Природная среда и культурное наследие малочисленных народов севера Якутии»⁴. Его целью являлся анализ демографических, социальных и культурных трансформаций у аборигенных этносов в условиях изменений природной среды и сопутствующих им угроз. Финансировались работы зарубежными партнерами⁵.

В 1997 и 2000 гг. по проекту были проведены экспедиции в Средне- и Нижнеколымский улусы. В них приняли участие сотрудники Национального центра научных исследований Б. Шишло (руководитель) и Ж. Робер-Ламблен, университета Бордо и Института полярных исследований К. Мале, ИПМНС СО РАН В.А. Роббек и Якутского государственного университета им. М.К. Аммосова (ЯГУ) О. Григорьева (переводчик). Изыскания проводились в населенных пунктах: Среднеколымск, Березовка, Черский, Колымское и Андрушкино, где проживают коренные малочисленные народы Севера, якуты и русские старожилы⁶.

В деятельности этих экспедиций можно выделить несколько направлений. Это, во-первых, изучение демографической ситуации с целью определения изменений, произошедших после развала Советского Союза (ученые выявили большой отток людей, прибывших в эти места в 1960–1980-е гг. из западных регионов страны). Особое внимание уделялось проблемам семьи: проведены исследования «ячейки общества» по специальной анкете, впервые примененной Ж. Робер-Ламб-

² Отчет о научной и научно-организационной деятельности Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН за 1995 г. // Текущий архив Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН. С. 23.

³ Turza J., Turza O. Die uestlichen Dolganen im Nordwesten von Jakutien. Abstract // Антропология Германии. URL: <http://www.anthropology-online.de/Aga01/0044.html> (дата обращения: 18.12.2009).

⁴ Договор о сотрудничестве между Институтом проблем малочисленных народов Севера СО РАН и Национальным центром научных исследований Франции (Париж). 27.09.1996 г. // Текущий архив Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН. С. 23.

⁵ Chichlo B., Robert-Lamblin J., Malet Ch. Transformations des societies autochtones. Research anthropologiques en Yakoutie Arctique (programme pluriannuel en cours): Preprint // Ibid. P. 1.

⁶ Отчет о научной и научно-организационной деятельности Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН за 1997 г. // Там же. С. 11; Отчет ... за 1998–2002 гг. // Там же. С. 83–84.

лен среди гренландских эскимосов (1960–1990-е гг.). Делалось это для того, чтобы впоследствии сравнить эволюцию семьи и трансформацию ее основных ценностей (супружество и дети) в разных этнических и культурных условиях Арктики.

Во-вторых, важным направлением работы экспедиций стало изучение состояния здоровья местного населения и окружающей среды. С этой целью отбирались пробы питьевой воды для анализа ее качества; воздуха, почвы, растений и мяса животных – для измерения содержания в них радиации (последующие лабораторные анализы не выявили повышенного содержания радиоактивных элементов, однако, качество питьевой воды оказалось крайне низким)⁷.

В-третьих, областью исследования являлись системы питания, вкусовые привычки у различных групп населения (изучавшиеся также на основе методики, примененной ранее в Гренландии). Для того чтобы выявить разницу между генетически унаследованными вкусовыми реакциями и приобретенными привычками, рассматривалось влияние на питание местного населения таких социокультурных факторов, как религиозные запреты, семейные и этнические традиции, кулинарная мода. Благодаря проведенным изысканиям ученые выявили радикальные различия во вкусовых привычках поколения моложе 30 лет и более старшего поколения, которое специалисты объяснили воздействием пришлого населения, формированием системы школ-интернатов и пропагандой западной кулинарной моды средствами массовой информации. Кроме этого, исследователи установили существенные отличия в реакциях на различные компоненты пищи (соль, сахар и др.) у автохтонного населения арктических территорий Республики Саха (Якутия) и Гренландии. Так, у представителей коренных народов Якутии был выявлен более низкий порог чувствительности к соли, чем у эскимосов. Данный факт ученые объяснили различием адаптивных трендов у этих этносов – в условиях проживания на континенте потребность в соли выше, чем на островах Арктики [3, p. 101–120].

В-четвертых, деятельность экспедиций была связана с исследованием межэтнических отношений. По результатам проведенных изысканий подготовлено несколько работ, авторы которых пришли к выводу, что, несмотря на достаточно длительное проживание изучаемых народов на одной территории, сохранились серьезные различия в образе жизни представителей этих этносов (одежда, питание, ритуальная практика), стремление к самобытности (желание найти супруга/супругу из своего народа) и, главное, решающее воздействие на жизнедеятельность аборигенных этносов оказывает не окружающая среда, а культура [4, p. 475–502; 5, p. 11–23].

В-пятых, в центре внимания участников российско-французских изысканий оказались исследования этноэкологической практики оленеводов, организованные в 2000 г. Специалистами изучались методы ведения хозяйства, был составлен перечень заготавливаемых видов рыбы и животных⁸.

Последствиями рыночных реформ у оленеводов в последнее десятилетие XX в. интересовались сотрудники ИПМНС СО РАН и Института этнологии им. Макса Планка (Германия).

В 2000 г. состоялась российско-немецкая экспедиция в Анабарский улус, в которой приняли участие А. Вентсел (Институт этнологии), Д.И. Сыроватский и Л.Н. Романова (ИПМНС СО РАН)⁹. Участники экспедиции собрали полевые материалы о состоянии оленеводства, материальном обеспечении оленеводческих бригад, их составе, методах ведения хозяйства и социальных проблемах. Основное внимание уделялось анализу экономических отношений у рыболовов, охотников и оленеводов и их трансформации при переходе от плановой экономики к рыночной в 1990-е гг. Для этого исследователи изучили архивные материалы в пос. Юрюнг-Хайя (протоколы заседаний правления и общего собрания совхоза) и провели интервьюирование местных жителей. Ученые выявили активное проникновение рыночных отношений в охотничьи и рыболовецкие хозяйства, более приспособленные к новым экономическим условиям, чем оленеводческие. Кроме этого, специалисты отметили традиционно большую роль родоплеменных отношений в экономике местного населения, значение которых несколько ослабло в результате создания колхозов и совхозов, но возросло в постсоветское время, и пришли к выводу, что родственные связи «стали основой для распределения и доступа к ресурсам и выживания в период, когда официальные структуры оказались неэффективными» [6, p. 68–86].

Оценке эффективности деятельности правительственных органов и принятых ими законодательных актов была посвящена также значительная часть проекта «Землепользование и самоуправление коренных народов в Республике Саха (Якутия)».

Трехсторонний договор о сотрудничестве в рамках данного проекта был заключен в 1997 г. между ИПМНС СО РАН, ЯГУ и Университетом Северной Британской Колумбии (УСБК, Канада) с целью анализа современного состояния управления и землепользования в родовых общинах коренных малочисленных народов в Якутии¹⁰. Его основными исполнителями являлись В.А. Роббек (ИПМНС СО РАН), О.А. Лазебник (ЯГУ), Г. Фонда (УСБК) и Г. Ползер (Университет Саскатчевана, Канада). В исследованиях приняли участие также А.Н. Авакумова, М.Ю. Присяжный (ЯГУ), Т.Е. Андреева (ИПМНС СО РАН), Г. Мартин и Д. Хайнс (УСБК)¹¹. Финансировались работы канадской стороной.

Основу изысканий по проекту составили полевые исследования в родовых общинах трех аборигенных этносов – юкагигов, эвенов и эвенков. Ученые провели экспедиции в с. Нелемное (Верхнеколымский улус, 1997 г.) – место компактного проживания юкагигов;

⁹ Отчет ... за 1998–2002 гг. С. 84.

¹⁰ Договор о сотрудничестве по проекту «Землепользование и самоуправление коренных народов в Республике Саха (Якутия)».

¹¹ Fondahl G., Lazebnik O., Poelzer G. et al. Evolving aboriginal land tenure and self government in the Sakha Republic (Yakutia). Draft – under revision // Ibid. P. A1.

⁷ Chichlo B., Robert-Lamblin J., Malet Ch. Op. cit. P. 2–2b, 5–5c.

⁸ Ibid. P. 7–12.

с. Березовка (Среднеколымский улус, 1998 г.) – один из населенных пунктов, где сохранились язык, культура, традиционный уклад жизни эвенов; с. Хатыстыр (Алданский улус, 1998 г.) и пос. Тяня (Олёкминский улус, 1999 г.) – поселения эвенов. Всего во время экспедиций специалисты опросили 173 чел.

Главная цель полевых исследований – анализ эффективности на местах изменений, произошедших в правовой базе земельных отношений, и местного самоуправления Российской Федерации и Республики Саха (Якутия) в середине 1990-х гг., касающихся коренных малочисленных народов. В связи с этим ученые пытались оценить успехи, достигнутые аборигенными этносами в сфере повышения контроля над традиционными территориями своего проживания, выявить трудности, с которыми пришлось столкнуться автохтонам при попытке реализации предусмотренных законами предпочтений. Одновременно исследователи стремились узнать мнение населения по ключевым проблемам жизнедеятельности (сохранение традиционных видов хозяйствования, существование кочевых родовых общин, эффективность работы органов местной власти).

Местные жители отметили необходимость сохранения традиционного образа жизни коренных народов и роста влияния Совета старейшин на решения главы местной администрации, а также назвали общину предпочтительной формой самоуправления. При этом большинство опрошенных признали не эффективными и не отражающими реальную ситуацию на местах новые законы и постановления, принятые для охраны прав аборигенных этносов.

Значительная часть вопросов касалась проблемы собственности на землю. Так, преимущественная часть респондентов высказалась за то, чтобы земля находилась в коллективном владении, и выразила негативное отношение к частной форме собственности. В то же время жители практически единодушно признали, что на территориях традиционного проживания коренных малочисленных народов право приоритетного землепользования должно принадлежать аборигенным этносам¹².

Одновременно ученые выполнили картографирование районов традиционного природопользования коренных народов в изучаемых населенных пунктах. Для сравнения законодательно определенных под традиционное природопользование территорий и мест фактического ведения коренными этносами своего хозяйства местным жителям предлагалось разместить на карте прилегающего района значки с изображением объекта деятельности¹³. В итоге получилось, что земли, выделенные под традиционное природопользование законодательством, зачастую не совпадали с теми землями, на которых вели свою жизнедеятельность коренные народы на протяжении веков.

¹² Фондал Г., Лазебник О., Ползер Г. и др. Развитие традиционного природопользования и самоуправления коренных малочисленных народов Республики Саха (Якутия): взгляд изнутри // Текущий архив Лаборатории электронных картографических систем биолого-географического факультета Северо-Восточного федер. ун-та им. М.К. Аммосова. С. 17–74.

¹³ Fondahl G., Lazebnik O., Poelzer G. et al. P. 5.5–5.18.

На основе данных, полученных в ходе реализации проекта «Землепользование и самоуправление коренных народов в Республике Саха (Якутия)», его участники выработали рекомендации по совершенствованию отношений между общинами, республиканскими и федеральными властями, предусматривавшие четкое определение полномочий общин, разграничение предметов ведения с местной администрацией, учет роли родовых отношений, создание советов старейшин, а также повышение правовой грамотности населения¹⁴.

Несмотря на такое разнообразие направлений исследований в рамках рассмотренных международных проектов, представляется, что все они имели в своей основе один объединяющий момент – стремление ученых выяснить современное положение коренных народов в условиях происходивших трансформаций. Фактически специалистами было установлено, что аборигенные этносы арктических районов Якутии в результате промышленного освоения, развала Советского Союза, экономического кризиса 1990-х гг. и в целом планетарных цивилизационных процессов испытывают на себе воздействие двух разнонаправленных факторов. С одной стороны, сохраняется значительное влияние традиционного устройства жизни (исследователи отметили укрепление родоплеменных связей, стремление к повышению значения общины, сохранению культурной самобытности). С другой стороны, наблюдается активное проникновение рыночных отношений, переход от кочевого к оседлому образу жизни, при этом очевидно нарушение механизма социокультурной преемственности между поколениями коренных народов.

Такое международное сотрудничество позволяет изучать аборигенные этносы Российской Федерации с различных методологических позиций, а также способствует обмену накопленным опытом и знаниями и, как следствие, уточняет научные представления о различных сторонах жизни коренных народов арктических районов Якутии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Проблемы Северного морского пути / под. ред. А.Г. Гранберга, В.И. Пересыпкина. М., 2006. 580 с.
2. Boyakova S.I., Vinokurova L.I., Shirina D.A. et al. Influence of the Northern Sea Route on Social and Cultural Development of Indigenous Peoples of the Arctic Zone of the Sakha Republic (Yakutia) // INSRP Working Paper. 1996. N 49. 73 p.
3. Malet C., Chichlo B., Robert-Lamblin J. et al. Stratégies de subsistance et perception des aliments des populations autochtones de Yakoutie arctique (Districts de Basse et de Moyenne Kolyma) // Bulletins et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris. 2003. T. 15, N 1–2.
4. Chichlo B. Le district de Nijnekołymski: population, renniculture, ethnicité // Sibérie II, Histoire, Culture, Littérature. Paris, 1999.
5. Robert-Lamblin J. Influences des paramètres environnementaux et des modes de subsistance sur les modèles culturels des peuples du renne de Sibérie nord-orientale // Les civilisations du renne d'hier et d'aujourd'hui. Approches ethnohistoriques, archéologiques et anthropologiques. Antibes, 2007.
6. Ventsel A. Hunter-herder continuum in Anabarski district, NW Sakha, Siberia, Russian Federation // Nomadic Peoples. 2006. Vol. 10.

Статья поступила
в редакцию 20.04.2011 г.

¹⁴ Ibid. Rec.1–Rec3.

УДК 622.32(571.1)(09)

В.П. КАРПОВ

ТЮМЕНСКИЙ СЕКТОР АРКТИКИ: НОВЫЙ ЭТАП ОСВОЕНИЯ

д-р ист. наук
Тюменский государственный
нефтегазовый университет
e-mail: 7654321.58@mail.ru

В статье анализируются противоречия в социально-экономическом развитии Тюменского Севера, показана необходимость концептуального сдвига в определении целей и перспектив его развития. Особое внимание уделяется районам Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО), где после Великой Отечественной войны были открыты уникальные газовые месторождения. Рассматривается влияние индустриализации на другие сферы жизнедеятельности ЯНАО, анализируется конфликт между северной традиционной и индустриальной культурами, пути его разрешения. Изучаются перспективы развития полуострова Ямал в 2010-е гг., вклад ЯНАО в федеральный проект «Урал промышленный – Урал Полярный», социальные и экологические аспекты нового этапа промышленного освоения арктического региона.

Ключевые слова: Арктика, Ямал, стратегия, интегральное развитие, газовая промышленность.

Из восьми арктических субъектов РФ (Архангельская и Мурманская области, республики Коми и Саха (Якутия), Красноярский край, Чукотский, Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа) стремительнее всех в последние полвека менялся Ямал (Ямало-Ненецкий автономный округ (АО), ЯНАО). Здесь в 1960–1980-е гг. усилиями почти всей страны был создан крупнейший в мире газодобывающий центр. Сегодня Ямал – трамплин для реализации мегапроекта «Урал промышленный – Урал Полярный», признанного правительством и президентом России самым привлекательным и многообещающим стратегическим проектом РФ.

Вся территория Ямало-Ненецкого АО (769,3 тыс. кв. км), входящего в состав Тюменской области и Уральского федерального округа, – это Крайний Север, более половины его находится за Полярным кругом. Огромная территория, специфическая структура хозяйства, низкая плотность населения и отсутствие транспортной инфраструктуры требуют активного государственного участия в развитии стратегически важного макрорегиона, обеспечивающего более 90 % добычи российского природного газа.

Историография тюменского сектора Арктики рассмотрена в фундаментальном труде «История Ямала», подготовленном под эгидой Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург) [1]. К социально-экономическим проблемам Тюменского севера в последние годы истории чаще всего обращались в связи с его участием в проекте «Урал промышленный – Урал Полярный» [2–5]. В настоящей статье предпринята попытка оценить перспективы развития Ямала (ЯНАО) в 2010-е гг., трудности, которые ожидают арктический регион на новом этапе индустриального освоения.

Россия в своем региональном развитии долгое время следовала рецептам XIX в.: развитие – это индустриализация; территория – технологическая площадка; развитие территории – сосредоточение на

ней факторов индустриального производства [3, с. 88]. Следование этим рецептам обернулось для страны не только огромными материальными потерями, но еще большим ущербом для цивилизационного прогресса ее окраинных пространств. Согласно Стратегии социально-экономического развития ЯНАО до 2020 г. (Стратегия – 2020), разработанной в регионе, высокая обеспеченность территории полезными ископаемыми должна служить предпосылкой для развития не только сырьевого сектора, но и всей социальной и производственной инфраструктуры Севера.

Еще совсем недавно Ямал воспринимался как периферийный регион с объективно тяжелыми условиями проживания. Благоустроенное жилье и ограниченный набор объектов социального назначения имелись в середине 1990-х гг. только в молодых нефтегазовых городах – Надыме, Новом Уренгое, Ноябрьске. Столица Ямала – Салехард и национальные поселки выглядели удручающе. Достаточно сказать, что газифицирован окружной центр был только в 2000 г. По мере выхода из кризиса 1990-х гг. в округе все больше внимания стало уделяться социальным проблемам региона. С 1998 по 2009 г. на его территории построено около 2 млн кв. м общей площади жилья, введены в эксплуатацию около 200 объектов образования, здравоохранения и культуры, оснащенные самым современным оборудованием¹.

Новый этап промышленного освоения Ямала во многом связан с реализацией мегапроекта «Урал промышленный – Урал Полярный». Он коснется всех сторон жизни АО. По мнению создателей Стратегии – 2020, в ближайшие 10 лет экономику Ямала ожидает прорыв, какого в полярном крае не бывало со времен разработки первых месторождений нефти и газа, т. е. с начала 1960-х гг. Главные надежды повы-

¹ Неелов Ю.В. Ямал: территория экономического роста // Тюменские известия. 2009. 17 дек.

силь добычу газа связаны с выходом на п-ов Ямал и началом промышленной разработки месторождений в 2012 г. Полуостров – это 122 тыс. кв. км плоской суши за Полярным кругом. В основном территория из льда, перемежающегося минеральными грунтами с плохими строительными свойствами. Крупнейшее из разведанных месторождений – Бованенковское. На пике добычи из него планируют брать до 140 млрд куб. м в год (для сравнения: в РФ в 2010 г. было добыто 650 млрд). В случае затягивания разработки газовых ресурсов полуострова страна, по расчетам специалистов СО РАН, недополучит конечного продукта на сумму в 2,4 трлн руб., замедлится рост всей российской экономики [6, с. 73–74].

Предполагаемая суммарная добыча по ЯНАО к 2020 г. должна составить 750 млрд куб. м природного газа. Продукция будет реализована как в рамках мега-проекта и для нужд страны в целом, так и за рубежом. Перспективы развития мирового энергетического рынка демонстрируют, что газ ЯНАО будет востребован как в Европе, так и в странах Атлантического-Тихоокеанского региона. По прогнозу Международного энергетического агентства, к 2020 г. в странах Европы спрос на газ достигнет отметки в 800 млрд куб. м, из них более 500 млрд куб. м будет импортироваться. В странах АТР потребление природного газа возрастет до 660 млрд куб. м, из которых импортироваться будут более 200 млрд куб. м [7, с. 205]. Нельзя также забывать о геополитическом значении проекта. Эксплуатация месторождений Ямала может послужить отправной точкой для освоения акваторий и побережья морей Северного Ледовитого океана – стратегически важных регионов с точки зрения обеспечения не только ресурсной, но и национальной безопасности страны.

Реализация проекта уже началась. Товарные составы следуют в Бованенково без остановки: за сутки здесь разгружают до 70–80 вагонов. С появлением железной дороги сведена к минимуму доставка грузов более затратным водным путем через морской путь Харасавэй и судоходную реку Се-Яха. Недалеко от конечной железнодорожной станции Карская, куда однопутка дошла весной 2011 г., строится самый северный в мире аэропорт. Аэродром послужит не только Бованенково, но и освоению Харасавэйского и Крузенштернского месторождений. Вероятно, позднее Карской железная дорога дойдет до Харасавэя – мыса и одноименного морского порта. Предполагается, что в 2012 г. первый газ Бованенково поступит в ныне достраиваемый магистральный трубопровод «Бованенково – Ухта»².

Как и в предыдущий период, основой промышленного роста АО останется добыча углеводородов, но порядок использования газа и нефти решено диверсифицировать за счет развития переработки. На полуострове Ямал запланировано создание нового российского центра по производству сжиженного природного газа (СПГ). Первый завод СПГ будет построен в районе бывшего поселка Сабетта (Ямальский район), служившего перевалочной базой для газодобычи

еще в советское время. К 2018 г., когда предполагается пустить завод в эксплуатацию, газодобычи должны обустроить промыслы и обеспечить необходимый объем бурения. Для транспорта готовой продукции потребуются создание танкерного флота ледокольного класса. Бесперебойность поставок в арктических условиях должны обеспечить четыре ледокола и флотилия до 20 судов вместимостью 140–160 тыс. куб. м газа³. В Сабетте планируется крупный морской порт, строительство которого расценивается как начало возрождения Севморпути. Первые танкеры с готовой продукцией (СПГ) должны выйти из новой арктической гавани в 2018 г. За счет федерального бюджета будет обустроена акватория порта. Общий объем инвестиций – 900 млрд руб.⁴

В полярном регионе предполагается и развитие нефтегазохимии. В Новом Уренгое ведется строительство газохимического комплекса, который будет перерабатывать этансодержащий газ; из него планируется производить 300 тыс. т полиэтилена. Предполагается, что закупать новоуренгойскую продукцию будут не только в регионах РФ, но и странах СНГ, Европы и в Китае. Рассматривается также ряд проектов по производству метанола, полиэтиленов и полипропиленов на основе переработки попутного нефтяного газа.

ЯНАО – не только главный центр газодобычи РФ, но и крупный нефтедобывающий район. Увеличение отбора нефти возможно на Комсомольском, Барсуковском, Харампурском, Северо-Губкинском и других месторождениях. Есть в округе и неочатые нефтяные месторождения – Ростовцевское и Русское, где прогнозные запасы сырья превышают 400 млн т⁵. Существенный резерв – ачимовская толща Уренгойского региона, выявленные запасы которой сопоставимы с крупнейшими месторождениями нефти и газа РФ.

Для того, чтобы исполнению намеченных планов не помешали неблагоприятные факторы, связанные с мировым кризисом, развернувшимся с 2008 г. (падение цен на углеводороды, снижение инвестиций в ведущие отрасли экономики АО, колебания спроса на нефть и газ), предусмотрено два сценария развития нефтегазодобычи – инерционный и активный. В первом главная роль отводится полуострову Ямал, Тазовскому району и староосвоенным залежам Надым-Пур-Тазовского междуречья. Такой вариант не потребует существенного развития социальной инфраструктуры, так как разработкой природных ресурсов займутся в основном вахтовики. Второй сценарий предусматривает дальнейшее продвижение недропользователей на континентальный шельф северных морей и на восток округа. Доказанные запасы месторождений п-ова Ямал составляют 10,4 трлн куб. м, а с учетом ближайшего мелководного шельфа – 50 трлн [8, с. 13]. Крупномасштабное освоение полезных ископаемых Полярного Урала может начаться после строительства железной дороги Полуночное (Свердловская область) – Обская – Салехард.

³ Стратегия – 2020: невыполнимых задач нет // Тюменские известия. 2011. 29 июля.

⁴ Ямальские хроники // Тюменские известия. 2011. 29 июля.

⁵ Стратегия – 2020: невыполнимых задач нет. С. 5.

² Меньшиков А. Подход к добыче. // Российская газета. 2011. 14 апр.

До 2020 г. в базовой отрасли экономики АО должно быть реализовано инвестиционных проектов на сумму в 8 трлн руб.⁶ Наиболее масштабный из них – мегапроект «Урал промышленный – Урал Полярный», в рамках которого начато строительство основных транспортных и энергетических объектов. В первую очередь это мосты, железные и автомобильные дороги. Предусмотрено сооружение транспортного коридора Урал промышленный – Урал Полярный вдоль восточного склона Уральских гор, включающего в себя автомобильную дорогу Агириш – Салехард. Будут построены дороги Сургут–Салехард, Надым–Советский, пос. Уренгой – с. Красноселькуп. Одновременно со строительством автодорог продолжится прокладка железнодорожных магистралей. За 9 лет появятся линии Обская–Салехард–Надым–Пангоды–Новый Уренгой–Коротчаево.

Развитие воздушного транспорта предусматривает возрождение инфраструктуры местных воздушных линий и поддержку авиaperелетов в труднодоступные районы АО. Планируется реконструкция аэропортов в Тарко-Сале, Надыме, Новом Уренгое, Салехарде, Ямбурге, а также строительство аэропорта в районе бывшего поселка Сабетта.

Планами энергетического строительства к 2020 г. предусмотрено введение в эксплуатацию Уренгойской и Тарко-Салинской ГРЭС, ГТЭС «Полярная» в Салехарде. К 2013–2016 гг. планируется проложить высоковольтную линию Надым–Салехард, построить электросетевое хозяйство в Лабытнангах, на ст. Обская и в пос. Харп.

Ямал богат не только нефтью и газом, но и твердыми полезными ископаемыми (железная и хромовая руды, руды цветных и благородных металлов, бариты, фосфориты, строительный камень, отделочный гранит), позволяющими развивать горнорудное дело. Рудные месторождения Полярного Урала позволят добывать в год 16 млн т угля, 9 млн т железной, до 3,5 млн т хромовой, 1,4 млн т марганцевой руды, 2,5 млн т фосфоритов, 20 тыс. т жильного кварца, что должно решить сырьевую проблему промышленного Урала [4, с. 210–211]. В настоящее время значительная часть полезных ископаемых завозится на уральские предприятия из Казахстана, Монголии и Украины, что существенно влияет на себестоимость и конкурентоспособность продукции. Наиболее развитый промышленный комплекс по производству стройматериалов находится сегодня в пос. Харп. В перспективе планируется создание Харпского горнопромышленного района. Пуровский и Красноселькупский районы должны стать базовой территорией для становления лесопромышленной отрасли.

Импульс, который придаст дальнейшее развитие базовых отраслей экономики социальной и производственной инфраструктуре арктического региона, экономисты называют «импульсом сопутствующего развития». Однако масштабы освоения вызовут рост техногенной нагрузки на ранимую природу Севера и жизнь коренного населения, численность которого к 2020 г., по расчетам Правительства ЯНАО, должна при-

расти на 10 %. Поэтому при освоении месторождений Ямала предусмотрена реализация целого комплекса мероприятий по защите окружающей среды, предотвращению и минимизации возможного воздействия на экосистему в процессе проведения строительных работ и эксплуатации. Эти мероприятия, в частности, включают:

- проведение постоянного экологического мониторинга в периоды строительства и эксплуатации месторождений;
- разработку технологических и специальных мероприятий, обеспечивающих снижение негативного воздействия на приземный слой атмосферы;
- использование замкнутых систем водоснабжения, обеспечивающих недопущение загрязнения поверхностных водоемов и почвы;
- применение специальных технологий, снижающих тепловые и механические воздействия на мерзлые грунты;
- разработку специальных щадящих режимов освоения территорий;
- применение технических решений, позволяющих уменьшить площадь изымаемых из оборота земель, а также их техническую и биологическую рекультивацию;
- недопущение проведения строительно-монтажных работ в период весеннего гнездования птиц;
- осуществление забора воды с использованием рыбозащитных устройств;
- организацию беспрепятственной миграции стад северных оленей с помощью специальных переходов через линейные коммуникации.

Одним из базовых принципов промышленного освоения Ямала должно стать гармоничное сочетание развития индустрии на полуострове и бережного отношения к традиционному укладу жизни коренных малочисленных народов. Такой подход позволит обеспечить сохранение традиционных видов деятельности коренного населения, гарантированное возмещение коренному населению ущерба от хозяйственной деятельности недропользователей. К 2020 г. инвестиции, направленные на охрану окружающей среды, должны вырасти до 3 млрд руб. Вдвое увеличится площадь рекультивированных земель. Уровень утилизации попутного газа достигнет 95 %⁷.

Более 70 % аборигенов Ямала занято в оленеводстве (на п-ове Ямал выпасается самое большое в ЯНАО стадо домашнего северного оленя). В районе Бованенково находятся лучшие олени пастбища, поэтому непродуманная атака на недра может обернуться гибелью уникальной природы самого полуострова и, естественно, населения, на нем обитающего. Не станет кочевников (около 5 тыс. чел.) [9, с. 109], не станет ни народа, ни оленеводства.

В январе 2002 г. администрацией ЯНАО и ОАО «Газпром» был подписан Меморандум о взаимодействии по комплексному освоению месторождений углеводородов п-ова Ямал и прилегающих акваторий. В соответствии с ним среди основных задач «Газпрома» в социальной сфере предусматриваются: охрана

⁶ Там же. С. 4.

⁷ Там же. С. 5.

мест традиционного хозяйствования, археологических и культурных памятников коренного населения; строительство комплексов по переработке оленины и рыбы для обеспечения вахтового персонала продукцией высокого качества, трудоустройство на эти комплексы коренного населения; организация эффективного взаимодействия между недропользователями, осуществляющими деятельность на территории ЯНАО, и оленеводами п-ова Ямал. Газовый концерн и его дочерние общества будут оказывать содействие в транспортном обеспечении кочующего населения, оленеводческих и рыболовецких бригад, предприятий агропромышленного комплекса округа. Компания обеспечит использование местным населением автомобильных дорог ОАО «Газпром»: пос. Уренгой–Южно-Русское месторождение и пос. Коротчаево – пос. Уренгой – Заполярное месторождение – пос. Тазовский [14].

Власти округа понимают: у «Газпрома» широкие перспективные проекты, связанные с освоением полуострова (лицензии на разработку Бованенковского, Харасавэйского, Новопортовского, Крузенштернского, Северо-Тамбейского, Тасийского и Малыгинского месторождений принадлежат «Газпрому»). В соответствии с соглашением о сотрудничестве компенсационные выплаты предприятий «Газпрома» муниципальным образованиям ЯНАО могут составить до 7,5 млрд руб. Эти средства будут, в частности, направлены на строительство жилья, детских садов, школы, интерната, больницы, котельных, электростанций, тепло- и электросетей, водопровода, комплексов по переработке оленины и рыбы, а также на рекультивацию пастбищ⁸.

Сложности в реализации стратегии освоения Ямала может создать, по мнению ученых, отсутствие специальной структуры, на которую возлагались бы функции государственного регулирования и координации всего многообразия деятельности в арктической зоне. Такая структура должна опираться на общегосударственные позиции, лишённые уз ведомственности и корпоративности, корректировать на постоянной основе стратегические задачи развития макрорегиона, находить методы их решения. Опыт СССР, США, Канады, Швеции и других приарктических стран свидетельствует об эффективности концентрации координирующих функций в руках государства. Мировой исторический опыт показал, что Северу требуется гораздо более серьезная, чем в обжитых районах, помощь государства.

«Все мы видим, – констатирует председатель Законодательного собрания ЯНАО Сергей Харючи, – что тяжелый опыт советских лет, периода освоения первых ямальных месторождений не прошел даром. Если 30–40 лет назад был негласный девиз: дать Родине нефть и газ любой ценой, то теперь недропользователи, строители, транспортники поставлены в жесткие рамки природоохранного законодательства. И спрос с них будет по всей строгости закона⁹. При освоении севера учтен и прежний негативный опыт решения

социальных проблем, когда люди, приезжавшие на освоение нефтегазовых месторождений, были лишены элементарных удобств, что в конечном счете сказалось на решении производственных задач. Тактика освоения газпромовских месторождений сегодня такова: сначала инфраструктура, налаженный быт и только затем добыча.

Было бы наивным полагать, что современные сценарии развития Арктики исключают весь негатив предыдущего этапа освоения. Ведь и в советское время намерения руководства страны в освоении Севера не вызвали возражений. Но районы нового промышленного освоения существовали как бы в двух измерениях: идейно-теоретическом, заключавшем в себе главные стратегические идеи и проекты (они предусматривали заботу о человеке, экологии, комплексный характер развития территории), и реальном, связанном с практикой (конкретными планами) строительства предприятий и населенных пунктов, которые пренебрегали гуманитарными аспектами освоения [10, с. 158]. Учитывая российские реалии, следует помнить о трудностях изживания советских приоритетов в северной политике государства (доминирование соображений геополитического и сырьевого характера). Остается надеяться, что на новом этапе промышленного освоения Арктики интересы государства (промышленный и политический аспекты) не оттеснят проблемы, связанные с социальной составляющей, экологией и природопользованием, а северная политика станет новой не только на словах, но и на деле.

ЛИТЕРАТУРА

1. История Ямала: в 2 т. / под ред. В.В. Алексеева. Екатеринбург, 2010.
2. Тимошенко В.П. Перспективы развития Тюменского Севера (К вопросу об исторической преемственности) // Тюменская область: исторический опыт экономического и социального развития : матер. Всерос. науч. конф. Тюмень, 2009.
3. Тимошенко В.П. Индустриализация – рецепт развития уходящей эпохи? // Уральский ист. вестник. 2007. № 16.
4. Тимошенко В.П. Модернизационный потенциал мегапроекта «Урал промышленный – Урал Полярный» // Проблемы модернизации сибирского Севера : сб. науч. тр. Тюмень, 2011.
5. Карпов В.П. Ямал в проекте «Урал промышленный – Урал Полярный»: повторение пройденного? // Горные ведомости. 2010. № 4.
6. Алешина О. Ямал не ждет // Нефть России. 2009. № 12.
7. Колесников А.А. Газовая промышленность Ямала в социально-экономической системе страны // Проблемы модернизации сибирского Севера : сб. науч. тр. Тюмень, 2011.
8. Дмитриевский А. Доклад на V Международном форуме «Газ России – 2007» // Газовый бизнес. 2008. № 1.
9. Морозов Ю.А. Ямал и газовая промышленность России // Наука. Общество. Человек. Информ. вестник УрО РАН. Екатеринбург, 2005. № 3 (13).
10. Тимошенко А.И. Государственная политика формирования и закрепления населения в районах нового промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг.: планы и реальность. Новосибирск, 2009.

Статья поступила
в редакцию 21.11.2011 г.

⁸ <http://www.gazprom.ru/production/projects/mega-yamal/> (дата обращения: 07.12.2011).

⁹ Стратегия – 2020: невыполнимых задач нет. С. 5.

УДК 342.9(98)

А.В. АРТЕЕВ

НОРМОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ

канд. социол. наук
ООО Региональный экспертно-аналитический
центр «Содружество»
e-mail: aleksartman@rambler.ru

В статье сделана попытка рассмотреть нормотворческую деятельность российского государственного управления как инструмент оценки политических решений в арктическом регионе России. Автор показывает, как постепенно с начала 1990-х гг. менялся характер нормотворческой деятельности государства, росло количество законодательных актов, касающихся северных территорий, изменялись приоритеты их направленности – от решения конкретных социально-экономических проблем к вопросам, связанным с обеспечением в целом национальной безопасности и военно-стратегическим укреплением государственных границ.

Ключевые слова: Арктический регион, районы Крайнего Севера, нормотворческая деятельность, правовые акты, региональное развитие.

В настоящее время тема Арктики стала одной из сквозных в мировых средствах массовой информации. Так, известный Интернет-портал «ИНОСМИ» с завидной регулярностью размещает публикации крупнейших зарубежных изданий, посвященные арктической тематике. По нашим подсчетам, в 2011 г. опубликовано примерно 16 материалов, связанных с анализом различных аспектов современного состояния и перспектив Циркумполярного региона. Всего с 2000 г. здесь размещено более 300 публикаций, связанных с Арктикой.

Тема Арктики находится и в центре внимания российской публичной политики. Особенно это стало заметно после обнародования утвержденных в сентябре 2008 г. Президентом России Д. Медведевым Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу (далее – Основы государственной политики в Арктике).

Символичным является погружение российского батискафа «Мир» на дно Северного Ледовитого океана с целью демонстрации приоритета нашей страны, касающегося шельфа за пределами 200-мильной зоны в связи с продолжением в эту часть океанического дна хребта Ломоносова. В текущем году под эгидой Российского географического общества и при активном участии В. Путина в Москве и Архангельске уже проведены два международных форума «Арктика – территория диалога».

Обсуждались вопросы рациональной организации международного сотрудничества по экологии, предотвращению негативных последствий глобального потепления, объединению усилий циркумполярных

стран в возрождении Северного морского пути, при сохранении неоспоримой российской юрисдикции над этим стратегическим транспортным коридором.

При председателе Совета Федерации создан Экспертный совет по Арктике. Его секции работают по основным направлениям государственной арктической политики – от глобальной безопасности до проблем устойчивого социально-экономического развития арктических территорий. В состав Экспертного совета и его секций вошли члены Совета Федерации, представители органов власти субъектов федерации, расположенных в Арктике, ряда федеральных исполнительных органов власти, эксперты и ученые, чьи научные интересы связаны с изучением различных проблем Арктики. Экспертным советом организована подготовка проекта Ежегодного доклада, посвященного законодательному обеспечению реализации Основ государственной политики в Арктике.

На сайте Министерства регионального развития представлен проект Стратегии развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г. Отдельный тематический блок посвящен активизации российской власти и отечественного капитала в связи с начавшимся интенсивным промышленным освоением п-ова Ямал и широко продекларированными планами продвижения «Газпрома» и других компаний на шельфы арктических морей. В бизнес-новостях постоянно присутствует тема международного сотрудничества в предстоящей разработке Штокмановского месторождения, а также нефтегазовых месторождений Карского моря и Обской губы. Что касается проблем Норильска и «Норильского никеля», то они и не исчезали из средств массовой информации,

как отечественных, так и зарубежных. Словом, наблюдается своего рода «ренессанс» арктической тематики. Она стала модной среди политиков, крупного бизнеса, в масс-медиа. Интерес к ней возрастает в экспертном и научном сообществах¹.

Вместе с тем, тенденция вовлечения темы Арктики во все более широкий публичный оборот, политический и информационный, еще не означает, что вопросы Арктики стали предметом конкретной текущей деятельности федеральных органов государственной власти. Для того чтобы определить состояние текущей государственной арктической политики, целесообразно проанализировать нормотворческую деятельность федеральных исполнительных органов государственной власти в части реализации государственной политики в отношении районов Крайнего Севера и Арктики. Именно посредством нормативных правовых актов (будь то федеральные законы, постановления и распоряжения Правительства, приказы министерств и ведомств) оформляется государственная политика в любой сфере общественной жизни.

В соответствии с п. 3 ст. 15 Конституции РФ «законы подлежат обязательному опубликованию. Неопубликованные законы не применяются. Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения».

Одним из технологических воплощений практической реализации этого основополагающего конституционного принципа в настоящее время является наиболее успешная и востребованная информационно-поисковая система «КонсультантПлюс», содержащая исчерпывающую базу данных о действующем российском законодательстве: в частности, в нее включены федеральные законы и подзаконные акты. Эта система функционирует в режиме ежедневного пополнения и в настоящее время является оперативным инструментом в нормотворческой деятельности органов власти всех уровней, а также в работе профессионального юридического сообщества, деятельности значительной части юридических лиц. Поэтому ее база данных может быть достоверным источником для анализа тенденций нормотворческой деятельности федеральных органов власти в отношении районов Крайнего Севера и Арктики, которая во многом отражает приоритеты государственной северной и арктической политики.

Одним из способов анализа тенденций нормотворчества федеральных органов власти касательно Крайнего Севера и Арктики является установление количества законов и иных нормативных правовых актов, в которых упоминаются ключевые понятия, характеризующие различные направления и аспекты

государственной северной и арктической политики.

Предметом анализа стала нормотворческая деятельность Федерального Собрания Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и федеральных исполнительных органов государственной власти начиная с 1993 г. Именно с момента принятия Конституции РФ законодательство страны приобрело современный вид.

При этом в периоде с 1993 г. по ноябрь 2011 г. можно выделить четыре временные составляющие, связанные с правлением Б. Ельцина (1993–1999 гг.), двумя президентскими сроками В. Путина (2000–2004 и 2004–2008 гг.) и президентством Д. Медведева (2008–2011 гг.). Следует также учитывать, что при президенте Д. Медведеве обязанности премьер-министра исполнял В. Путин.

Мы исходили из гипотезы о наличии начиная с 2000 г. (т. е. с момента прихода к власти В. Путина и его команды) устойчивой тенденции активизации нормотворческой деятельности федеральных органов власти в отношении районов Крайнего Севера и Арктики. Эта тенденция, в свою очередь, является одним из существенных индикаторов усиления северного и арктического векторов социально-экономической политики государства, а также стремления к расширению геополитического и военно-политического присутствия в Циркумполярном регионе. Прежде всего, интересно, насколько «северной» становилась текущая деятельность федеральных органов власти на протяжении 1993–2011 гг. Для этого из базы федерального законодательства, включающей весь массив законов и иных нормативных правовых актов, были отобраны акты, содержащие термины, соответствующие географическим понятиям «Север», «Юг», «Запад», «Восток». Затем нормативные акты, сгруппированные на основе этих терминов, были расположены в четырех интервалах, соответствующих периодам президентства Ельцина, Путина и Медведева. В результате получено следующее распределение:

Данные табл. 1 свидетельствуют о доминировании северного «измерения» в нормотворческой деятельности федеральных органов государственной власти. При этом наблюдается неуклонная тенденция возрастания количества федеральных нормативных актов, в которых отмечено упоминание термина «Север». Кроме того, следует отметить, что количество нормативных актов, содержащих термин «Север», доминирует над аналогичными актами, содержащими географические термины, которые обозначают другие стороны света.

Особый интерес представляют данные в крайнем правом столбце табл. 1. Они отражают тенденцию «геополитизации» нормотворческой деятельности федеральных органов власти. То есть с каждым последующим периодом количество нормативных актов, в которых содержится географическая конкретизация нормативно оформленных решений федеральных органов власти, становилось все больше. В геополитическом плане федеральная нормативная база приобретала более конкретный характер. В качестве дополнительного аргумента могут служить данные табл. 2.

¹ Отметим, что именно научное сообщество, прежде всего в лице ученых СО РАН, знаменитого ААНИ в Санкт-Петербурге, Кольского научного центра, всегда оставалось «верным» изучению Арктики. Например, о гуманитарной части исследований Арктики можно получить представление по списку библиографии, приведенному в совместно изданной в 2011 г. Институтом истории и Институтом экономики и организации промышленного производства СО РАН коллективной монографии «Траектории проектов в высоких широтах».

Таблица 1

Количество нормативных правовых актов РФ, содержащих упоминания географических наименований сторон света*

Период	Север	Юг	Запад	Восток	Всего
1993–1999 гг. (Президент Б. Ельцин)	237	10	58	47	352
2000–2004 гг. (Президент В. Путин, первый срок)	313	20	74	65	472
2004–2008 гг. (Президент В. Путин, второй срок)	615	49	194	128	986
2008–2011 гг. (Президент Д. Медведев)	693	55	247	222	1217
<i>Итого</i>	1858	134	573	462	3027

* Составлена на основе данных информационно-поисковой системы «КонсультантПлюс». В следующих таблицах для удобства обозначены только наименования периодов, помещенные в скобках в крайнем левом столбце табл. 1.

Таблица 2

Доля нормативных правовых актов РФ, содержащих упоминания географических наименований сторон света, в том числе термин «Север», в общем количестве изданных нормативных правовых актов*

Период	Общее кол-во нормативных правовых актов	Кол-во актов, содержащих упоминания географических наименований сторон света (в т. ч. с термином «Север»)	Доля актов, содержащих упоминания географических наименований сторон света (в т. ч. с термином «Север»), в общем кол-ве изданных актов, %
Президент Б. Ельцин	2389	352 (237)	14,7 (9,9)
Президент В. Путин, первый срок	3298	472 (313)	14,3 (9,5)
Президент В. Путин, второй срок	5746	986 (615)	17,2 (10,7)
Президент Д. Медведев	6787	1217 (693)	21,2 (10,2)
<i>Всего</i>	18220	3027 (1858)	16,6 (10,2)

* Составлена на основе данных информационно-поисковой системы «КонсультантПлюс», содержащихся на 09.12.2011.

В этой связи нас интересует прежде всего установленный факт: для текущей нормотворческой деятельности федеральных органов власти характерно отчетливо выраженное северное «измерение». Наблюдается увеличение абсолютного количества нормативных актов, содержащих термин «Север». Их доля в общем количестве изданных нормативных актов в последние годы составляет около 10 %.

Согласно текущей государственной политике в отношении северных и арктических территорий, в отечественном законодательстве применяются устоявшиеся и вполне точные термины: «районы Крайнего Севера», как правило, с добавлением «и приравненные к ним местности», а также «Арктика» и в последнее время «арктическая зона Российской Федерации».

В момент написания настоящей статьи в базе данных содержалось 848 нормативных актов и других документов, включающих термин «районы Крайнего Севера», а также 113 нормативных актов, включающих термины «Арктика» и «арктическая зона Российской Федерации». Для анализа были отобраны 545 нормативных актов, содержащих понятие «районы Крайнего Севера»: это федеральные законы, постановления и распоряжения Правительства РФ, приказы федеральных исполнительных органов государственной власти. Получено следующее их распределение по периодам и видам (табл. 3).

Данные табл. 3 показывают, что текущая нормотворческая деятельность, связанная с осуществле-

нием государственной политики в районах Крайнего Севера, все более смещается в сферу компетенции федеральной исполнительной власти. В последние годы вопросы, связанные с районами Крайнего Севера, стали предметом рассмотрения в основном федеральных министерств и ведомств. С 2008 г. количество приказов министерств и других федеральных органов исполнительной власти, адресованных районам Крайнего Севера, превысило совокупное количество аналогичных нормативных актов, изданных за весь рассматриваемый период, начиная с 1993 г.

Вместе с тем начиная с 2004 г. наблюдается общая тенденция повышения нормотворческой активности федеральных органов власти относительно районов Крайнего Севера. Причем в последние годы особенно усилилась нормотворческая деятельность федеральных исполнительных органов власти. То есть северная политика приобрела предметный и отраслевой характер. Что касается упоминания терминов «Арктика» и «арктическая зона Российской Федерации» в правовых актах РФ, то имеем следующее распределение (табл. 4).

Данные табл. 4 свидетельствуют о росте количества нормативных актов, связанных с упоминанием арктической терминологии. Большинство нормативных актов связано с деятельностью Правительства РФ и исполнительных органов государственной власти. Обращает на себя внимание значительная доля нормативных актов, принятых Правительством РФ, особенно с 2008 г.

Таблица 3

Правовые акты РФ, содержащие упоминания термина «Районы Крайнего Севера»*

Период	Федеральные законы	Постановления и распоряжения Правительства РФ	Приказы федеральных органов исполнительной власти	Всего
Президент Б. Ельцин	39	45	14	98
Президент В. Путин, первый срок	28	25	42	95
Президент В. Путин, второй срок	43	29	52	124
Президент Д. Медведев	39	46	143	228
<i>Итого</i>	149	145	251	545

* Составлена на основе данных информационно-поисковой системы «КонсультантПлюс».

Таблица 4

Правовые акты РФ, содержащие упоминания терминов «Арктика» и «Арктическая зона Российской Федерации»*

Период	Федеральные законы	Постановления и распоряжения Правительства РФ	Приказы федеральных органов исполнительной власти	Всего
Президент Б. Ельцин	3	6	2	11
Президент В. Путин, первый срок	6	3	6	15
Президент В. Путин, второй срок	16	6	19	41
Президент Д. Медведев	10	17	19	46
<i>Итого</i>	35	32	46	113

* Составлена на основе данных информационно-поисковой системы «КонсультантПлюс».

С одной стороны, это свидетельствует о высоком статусе государственной политики РФ в Арктике, требующей решений на уровне правительства. С другой стороны, относительно небольшое число нормативных актов, принятых многочисленными федеральными органами исполнительной власти, заставляет говорить о том, что до настоящего времени вопросы Арктики, даже на фоне проблем развития районов Крайнего Севера в целом, еще не стали предметом постоянной текущей деятельности министерств и других исполнительных органов власти.

В настоящее время государственная политика в Арктике напоминает политику в отношении районов Крайнего Севера в период правления Б. Ельцина. Тогда «северная политика» преимущественно осуществлялась в виде постановлений правительства. Именно оно в значительной мере сосредоточило у себя, в режиме «ручного управления», нормативное регулирование острых в тот период вопросов сохранения социально-экономической стабильности на Крайнем Севере.

До сих пор, как показывают данные табл. 4, значительная часть вопросов, связанных с Арктикой, решается посредством принятия правительственных нормативных актов. Это можно рассматривать в качестве индикатора, свидетельствующего о сохранении режима «ручного управления» государственной арктической политикой.

При этом значительная часть нормативных актов, адресованных районам Крайнего Севера, прямым или косвенным образом, оказывается связанной с вопросами Арктики, поскольку значительная часть

упомянутых территорий одновременно входит в зону Арктики.

Мы основывались на гипотезе, что понятие «районы Крайнего Севера» преимущественно связано с государственной социально-экономической политикой на Крайнем Севере, включая арктические территории. Что же касается термина «Арктика», то, как и в советский период, он до сих пор более тесно коррелируется с геополитикой, т. е. с вопросами военно-морской, военно-воздушной, гидрометеорологической и научно-исследовательской деятельности. Хотя бы потому, что на арктических территориях постоянно проживает чрезвычайно малое количество населения и в настоящее время вокруг Арктики разворачивается широкомасштабная геополитическая конкуренция.

Чтобы проверить эту гипотезу, следует установить, какие термины, характеризующие специфику Крайнего Севера и специфику Арктики, наиболее часто приводятся в нормативных актах, содержащих одновременно понятие «районы Крайнего Севера» и «Арктика». Частота упоминаний этих терминов позволит вынести суждение о приоритетах государственной политики в районах Крайнего Севера и Арктики.

Для анализа были отобраны термины, которые, как правило, используются исключительно или часто при реализации государственной политики в отношении северных и арктических территорий. Они были сгруппированы в соответствии с их функциональным назначением.

Первую группу составили термины, связанные с осуществлением социально-экономической политики в

Таблица 5

Количество нормативных правовых актов РФ, содержащих термины, характеризующие социально-экономическую политику, военно-морскую, военно-воздушную, гидрометеорологическую и научно-исследовательскую деятельность и входящие в перечень нормативных правовых актов, в которых одновременно употребляется понятие «районы Крайнего Севера»*

Термины	Президент Ельцин	Президент Путин, первый срок	Президент Путин, второй срок	Президент Медведев	Всего
<i>Социально-экономический блок</i>					
Компенсации гражданам, проживающим в районах Крайнего Севера	2	15	28	26	71
Строительство на территории РФ жилья для граждан, выезжающих из районов Крайнего Севера	14	4	4	1	19
Коренные малочисленные народы Севера	15	19	26	23	83
Северное оленеводство	7	5	12	30	54
Завоз продукции (товаров) в районы Крайнего Севера	28	24	15	10	77
Геологоразведочные работы	5	6	6	1	18
Трубопроводный транспорт	3	11	5	11	30
Северный морской путь	9	5	7	13	34
Гражданская авиация	7	31	42	35	115
Промышленное освоение	6	14	22	18	60
<i>Итого</i>	96	134	167	168	561
<i>Военно-политический и научно-исследовательский блок</i>					
Государственная граница	21	17	30	32	100
Вооруженные силы	35	48	45	52	180
Военно-воздушные силы	3	6	7	5	21
Военно-морской флот	6	9	6	18	39
Атомные подводные лодки (АПЛ)	3	3	15	12	33
Ледокольный флот	8	14	6	3	31
Гидрометеорологические станции	1	1	2	5	9
Научные исследования	31	46	52	70	199
Экологическая обстановка	15	13	13	5	46
Захоронение радиоактивных отходов	8	11	15	4	38
<i>Итого</i>	131	168	191	206	696

* Составлена на основе данных информационно-поисковой системы «КонсультантПлюс».

районах Крайнего Севера и Арктики. В нее включены десять понятий: «компенсации гражданам, проживающим в районах Крайнего Севера», «строительство на территории Российской Федерации жилья для граждан, выезжающих из районов Крайнего Севера», «коренные малочисленные народы Севера», «северное оленеводство», «завоз продукции (товаров) в районы Крайнего Севера», «геологоразведочные работы», «трубопроводный транспорт», «Северный морской путь», «полярная авиация», «промышленное освоение».

Следующая группа терминов, связанных с военно-морской, военно-воздушной, гидрометеорологической и научно-исследовательской деятельностью, также объединяет десять понятий: «государственная

граница», «вооруженные силы», «военно-воздушные силы», «военно-морские силы», «атомные подводные лодки (АПЛ)», «ледокольный флот», «гидрометеорологические станции», «научные исследования», «экологическая обстановка», «захоронение радиоактивных отходов».

По результатам анализа получено следующее распределение количества нормативных актов, содержащих термины, характеризующие социально-экономическую политику, а также военно-морскую, военно-воздушную, гидрометеорологическую и научно-исследовательскую деятельность, в общем количестве нормативных правовых актов, касающихся районов Крайнего Севера (табл. 5).

В табл. 5 прослеживается тенденция увеличения от периода к периоду количества нормативных актов федеральных органов власти, связанных с вопросами государственной политики в отношении районов Крайнего Севера. При этом росло не только количество нормативных актов, оформляющих решения федеральных органов власти в части вопросов социально-экономического развития северных территорий, но и количество нормативных документов, связанных с обеспечением военной безопасности северных границ, а также с проведением научно-исследовательских работ.

На основе данных табл. 5 также можно проследить десять приоритетных предметов нормативного регулирования на уровне федерального законодательства, что, в свою очередь, является индикатором приоритетности государственной политики федеральных органов власти в отношении районов Крайнего Севера. Попытаемся рассмотреть подробнее приоритетные направления государственной политики в районах Крайнего Севера с учетом количества их упоминаний в нормативных правовых актах РФ, а именно:

Президент Ельцин	Президент Путин, первый срок	Президент Путин, второй срок	Президент Медведев
Вооруженные силы	Вооруженные силы	Научные исследования	Научные исследования
Научные исследования	Научные исследования	Вооруженные силы	Вооруженные силы
Завоз продукции (товаров) в районы Крайнего Севера	Гражданская авиация	Гражданская авиация	Гражданская авиация
Гос. граница	Завоз продукции (товаров) в районы Крайнего Севера	Гос. граница	Гос. граница
Коренные малочисленные народы Севера + экологическая обстановка	Коренные малочисленные народы	Компенсации гражданам, проживающим в районах Крайнего Севера	Северное оленеводство
Строительство на территории РФ жилья для граждан, выезжающих из районов Крайнего Севера	Гос. граница	Коренные малочисленные народы	Компенсации гражданам, проживающим в районах Крайнего Севера
Северный морской путь	Компенсации гражданам, проживающим в районах Крайнего Севера	Промышленное освоение	Коренные малочисленные народы
Ледокольный флот + захоронение радиоактивных отходов	Промышленное освоение + ледокольный флот	Завоз продукции (товаров) в районы Крайнего Севера + атомные подводные лодки + захоронение радиоактивных отходов	Промышленное освоение + ВМФ
Северное оленеводство + гражданская авиация	Экологическая обстановка	Экологическая обстановка	Северный морской путь
	Трубопроводный транспорт + экологическая обстановка	Северное оленеводство	Атомные подводные лодки

* Примечание. По каждому из рассматриваемых периодов включено более десяти направлений, поскольку нормативные акты, в которых упомянуты отдельные термины, изданы в одинаковом количестве.

Таким образом, несмотря на значительное внимание в государственной политике в районах Крайнего Севера к вопросам социально-экономического развития северных территорий, ведущие направления нормотворческой деятельности федеральных органов власти на протяжении всех периодов новейшей российской истории связаны с проблемами обеспечения военной безопасности северных границ. При этом вопросы научной деятельности на Крайнем Севере оказались сопряжены как с военной безопасностью, так и с социально-экономическим развитием и экологией.

В принципе, выявленная расстановка приоритетов вполне понятна. Решение подавляющего числа вопросов социально-экономического развития северных территорий с каждым годом все в большей степени становилось компетенцией органов государственной власти субъектов федерации и органов местного самоуправления. Напротив, решение военно-политических

и научно-исследовательских вопросов регулировалось прежде всего соответствующими федеральными нормативными актами.

Что касается непосредственно нормативных правовых актов, содержащих понятие «Арктика», то по ним получено следующее распределение (табл. 6).

Из табл. 7 следует, что в 2000-е гг., по сравнению с 1990-ми гг., нормотворческая активность федеральных органов власти относительно районов Арктики значительно повысилась. Однако она уступала масштабам нормотворческой деятельности, адресованной районам Крайнего Севера.

Используя данные табл. 5, можно выделить десять приоритетных предметов нормативного регулирования на уровне федерального законодательства, которые являются индикаторами приоритетов государственной политики федеральных органов власти в отношении Арктики, а именно:

Президент Б. Ельцин	Президент В. Путин, первый срок	Президент В. Путин, второй срок	Президент Д. Медведев
Гос. граница	Научные исследования	Вооруженные силы + научные исследования	Научные исследования
Вооруженные силы	Вооруженные силы		Гос. граница +
Коренные малочисленные народы Севера	Гражданская авиация	Гражданская авиация	Вооруженные силы
Промышленное освоение	Коренные малочисленные народы	Гос. граница	Гражданская авиация
	Завоз продукции (товаров) в районы Крайнего Севера + захоронение радиоактивных отходов	Коренные малочисленные народы Севера + промышленное освоение	Промышленное освоение
	Промышленное освоение + гос. граница + ледокольный флот	Захоронение радиоактивных отходов	Коренные малочисленные народы Севера + северное оленеводство
	Экологическая обстановка	Компенсации гражданам, проживающим в районах Крайнего Севера	Северный морской путь
		Экологическая обстановка	Атомные подводные лодки
		Северное оленеводство	Компенсации гражданам, проживающим в районах Крайнего Севера
		Завоз продукции (товаров) в районы Крайнего Севера	Завоз продукции (товаров) в районы Крайнего Севера
		Геологоразведочные работы	

Таблица 6

Количество нормативных правовых актов Российской Федерации, содержащих упоминания терминов, характеризующих социально-экономическую политику, а также военно-морскую, военно-воздушную, гидрометеорологическую и научно-исследовательскую деятельность, входящих в перечень нормативных правовых актов, одновременно содержащих понятие «Арктика»*

Термины	Президент Б. Ельцин	Президент В. Путин, первый срок	Президент В. Путин, второй срок	Президент Д. Медведев	Всего
<i>Социально-экономический блок</i>					
Компенсации гражданам, проживающим в районах Крайнего Севера	2	0	16	11	29
Строительство на территории РФ жилья для граждан, выезжающих из районов Крайнего Севера	2	1	4	0	7
Коренные малочисленные народы Севера	6	10	23	14	53
Северное оленеводство	1	2	9	14	26
Завоз продукции (товаров) в районы Крайнего Севера	2	9	8	7	26
Геологоразведочные работы	0	2	7	1	10
Трубопроводный транспорт	2	1	0	3	6
Северный морской путь	1	3	5	13	22
Гражданская авиация	3	12	25	16	56
Промышленное освоение	4	8	23	15	50
<i>Итого</i>	23	48	120	94	285
<i>Военно-политический и научно-исследовательский блок</i>					
Государственная граница	8	8	24	19	59
Вооруженные силы	7	13	26	19	65
Военно-воздушные силы	0	0	4	4	8
Военно-морской флот	0	0	1	15	16
Атомные подводные лодки (АПЛ)	1	1	1	12	15
Ледокольный флот	2	8	6	1	17

Окончание табл. 6

Термины	Президент Б. Ельцин	Президент В. Путин, первый срок	Президент В. Путин, второй срок	Президент Д. Медведев	Всего
<i>Военно-политический и научно-исследовательский блок</i>					
Гидрометеорологические станции	1	0	0	3	4
Научные исследования	6	14	26	22	68
Экологическая обстановка	3	6	12	3	24
Захоронение радиоактивных отходов	3	9	17	3	32
<i>Итого</i>	31	59	117	101	308

* Составлена на основе данных информационно-поисковой системы «КонсультантПлюс».

Данные иллюстрируют, что в 2000-х гг. государственная политика в отношении Арктики переживает период восстановления, увеличивается количество нормативных актов с упоминанием понятия «Арктика». В этих нормативных актах одновременно затрагиваются различные конкретные аспекты государственной арктической политики. При этом на всех четырех рассматриваемых периодах на первом плане находились вопросы обеспечения военного присутствия в зоне Арктики. Одновременно в число приоритетов выдвинулись вопросы, связанные с проведением научных исследований, развитием гражданской авиации, промышленным освоением арктических территорий. Постоянное внимание уделялось коренным малочисленным народам Севера.

Выявленные приоритеты государственной арктической политики в значительной мере совпадают с приоритетами государственной политики в целом в отношении районов Крайнего Севера. Однако число приоритетов арктической политики и их разнообразие значительно уступает политике в отношении районов Крайнего Севера.

Это дает основание утверждать, что в настоящее время формирование государственной политики в Арктике находится на начальной стадии. В полной мере она еще не выделена из общей политики государства в районах Крайнего Севера, выступая до сих пор лишь элементом государственной политики в отношении районов Крайнего Севера.

Стремительно становясь элементом публичной политики и постоянной темой отечественных и зарубежных СМИ, понятие «Арктика» еще не являлось предметом широкомасштабной нормотворческой деятельности федеральных органов государственной власти, и организационно-правовое оформление

государственной арктической политики еще только предстоит.

Тенденции нормотворческой деятельности на федеральном уровне в последнее десятилетие дают основания для умеренного оптимистического прогноза относительно правового и организационного оформления российской политики в этом регионе, стремительно набирающем геополитический вес. По мере продвижения промышленного освоения в высокие широты, оживления Северного морского пути, развития наземных высокоширотных коммуникаций, урегулирования на международном уровне военно-политических вопросов, расширения научных исследований все четче будут проявляться новые контуры и приоритеты государственной политики в Арктике. Причем вопросы военной безопасности и государственной границы, научных исследований, экологической безопасности и развития гуманитарной сферы, связанной прежде всего с коренными малочисленными народами Севера, останутся приоритетными в повестке дня государственной арктической политики.

В заключение отметим, что настоящая статья, кроме всего прочего, является своего рода «демонстрацией» принципиальной возможности использования дополнительных инструментов исследования тенденций деятельности государственных институтов, связанных с обеспечением национальных интересов в Арктике и устойчивого социально-экономического развития территорий, входящих в состав арктической зоны Российской Федерации. Глубокий анализ нормотворческой деятельности органов власти не только на федеральном, но и на региональном уровне может стать одним из эффективных инструментов оценки состояния, тенденций и перспектив государственной политики в Арктике.

Статья поступила
в редакцию 31.12.2011 г.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

УДК 903.22

Ю.С. ХУДЯКОВ

ОБОРОНА ЮЖНЫХ РУБЕЖЕЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ РУССКИМИ ВОИНАМИ В КОНЦЕ XVI – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII в. ЧАСТЬ II*

д-р ист. наук
Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: khudjakov@mail.ru

В статье анализируется уровень развития военного дела русских воинов и сибирских татар и роль военного фактора в обороне южных рубежей Западной Сибири от тюркских и монгольских номадов в конце XVI – первой трети XVII в., когда существовала реальная перспектива восстановления Сибирского татарского ханства. Рассматривается роль татарской знати и военных отрядов служилых татар в борьбе за оборону южных границ российских владений в степных районах Западной Сибири. Сохранение лояльности со стороны части татарского населения по отношению к Российскому государству привела к тому, что российским властям удалось успешно противостоять нападениям тюркских и монгольских кочевников на протяжении рассматриваемого исторического периода.

Ключевые слова: Западная Сибирь, сибирские татары, русские казаки и служилые люди, уровень развития военного дела.

В течение второго десятилетия XVII в. сторонники возрождения Сибирского ханства не проявляли заметной активности. Однако к концу следующего, третьего, десятилетия ситуация на южных рубежах Западной Сибири кардинально изменилась. В 1628 г. вспыхнуло восстание барабинских татар, возмущенных произволом и поборами со стороны сибирских воевод. Возглавляли восставших князья барабинских татар Когутей, Кушлудук и Енбай [1, с. 19]. Восставшие уничтожили небольшой казачий отряд, состоявший из 18 казаков во главе с сыном боярским [2, с. 210]. Они убили нескольких сборщиков ясака, сожгли один из острожков и ограбили юртовских татар, сохранивших верность российским властям. После этого восставшие откочевали подальше от границ российских владений к землям телеутов в Верхнем Приобье [1, с. 20]. Вслед за барабинцами весной 1629 г. восстали тарские татары. Они разорили несколько русских деревень, захватили пленных и скот и ушли в Барабинскую лесостепь. Оба эти восстания произошли стихийно, без участия Кучумовичей. Восставшие стремились, прежде всего, ослабить податной гнет. Осознав опасность соединения барабинских и тарских повстанцев, тобольский воевода князь А. Трубецкой направил вслед за бежавшими тарскими татарами отряд тобольских и тарских служилых людей, который возглавили тобольские головы Ф. Елагин и Б. Аршинский. В составе этого отряда находились и юртовские служилые татары [3, с. 417].

Русский военный отряд настиг бежавших тарских татар на оз. Чаны, они были застигнуты врасплох. В ходе боя в июле 1629 г. они были разгромлены, а «многих побили и языцех живых и в полон многих поимали, и руской полон, что было они поимали в Тарском уезде в деревнях, отбили и лошади и коровы отогнали» [3, с. 418]. Потерпевшие поражение повстанцы бежали к ранее ушедшему отряду барабинских татар, который возглавлял князь Когутай [2, с. 210]. Бежавших остальных «изменников человек с полтораста, и те многие переранены ушли к барабинскому князю Когутайку» [3, с. 418]. Стихийным возмущением разных групп татарского населения, находившегося в российских владениях, попытались воспользоваться Кучумовичи. В это время среди них выдвинулся царевич Аблайкерим – сын Ишима и внук Кучума. В дальнейшем заметную роль среди Кучумовичей стал играть и его двоюродный брат Давлет-Гирей (Кирей) – сын Чувака и также внук Кучума. Аблайкерим сумел заручиться поддержкой со стороны ойратов, пообещав собирать ясак в пользу тайшей с барабинцев, «с юртовских и волостных татар» [3, с. 14]. К этому времени на южных границах Западной Сибири значительно усилилось объединение ойратских племен, которое стало претендовать на подчинение сибирских татар, телеутов и казахов. Потомки и наследники хана Кучума в своих попытках восстановить государственность сибирских татар попытались опереться также на помощь башкир, казахов и телеутов. Однако ситуация осложнялась войнами джунгар против халха-монголов и казахов, а также острым противоборством за власть между

* Работа выполнена по гранту РГНФ № 10-01-00258а.

самими ойратскими тайшами. В 1628 г. тайша Чокур, спасаясь от противников, откошел со своим отрядом из 400 чел. к границам российских владений, в долину р. Тобол. Против него был послан военный отряд, которому удалось «отогнать калмыков от русских границ» [3, с. 115].

Первое выступление Кучумовичей произошло вскоре после восстания барабинских татар. В 1629 г. Аблайкерим с небольшим отрядом, насчитывающим 60 ойратских воинов, «колмацких людей», подчиненных тайшей Кокшула, Урлюка и Байбагиша, появился в Барабинской лесостепи. Его отряд привел из владений «колмаков» на оз. Чаны некий «государев изменник юртовский татарин Невруско Евгаштин» [3, с. 418]. Царевич Аблайкерим «прошал» людей у местных татарских князей и смог привлечь на свою сторону восставших барабинских и тарских татар, увеличив численность своего отряда до 300 воинов [1, с. 14, 22]. Затем он перекочевал во владения «белых колмаков» — телеутов, на р. Пялю, где в это время кочевали тувинцы-коурчаки во главе с князем Кексешем [1, с. 7, 47]. По словам прибывшего в Тобольск татарского «выходца Кудайшугурка Сениткулова», Аблайкерим намеревался просить дополнительной помощи у телеутского князя Абака и коурчакского князя Кексеша и «хочет приходи́ти под Тарский город и на волости войною» [3, с. 418]. Тобольский администратор А. Трубецкой, сообщивший об этих событиях тарскому воеводе А. Зубову, посоветовал ему в качестве гарантии лояльности взять среди тарских татар заложников, «у тех татар имати заклады лутчих людей, поскольку человек пригоже, смотря по тамошнему делу и держати их в остроге» [3].

По оценке А.П. Уманского, Аблайкериму, который «развил бурную деятельность по сколачиванию союза против царской России», удалось не только привлечь на свою сторону восставших барабинских и тарских татар, но и заручиться поддержкой ойратов, телеутов и коурчаков [1, с. 23]. Вероятно, в его планы входило объединение под своими знаменами всех тюркоязычных этнических групп Западной Сибири. В августе 1629 г. Аблайкерим во главе войска, состоявшего из ойратов, коурчаков, барабинских, тарских и теренинских татар, численностью от 130 до 180 воинов, совершил поход в Среднее Приобье, во владения чатских татар, которых возглавлял мурза Тарлав. В Чатском городке он находился 10 дней [3, с. 116]. Некоторые группы чатских татар, возглавляемые противниками Тарлава, мурзами Бурлаком и Кизланом, «отбежали вниз по Оби до Шегарские волости» и направили мурзу Бахотула в Томский острог с предупреждением о том, что пришедшее войско собирается через день или два из чатских земель к «Томскому городу будут войною» [3, с. 419]. По оценке И.Э. Фишера, привлечение чатского мурзы Тарлава в состав своей коалиции явилось определенным успехом Аблайкерима [4, с. 325]. Кроме Аблайкерима, Тарлав принял у себя эуштинских татар, вышедших из подчинения российским властям и отказавшихся платить им ясак [1, с. 29]. Вероятно, эуштинские татары решили присоединиться к восставшим, узнав о выступлениях других групп тюркского ясачного населения. Однако сам мурза Тарлав, по-видимому, вынужден был присоединиться к коалиции под влиянием своего тестя,

телеутского князя Абака, но первоначально вступать в открытое противоборство с русскими опасался. Поэтому он отказался присоединиться к планируемому походу на Томск, после чего воины Аблайкерима «пошли прочь назад по Барабинской дороге» [3, с. 420].

По уточненным сведениям, этот отряд возглавляли «Аблагерим салтан да с ним черных калмаков тайша, Каракулин двоюродный брат, Кулада, государев изменник тарской татарин Кужашь, а с ним воинских людей черных колмаков и тарских изменников татар человек в 200» [3]. Томский воевода П. Пронский отправил против них отряд служилых людей и томских юртовских татар, который воинов Аблайкерима «от острошку отбили и за ним гонялись день» [Там же]. Отряд служилых людей и юртовских татар встретился с воинством Аблайкерима «на речке Шагарке». В ходе этого боя «колмаков многих побили и полон и лошади, которые поимали было в ясашных тех волостях, отбили, а достальные колмаки побежали в степь». Позднее «ясашных волостей люди» рассказали русским казакам, что они находили в 10 и 20 верстах от места боя «многих людей мертвых в куяхах и пансырех», умерших от ран. Было обнаружено больше 100 лошадей и «рухлядь всякая на дороге метана» [3, с. 420-421].

Судя по этим сведениям, этот поход Аблайкерима в Среднее Приобье окончился серьезной неудачей. Иначе реконструировал ход событий А.П. Уманский. По его мнению, отряд Аблайкерима двинулся не в Барабу, а «обходными путями» — в низовья Томи [1, с. 30]. В результате этих событий в очень серьезном положении оказался мурза чатских татар Тарлав. Оказавшись перед перспективой в одиночку противостоять русским военным отрядам, Тарлав первоначально попытался убедить томскую администрацию в своей преданности московскому царю, заявив присланному из Томска десятнику В. Свияженину, что якобы отказался примкнуть к Аблайкериму. Это же утверждал посланный Тарлавом в Томск Еголак мурза, который утверждал, что повстанцы «Тарлада де мурзу под Томской город звали, а чацкий де мурза с своими товарищами им отказал» [3, с. 419]. Однако, как отметил А.П. Уманский, на самом деле Тарлав все же договорился о совместных действиях с Кучумовичами и предоставил в распоряжение Аблайкерима лошадей, в которых его отряд действительно нуждался [1, с. 30]. По некоторым сведениям, «Ишимов сын», Аблайкерим, вместе с барабинскими и тарскими, и чатскими татарами продвинулся в земли в устье Томи [3, с. 424]. В одном из источников упомянуто, что в этом походе принял участие и мурза Тарлав. Впрочем, как отметил А.П. Уманский, достоверных сведений о том, что чатские татары и телеуты во главе со своими князьями и мурзами принимали участие в этом походе, в источниках нет [1, с. 32].

Из этого стана в устье Томи сторонники Аблайкерима совершали военные походы на татар и остяков, живших в Томском уезде. Они «Мурзин городок взяли и людей всех побили, а к Нандрину де городку приступали, и людей в Нандрине городке побили же» [3, с. 424]. Эти городки принадлежали юртовским татарам, а также остякам, являвшимся подданными московского царя. Затем «чатские и тарские татары и барабинцы

и Кучюмов внук Ишимов сын с колмацкими людьми, повоевав в Томском уезде Мурзин городок, пошли на Парабельскую вершину к Таре» [3, с. 425]. По сведениям русских, после этих походов численность войска повстанцев достигла «в зборе их больше 2000» воинов [3, с. 426]. Видимо, основной целью предпринятого похода было стремление не только ограбить местное тюркское население, но прежде всего подчинить его своей власти, увеличив тем самым численность своих подданных. Среди татарского населения в российских владениях в Тюменском и Туринском уездах проявилась «шатость», стали распространяться слухи, что в скором времени «русские люди все пропадут», а на этих землях «колмаки будут». В «отписке» приказчика М. Харламова говорится, что по территории Туринского уезда ездил «татарин Максимко Лязга с одною стрелю без лука, а стрела широкая» [3, с. 126]. Хотя по поводу этой стрелы в «отписке» не приведено никаких объяснений, однако известно, что у некоторых сибирских народов, например у енисейских кыргызов, были «стрелы с грозами», которые использовались в качестве сигналов объявления войны [5, с. 46]. Можно думать, что, демонстрируя «стрелу без лука», Лязга агитировал татар присоединиться к восстанию. Со стороны татар в адрес местного русского населения стали раздаваться угрозы: «головы посечем всех русских мужиков» [3, с. 427]. В 1630 г. чатский мурза Тарлав, опасаясь возможных репрессий за свое участие в военных действиях на стороне коалиции Кучумовичей, «изменил, со всеми своими людьми ис Чат вышел и в Белые колмаки к князю Абаку» [3, с. 429]. На землях телеутов на Верхней Оби на р. Чингизке чатские татары соорудили «городок», обнесенный земляными валами, который стал временной резиденцией для мурзы Тарлава [1, с. 32].

Несмотря на попытки томских администраторов вернуть чатских татар на прежние места проживания, Тарлав отказался это сделать, мотивируя необходимостью сохранить своих людей и скот от голода. Однако при этом он уверял русские власти, что сохранил верность московскому царю. В апреле 1630 г. объединенное войско телеутов и чатских татар во главе с князем Абаком и мурзой Тарлавом совершило поход по долине Оби под Тоянов городок. Однако, узнав о том, что отряд томских служилых людей занял этот городок, они не решились напасть, а повернули на земли чатских мурз Кызлана и Бурлака, сохранявших верность российским властям. Они «выжгли» Бурлаков городок, сожгли хлеба, часть местных татар «побили» и «поймали», а «ясачную Шагарскую волость повоевали» [3, с. 430]. Томским властям были известны замыслы телеутского князя и чатского мурзы соединиться с царевичем Аблайкеримом, с «горными колмаками» и барабинцами и идти «войною на Томский город» и под Кузнецкий острог. Томский воевода князь П. Пронский послал против мятежных чатских татар отряд служилых людей под командованием Г. Черницина, в составе которого были чатские татары мурзы Бурлака. При переправе через р. Обь «чацкой мурза Казгула да тулуманский лутчей человек Мурат с воинскими людьми» были разбиты. Из них «в стругах многих побили, а иных потопили». Повстанцев, которые успели бежать в степь, служи-

лые люди догнали и вступили с ними в бой. В этом бою «чацкого мурзу Казгула да тулуманского лутчего человека Мурата убили и с ними Тарлавковых татар многих побили, и языки поимали и повели в Томский город 9 человек» [3, с. 431].

В мае 1630 г. в Тару приехал татарин Якши Мамет, сын Тунусского князя, который сообщил о предложении Аблайкерима прислать к нему послов на переговоры. В это время стан Аблайкерима находился на оз. Язымык, в долине р. Оби. У него было около 300 чел. Отдельным станом, на расстоянии трех дней пути от Кучумовичей на оз. Саргуль, располагались телеуты, чатские и барабинские татары, которых насчитывалось 700 чел. [1, с. 23]. Предложение вступить в переговоры свидетельствует о том, что Аблайкерим на каком-то этапе восстания пытался договориться с царскими властями. После неудачной попытки решить дело миром Кучумовичи попытались организовать общий поход на г. Тару. Однако этот поход так и не состоялся из-за острых противоречий между самими участниками коалиции.

Российские власти в Западной Сибири всячески пытались ослабить коалицию Кучумовичей и вернуть в свои владения ушедшие группы татарского населения. В марте 1631 г. из Томска против мурзы Тарлава, засевшего в Чингисовом городке, был послан отряд во главе с Я. Тухачевским, состоявший из 300 казаков и детей боярских, и 100 чатских и томских татар во главе с мурзой Бурлаком. Русские воины были вооружены ружьями и небольшими пушками. Воины передвигались на лыжах, а пушки везли на нартах, шли с большой скоростью, чтобы обеспечить внезапность нападения. Шли день и ночь «наспех», а пушки и «порох» и свинец и пули железные и пушечные и запишшко свое волокли на себе да на собаках» [1, с. 34–35]. Несмотря на все предостережения, Тарлав все же смог узнать о приближении этого отряда и послал за помощью к телеутскому князю Абаку, царевичу Аблайкериму и коурчакскому князю Коксешу, поскольку его войско по численности почти вдвое уступало нападавшему русско-татарскому отряду.

Однако к моменту прихода отряда Я. Тухачевского помощь к осажденным не успела подойти. Тухачевский осадил Чингисов городок, а когда узнал о приближении помощи осажденным, предпринял штурм. По его распоряжению русские воины изготовили щиты из досок для защиты от стрел и приступили к штурму. В это время к городку подошел отряд Кучумовичей. Но русские воины смогли ворваться в укрепление и отразить нападавших. Пытавшийся бежать мурза Тарлав был убит. Подошедшие татары с телеутами и ойратами осадили Чингисов городок, понесли большие потери, но взять его так и не смогли. В этом бою сторонники Кучумовичей понесли большие потери [1, с. 35]. Бой у Чингисова городка наглядно продемонстрировал умелые действия российского войска, эффективно использовавшего ручное огнестрельное оружие и полевую артиллерию. Для защиты от татарских стрел оказалось достаточно соорудить деревянные щиты. Татарские воины и их союзники, вероятнее всего, были вооружены холодным оружием, из которого упоминаются луки и стрелы [1]. Поражение объеди-

ненного войска Кучумовичей показало, что ни сами повстанцы, ни их союзники – телеуты и ойраты – не могли в полной мере защитить себя от российских войск. После этого сражения телеутский князь Абак поначалу принял под свою защиту бежавших к нему сыновей погибшего мурзы Тарлава – Итегменя и Кой-маса. Однако по требованию томских властей он был вынужден отправить их в Томск. После этого и другие чатские мурзы, сторонники погибшего Тарлава, снова признали свою зависимость от российских властей и согласились платить ясак [1, с. 36]. Взятие Чингисова городка и подчинение чатских татар можно считать переломным моментом в борьбе Кучумовичей за восстановление Сибирского ханства. После этого события восстание явно пошло на убыль.

Судя по численности военных отрядов, во главе которых в последующие годы совершали походы Кучумовичи, это были не столько военные действия, сколько грабительские набеги. В конце 1631 г. царевич Аблайкерим и его двоюродный брат Давлет-Гирей с отрядом в 70 воинов при поддержке ойратов совершили поход на татарские Коурдакскую и Тебендинскую волости в Прииртышье. Они погромили и взяли в плен несколько десятков человек. Часть местных татар бежала от них в леса [3, с. 446]. Из-за жалоб со стороны татарского населения в степь в погоню за повстанцами и ойратами был послан отряд Е. Заболоцкого, состоявший из 130 воинов – «ратных людей литвы, и конных казаков, и юртовских татар» [3, с. 448]. Снова, как и во времена набега Кучума, российские войска оказались защитниками местных татар от его наследников.

Со временем среди восставших против российских властей разных этнических групп татар, поддерживавших Аблайкерима, стало расти недовольство, поскольку тот собирал с них подати в свою пользу и для ойратских тайшей, что оказалось ничуть не легче царских поборов. Поэтому часть повстанцев стала возвращаться в российские владения [1, с. 24]. Это не могло не привести к дальнейшему ослаблению повстанцев.

В 1633 г. небольшой отряд царевича Давлет-Гирея, состоявший из 60 «воинских людей», совершил поход в земли ясачных татар на р. Исети, где погромил местное татарское население [3, с. 474]. Положение Кучумовичей осложнилось тем, что против них стали воевать казахи, «Казачьей орды люди». Несмотря на неудачи, Аблайкерим сохранял веру в успешное достижение поставленной цели – восстановления Сибирского ханства. Российским властям стало известно, что внук Кучума «похваляется войною на государевых людей, покаместа он жив будет» [3, с. 481]. В 1635 г. Аблайкерим действительно напал на ясачных татар на р. Исеть. В составе его отряда было только 40 чел. [3, с. 493].

В 1636 г. Аблайкерим попал в плен и через несколько лет умер в тюрьме [2, с. 211]. Во главе восставших встал Давлет-Гирей, который в последующие годы совершал набеги или пытался вести переговоры с российскими властями. При поддержке ойратов продолжили борьбу и другие царевичи – Бугай и Кучук [3, с. 134]. И хотя опасность нападений со стороны Кучумовичей сохранялась вплоть до второй половины XVII в., изменить ситуацию на южной границе россий-

ских владений в Западной Сибири они уже не могли [6, с. 347–348].

Военные действия, которые вели в конце XVI – первой трети XVII в. против российских властей хан Кучум и его наследники, наглядно показали, что после утраты своих опорных пунктов – «городков», находившихся в лесостепных районах Западной Сибири, сторонники возрождения Сибирского ханства не располагали достаточными воинскими силами для того, чтобы осаждать и брать русские города и остроги. За весь рассматриваемый период ни сам хан Кучум, ни его потомки не предприняли ни одной попытки осады или штурма русских городов и острогов. В отношении некоторых из них лишь вынашивались «враждебные намерения», которые не были реализованы. Реальному нападению и разорению подвергались русские деревни в Прииртышье, а также «городки» разных этнических групп татар, часть которых считалась служилыми, а другая часть находилась на положении подданных, признавала верховную власть московского царя и платила ясак российским властям. Предпринятые в этот период ханом Кучумом и его наследниками военные действия, как правило, ограничивались разрушением некоторых татарских городков, угоном части ясачного населения и захватом добычи. По сути, они ничем не отличались от обычных грабительских набегов кочевников. Вероятно, такие действия не встречали поддержки у значительной части татарского населения. Ответные действия российских властей включали погоню за отрядами Кучума и его потомков, нанесение им поражения и освобождение угнанных. В этих походах нередко принимали участие, а в отдельных случаях даже возглавляли их служилые татары.

Не находя широкой поддержки у местного татарского населения, Кучумовичи были вынуждены опираться на помощь внешних сил в кочевом мире: казахов, телеутов, ойратов. В первые десятилетия XVII в. военная активность со стороны Кучумовичей постепенно стала ослабевать. Ситуация существенным образом изменилась в 1628–1631 гг., когда против податного гнета и злоупотреблений со стороны российских властей восстали барабинские, тарские, чатские и зуштинские татары. Это позволило Кучумовичам создать широкую антироссийскую коалицию среди тюркского населения и породило реальные надежды на восстановление государственности сибирских татар. Однако поддержка их деятельности со стороны ойратских тайшей, телеутского и коурчакского князей имела ограниченный характер. Они стремились лишь расширить сферу своего влияния на татарские этнические группы. В этот исторический период военная активность Кучумовичей и их сторонников сводилась к захвату городков и угону части татарского населения за пределы российских владений.

Этнические группы сибирских татар оказались объектом военного давления с обеих противоборствующих сторон. Такие набеги и усиление поборов в пользу Кучумовичей и ойратских тайшей привели к тому, что часть восставших предпочла вернуться в российские владения. Вместе с тем часть татарского населения и знати продолжала сохранять верность российским властям и приняла участие в военных действиях против

сторонников Кучумовичей. Не располагая значительными военными силами в Западной Сибири, российские власти стремились вернуть ушедшее татарское население путем переговоров либо организовывали военные походы с использованием огнестрельного оружия и артиллерии. Во всех этих походах в составе российских войск принимали участие служилые татары. Лояльность со стороны части местного татарского населения в конечном счете решила исход противостояния в пользу российских властей. Эта поддержка способствовала успешной обороне российскими воинами южных рубежей Западной Сибири в первой трети XVII в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уманский А.П. Телеуты и их соседи в XVII – первой четверти XVIII века. Барнаул, 1995. Ч. 2.
2. Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). Казань, 2002.
3. Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. М., Т. 2.
4. Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774.
5. Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957.
6. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарий. XIII–XVII вв. 2 изд. Иркутск, 1941.

Поступила в редакцию
20.04.2011 г.

УДК 930(075.8)

К.Б. УМБРАШКО

**КРИТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ АКТОВЫХ ИСТОЧНИКОВ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.**

д-р ист. наук
Новосибирский государственный
педагогический университет,
e-mail: historian09@mail.ru

В статье анализируются различные варианты критического изучения актовых источников русскими историками первой половины XIX в. Главное внимание уделяется творчеству историков «второго ряда». Это А.З. Зиновьев, В. Виноградов, А.Ф. Федотов и др. Рассмотрены их научные построения относительно русских актовых источников. Выявлено оказанное на них влияние работ выдающегося немецкого историка А.-Л. Шлецера. Цель статьи – показать новые тенденции критического изучения актовых источников в отечественной науке первой половины XIX в.

Ключевые слова: А.-Л. Шлецер, историки «второго ряда», актовые источники, критицизм, новые тенденции, критическое изучение актов.

Необходимость глубокого и всестороннего изучения исторических источников в первой половине XIX в. понималась большинством профессиональных историков. Общепринятым стало мнение, согласно которому исторические источники до их критического, научного изучения (внешняя и внутренняя критика) нельзя полноценно использовать в исследовательской практике [1]. Но такой подход утвердился не сразу.

Существовали различные варианты критического изучения документальных источников. Главное внимание нами уделяется творчеству историков «второго ряда».

Одной из главных идей исторической науки рассматриваемого периода является доминирование документальных источников, в первую очередь актов, над повествовательными, в частности – над летописями, а тем более над источниками устными – фольклором [2]. По трудам историков можно увидеть, что основными документальными источниками, попадавшими в сферу

научных интересов исследователей, являлись активные источники и, в частности, – первые дошедшие до нас акты X в. – договоры Руси с Византией, сохранившиеся в летописной традиции.

Основой особого внимания к актам были исторические построения выдающегося немецкого историка А.-Л. Шлецера. Его влияние на русскую историческую науку XIX в. трудно переоценить. Он отмечал, что Россия не имеет актового материала («свидетельств в теснейшем смысле, *грамот*»), «по многим отношениям важнее и надежнее самых современников», который был бы «древнее ее современников». Причины этого самые многообразные: внешние нашествия, княжеские междоусобицы, пожары, «да сколько свидетельств истребилось оным и в мирное время, хотя впрочем и тщательно их сохраняли?» [3, с. 109–110].

Высокая оценка актового материала как исторического источника, данная А.-Л. Шлецером, постепенно была принята отечественной наукой и разделялась

большинством представителей научного сообщества. А.Ф. Бычков, говоря о необходимости использования актов, отмечал, что взгляд исследователей на летописи, как и вообще на древнейший период отечественной истории, должен значительно измениться с постепенным выявлением, накоплением, изучением и введением в научный оборот всего комплекса русских актовых источников [4, с. 47–48]. Следует учитывать, что при изучении актов в XX в., например духовных грамот Ивана Калиты, был вскрыт факт контаминации их текста во всех изданиях XVIII–XIX вв. [5, с. 69]. При реконструкции текстов ранних документов они дополнялись фрагментами более поздних источников (из духовных других московских князей; пропуск первой духовной восполнялся по тексту второй духовной Ивана I и т. п.). Учитывая то, что историки первой половины XIX в. пользовались в основном опубликованными источниками, это обстоятельство могло существенно повлиять на их построения.

Кроме того, историческая наука XX в. пришла к выводу, что «русские уже в XII в. производили запись частных актов». Свидетельством этого является вкладная Варлаама, сохранившаяся в подлиннике, и духовная Антония, дошедшая в поздних копиях. Как писал М.Н. Тихомиров, «Древняя Русь была не бесписьменной страной и знала публичные и частные акты уже в XII в., а, вероятно, и ранее – в XI столетии, что вполне совпадает с нашими представлениями о высоте русской культуры в киевское время» [6, с. 244]. И хотя этот вопрос до сих пор остается дискуссионным, разыскания историков XIX в. помогают современным исследователям определить свои позиции более объемно и последовательно.

Обратимся к проблеме изучения договоров Руси с Византией в отечественной исторической науке первой половины XIX в. Эти источники оценивались неоднозначно. А.З. Зиновьев, к примеру, считал их важными и достоверными. Договор Олега он назвал «слабым остатком древнейшего нашего законодательства». Поскольку любой народ без влияния соседей развивается медленно, «россияне, будучи предоставлены с глубокой древности собственному опыту, должныствовали весьма медленно, из состояния первобытной дикости взойти на степень образованности гражданской, которая открывается нам в договоре Олега», – отмечал А.З. Зиновьев. Россиян еще нельзя было назвать «народом образованным», но это уже не варвары, какими «нам представляют их пристрастные к своим нравам и обычаям греческие летописцы». Поскольку в договоре князя Игоря с Византией упоминалось о древнем «Законе Русском», постольку и этот договор можно считать в целом достоверным [7, с. 85–88].

Анализируя творчество И.-Ф.-Г. Эверса, А.Ф. Федотов сочувственно писал о высокой оценке, данной Эверсом договорам Руси и Византии. Та часть «Предварительных критических исследований», где Эверс рассматривал договоры Олега и Игоря с Византией, по мнению автора, «без сомнения, составляет лучшую часть всего сочинения». В переговорах, предшествовавших заключению того и другого трактата, Эверс увидел «замечательное единообразие», но, несмотря на это сходство, договоры «весьма между собою раз-

личны и по форме, и по содержанию». Из этой разницы Эверс сделал вывод, что договор Олега «есть *главный*, составленный в виде действительного договора между двумя самостоятельными народами; договор Игорев есть только *дополнение* к Олегову». Содержание трактатов также различно. В первом «общие статьи направлены ко взаимной пользе обоих народов, и следовательно здесь представляется такое согласие, какое народы обыкновенно делают тогда, когда в первый только раз вступают в дружественные связи между собою; напротив в последнем договоре содержатся только постановления, исключительно относящиеся к пользе греков, которые потому и вводятся здесь одни говорящими и требующими» [8, с. 68, 70, 71, 73–75]. И.Д. Беляев назвал договоры «одной из величайших драгоценностей, сохраненных для нас Нестором» [9, с. 21–22].

Неоднозначное мнение по этой проблематике высказал В. Виноградов [10]. Автор рассмотрел договоры X в. на общем историческом фоне, с учетом рассказа летописи о правлении первых русских князей, и провел количественный анализ летописного текста, в составе которого сохранились договоры с Византией. Он заметил, что первые два года правления Олега и период с 886 по 907 г. – «пустые», о деятельности князя ничего не сообщается. Особенно подробно в летописи описывается договор Руси с Византией 907 г. и его подтверждение в 912 г. Но, несмотря на это, история Олега «остается сухой и недостаточной», поскольку, исключив «посторонние» события, из 33-летнего правления Олега его собственной деятельности посвящено всего шесть лет (882–885, 907, 912 гг.). Хотя фрагменты договоров Олега с Византией составляют почти половину описания его деятельности в летописи, вопрос об их подлинности автор оставляет открытым. По его мнению, мы видим «Россию явившуюся вдруг на такой степени цивилизованного государства, какая уму критическому с первого взгляда покажется сущим анахронизмом относительно к состоянию Севера в 9^м и 10^м столетиях». «Цивилизованное государство» могло заключать договоры с соседями. Но было ли наше отечество настолько «цивилизованным» в то время, чтобы вести дипломатические переговоры с Византийской империей как равноправный партнер?

32-летнее правление князя Игоря, по описанию летописи, показалось Виноградову, на первый взгляд, достовернее и полнее, поскольку «по причине несчастного своего похода против греков, князь *сделался известным* как византийским, так западным и арабским историкам». Однако, при более внимательном знакомстве с текстом договоров для автора открывается, что они похожи на договоры князя Олега [10, с. 176, 195, 197]. Насчитывая четыре похода Олега и Игоря на Византию (два похода Олега 907 и 912 гг. и два похода Игоря 941 и 944 гг.), Виноградов считал, что договор с греками заключил лишь князь Игорь и всего один раз. Остальные договоры – это «фантазии на тему договоров» более поздних авторов.

Несомненно, на подобные взгляды оказал существенное влияние «Нестор» А.-Л. Шлецера. Выдающийся немецкий историк исходил из постулата, что основные события ранней русской истории, даже

не подтвержденные иностранными свидетельствами, естественны, поскольку «имеют все вид вероятности». Но они «кратки и неполны», поэтому авторы XVIII в. придумывали баснословные сюжеты для наполнения «исторических пустот».

А.-Л. Шлецер сомневался в существовании договоров Олега с Византией X в., поскольку поход руссов описан с «высокопарностью», «явным хвастовством», «сказками» и «противоречиями», причем о нем нет никакой информации в иностранных источниках – «об этом отменно достопамятном происшествии не говорится ни слова во всей прочей истории 10 века».

О договоре Руси и Византии 912 г. Шлецер с иронией писал, что он является «редкостью», поскольку не сохранилось такого рода европейских источников X в., синхронных ему. Поскольку протограф договора утрачен, а переписчики, «жившие едва ли не в 15 столетии», «списывали памятник этот с неслыханной нерадивостью», в тексте оказались «уродливые, часто смешные описки», которые делают его во многих местах темным и невразумительным – «совершенно неизъяснимым» [11, с. 682, 685, 693, 694]. Достоверность самого факта похода Олега на Византию и заключения им договора для Шлецера остается загадкой. «Досадно, – писал он, – ежели б на оба сии вопроса должно было отвечать отрицательно. Сам я не смею еще выдать мнения; но, как честный испытатель истины, предлагаю другим честным друзьям истины на рассмотрение все доводы в пользу и против сих вопросов, между которыми я еще колеблюсь». «Ужас, наведенный руссами» на сильный Царьград, «трепет, робость, подлость» византийского правительства, «глупое» плаванье лодок посуху – «ощутительно и даже до отвращения увеличено», но «не опровергает еще главного дела», поскольку «*происшествие и увеличение* происшествия суть две очень различные вещи». Хотя хронология событий явно не верна, но «ошибка могла бы быть только в данном времени, а происшествие случилось действительно, только в другое время; следственно, все это могло быть историческою истиной!»

С другой стороны, для Шлецера остается непонятным, почему достаточно подробные византийские источники не сообщают «ни словечка о важном русском походе 907 г.» и «ни словечка о торжественном договоре 912 г.». Разные списки летописей по-разному описывают договор Олега, в некоторых вообще нет сообщений о каком бы то ни было договоре, заключенном князем Олегом. Содержание договора также сомнительно, поскольку «можно начесть целую дюжину таких мест, которых никак не могли написать приведенные в них лица». Но, с другой стороны, «все до сих пор известные списки наполнены грубейшими описками: кто знает, что тут описка, что выпущено, вставлено, переставлено?» [11, с. 751, 752, 754, 756, 758, 765].

Совершенно иное отношение вызвало у Шлецера описание походов на Византию князя Игоря. Это связано в первую очередь с тем, что об этих событиях сохранились достаточно внятные сообщения в византийских источниках. «Отменно вероятно», что руссы «выписали это из византийцев, переводя часто слово в слово, а потому и не имели собственных своих извес-

тий о сем походе» [12, с. 46]. Но что касается сведений о договорах князя Игоря с Византией, то ситуация схожа с договорами Олега. Посольства и русско-византийский договор 945 г. неизвестны византийским авторам. Кроме того, «сей *второй* договор Игорев, очень походит видом и содержанием на *первый* Олегов, заключенный за 33 года до сего». Многие статьи одинаковы «слово в слово», поэтому сомнения Шлецера в подлинности договоров «умножились». Имена членов посольства «звучком своим» вновь явно созвучны скандинавским, а не славянским языкам; многочисленность послов заставляет вспомнить античные источники, где встречаются также многочисленные посольства; слишком много непонятных чинов, имен и т. п. [12, с. 88, 90, 98, 99].

Подводя итог своим раздумьям о войнах и договорах Игоря с Византией, А.-Л. Шлецер делает вывод, что первый неудачный поход Игоря 941 г. «есть быль». Но второй поход и договор 944 г. – сомнительны. Вместе с тем он находит, что многие статьи этого договора «совершенно приличны тогдашнему положению руссов и греков и взаимным их отношениям» [12, с. 207–209].

Следует отметить, что в основе источниковедческой работы русских историков первой половины XIX в., как и у А.-Л. Шлецера, лежали рационалистические принципы критики источника с позиции здравого смысла. Но отечественные историки не ограничивались простым перечислением источников, а указывали на необходимость разных исследовательских подходов к разным видам письменных источников и особенно к актам. Конечно, «писатели русской истории» поначалу не давали определения распространенного в исторической литературе 1830-х гг. понятия «источник», которое чаще всего отождествлялось с понятием «памятник». Предлагаемая ими классификация источников была простой. Но они широко пользовались этим понятием.

Прослеживается постановка проблемы всестороннего анализа источника. Историки целенаправленно доказывали, что наряду с внешней критикой требуется анализ внутреннего содержания источника, что поможет воссоздать объективную картину исторического прошлого. До извлечения фактов необходимо проводить внешнюю критику источников, критически сравнивать их, реконструировать протограф. При привлечении разных видов письменных источников приоритет исследователи должны отдавать актам. Они являются основой для построения исторических описаний, поскольку аутентичны эпохе.

Но вопросы внутренней критики актовых источников вызвали серьезные трудности. Образ «духа времени», который складывался в сознании историков как следствие сравнительно-исторических штудий, критической интерпретации фактов не соответствовал содержанию актов.

Позднее достоверность исторических событий ставилась историками в прямую зависимость от подлинности используемых актовых источников. Поэтому историки защищали принцип критического отношения к актам. Речь шла о степени искажения исторической действительности, следовательно, о приемах внутрен-

ней критики источника, когда на первый план выходил не текстологический анализ, а трактовка исторических событий, отразившихся в актовом источнике.

При изолированном исследовании отдельного актового источника препятствием для историков стало то обстоятельство, что большинство древнерусских памятников сохранилось не в автографах, а в поздней рукописной традиции. Эта традиция отражает не порчу текста невежественными переписчиками, как считал Шлецер, а дальнейшее сложное историческое развитие текста, что необходимо изучать специально. Изолированное рассмотрение актовых источников с устойчивым формуляром часто приводило к ошибочным выводам, когда архаические черты формуляра принимались за действующие нормы.

Методика исследования актовых источников при помощи изучения «движения формуляра» была разработана лишь А.С. Лаппо-Данилевским, который предложил при помощи «графически-статистических таблиц» изучить типичный формуляр отдельных разновидностей актов, «как бы средний вывод из известного числа наблюдений над формулярами отдельных актов» [13, с. 146], и отделял форму документа от его содержания. С.М. Каштанов подчеркивал, что формуляр акта – «это не непосредственное отражение действительности, не рассказ о ней, а сложное “шифрованное” сообщение, нуждающееся в разносторонней расшифровке» [14, с. 485; 15].

Главной заслугой историков первой половины XIX в., открывших новую страницу в отечественном источниковедении, был переход от количества включаемых в научный оборот источников, к углубленному внутреннему изучению актов. Главной задачей при этом считалось отделение в них объективных

сообщений от фольклорных сюжетов. Другая задача – сопоставление их содержания с иностранными источниками.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пронштейн А.П.* Источниковедение в России: Эпоха феодализма. Ростов н/Д, 1989.
2. *Умбрашко К.Б.* Историческая наука России: методологические уроки XIX в. // *Философия образования*. 2006. Спец. вып. № 2.
3. *Шлецер А.-Л.* Нестор. Русские летописи на древле-словенском языке. СПб., 1809. Ч. 1.
4. *Бычков А.Ф.* Исторические заметки // *Чтения в Обществе истории и древностей российских*. М., 1846. Кн. IV.
5. *Кучкин В.А.* Итоги реставрации духовных грамот Ивана Калиты // *Отечественная история*. 1992. № 6.
6. *Тихомиров М.Н.* О частных актах в древней Руси // *Исторические записки*. М., 1945. Т. 17.
7. *Зиновьев А.З.* О Русской Правде // *Вестник Европы*. 1828. № 14.
8. *Федотов А.Ф.* О главнейших трудах по части критической русской истории. М., 1839.
9. *Беляев И.Д.* О Несторовой летописи. М., 1847.
10. *Виноградов В.* О скудости и сомнительности происшествий первого века нашей истории // *Вестник Европы*. 1830. № 15–16.
11. *Шлецер А.-Л.* Нестор. Русские летописи на древле-словенском языке. СПб., 1816. Ч. 2.
12. *Шлецер А.-Л.* Нестор. Русские летописи на древле-словенском языке. СПб., 1819. Ч. 3.
13. *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк русской дипломатики частных актов. Лекции, читанные слушателям «Архивных курсов» при Петроградском археологическом институте в 1918 году. Пг., 1920.
14. *Каштанов С.М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970.
15. *Каштанов С.М.* Из истории русского средневекового источника (акты X–XVI вв.). М., 1996.

Статья поступила
в редакцию 01.12.2011 г.

УДК 94(47) + 355/359

В.И. БАЯНДИН

**НАЧАЛО РЕКРУТСКОГО ПУТИ:
ОТ МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА ДО МЕСТА СЛУЖБЫ (XIX в.)**

канд. ист. наук
Новосибирский государственный
педагогический университет
e-mail: p.bayandin@mail.ru

В статье рассматривается вопрос о том, как проводились рекрутские наборы в России в XIX в. Показано, как доставлялись рекруты в рекрутские присутствия и кто отвечал за их доставку. Анализируется вопрос, как передвигались рекрутские партии по территории Сибири и куда могли быть направлены сибирские рекруты для несения военной службы.

Ключевые слова: Рекрутский устав 1831 г., Русская армия, сибирские рекруты, рекрутский набор, рекрутские партии.

Молодых людей, забираемых в Русскую армию, чаще всего в XIX в. именовали *рекрутами*, а в последнюю четверть века, с переходом к всеобщей воинской повинности, *новобранцами*, хотя слово «рекруты» еще долго употребляется как в разговорах, так и в официальных документах на рубеже XIX–XX вв.

В 1860–1870-е гг. современники отмечали: «Рекруты шли в присутствие (Рекрутское. – В. Б.) с грустными лицами, их сопровождали плачущие отцы; жены и матери голосили и причитали по-старому. Так было в минувшем наборе. Но затем картина несколько изменилась» [1, с. 51]. Изменение в настроении рекрутов

было связано с сокращением срока военной службы: в начале XIX в. срок службы составлял 25 лет, перед Крымской войной – 20 лет, а затем срок службы стал быстро сокращаться [2, с. 79]. Официально срок службы рекрута начинался с 1 января следующего после приема на военную службу года. Однако молодой человек покидал свой дом осенью, во время набора рекрутов. Как правило, со дня отправки рекрута на призывные пункты и до дня прибытия его в воинскую часть проходили месяцы. Вопрос о том, чем были заняты в этот период рекруты, в исторической литературе специально не рассматривался.

Основные положения набора рекрутов в XIX в. определялись двумя документами: Уставом рекрутской повинности и военной службы евреев (1827 г.) и Уставом рекрутским (1831 г.).

Очередному набору рекрутов обязательно предшествовал царский манифест, в котором объявлялось о предстоящем наборе на военную службу. В качестве примера обратимся к манифесту Николая I от 31 июля 1836 г.: «О производстве общего по государству рекрутского набора, кроме Грузии и Бессарабии, с тысячи душ по 5 рекрутов». Набор рекрутов было приказано провести за два месяца – с 1 ноября по 31 декабря. Рекрутские наборы до 7 чел. с тысячи относились к категории обыкновенных наборов [3, с. 99]. В манифесте называлось время проведения набора, определялись его территориальные рамки. Манифест публиковался как в центральных, так и в местных изданиях (обычно в губернских ведомостях). Министерство внутренних дел проводило разверстку рекрутов по губерниям и областям империи и затем сообщало эти данные губернаторам. Получив эти сведения, местные казенные палаты рассчитывали количество рекрутов для каждого рекрутского участка.

В каждой губернии имелось губернское рекрутское присутствие и несколько уездных рекрутских присутствий (в дальнейшем р. п. – В. Б.). В состав губернского р. п. входили председатель (вице-губернатор) и члены: местный уездный предводитель дворянства, советник казенной палаты, управляющий хозяйственным отделением, чиновник от военного ведомства (военный приемщик) и медицинский чиновник. В уездных городах председателем назначался дворянский предводитель уезда, а членами – дворянские предводители от двух ближайших уездов, местный городничий, военный приемщик, медицинский чиновник. Если в уезде не было предводителя дворянства, то вместо него назначался уездный судья. Кроме того, в р. п. на время проведения набора на военную службу направлялся офицер корпуса внутренней стражи и унтер-офицер с необходимым количеством нижних чинов и цирюльников¹.

Помимо составления рекрутских списков городские и сельские общества должны были выбрать из своей среды и рекрутского старосту, в обязанности которого входило «...управление в своем участке всеми делами к рекрутской повинности относящимися...»².

Еврейскому обществу предписывалось избрать группу особых поверенных в количестве 3–6 чел. для исполнения «...распоряжений, относящихся к лежащей на оном рекрутской повинности»³.

Рекрутские списки и очереди проверялись казенными палатами, затем их вывешивали для общего обозрения. По свидетельству современников, вокруг очередных списков и рекрутских очередей возникали постоянные споры и конфликты.

В р. п. к назначенному сроку должны были быть доставлены молодые люди, у которых подошла очередь идти на военную службу. Помимо них общество отправляло и так называемых подставных, в количестве вдвое меньше, чем рекрутов. *Подставными* именовались молодые люди, которые должны были заменить назначенного в рекруты в случае, если комиссия обнаружит у него какие-нибудь недостатки, препятствующие приему на военную службу (слабое здоровье, недостаточный рост, серьезная болезнь и т. п.). За своевременную и полную доставку рекрутов отвечало общество, которое выбирало из своей среды особое лицо, именуемое *отдатчиком*, и поручало ему доставку людей в р. п. Отдатчику вручались: 1) рекруты и подставные, 2) необходимое число проводников, 3) собранные деньги и тетрадь для записи расходов, 4) общественный приговор об исполнении манифеста⁴.

Деньги, собираемые при рекрутском наборе, предназначались на обмундирование рекрута, провиант в течение первых трех месяцев и жалование рекруту. Денежные расходы общества были весьма значительны. Так, во время рекрутского набора 1836 г. только на обмундирование каждого рекрута необходимо было собрать по 33 руб. Кроме того, общество должно было выдать рекруту и наградные деньги, чаще всего в размере нескольких рублей. В Сибири время в пути составляло иногда недели, поэтому денежные расходы на доставку рекрутов и обратную дорогу подставных составляли значительную сумму.

В качестве примера можно привести участок Макарьевской волости Киренского округа Иркутской губернии с центром в с. Марковском, включавший в 1874 г. 78 деревень с общей численностью 4 822 души муж. пола. При этом в 13 деревнях насчитывалось до 25 душ (в каждой), в 24 деревнях – до 50, в 26 деревнях – до 100, в 14 деревнях – до 150, а в самом крупном селении было 174 души муж. пола. Расстояние же между призывным пунктом и некоторыми деревнями было велико даже по сибирским меркам. Так, 13 деревень находились на расстоянии до 50 верст, 21 деревня – до 100, 19 деревень – до 150, 9 деревень – до 200, 6 деревень – до 250, 5 деревень – до 300, 2 деревни – до 350, еще 2 деревни – на расстоянии до 400 верст⁵.

Тот факт, что закон освобождал от рекрутской повинности русское население ряда малонаселенных мест Сибири, объясняется поэтому не заботой правительства о благе своих подданных и не стремлением

³ Там же. Т. 2: 1827 год. СПб., 1830. С. 729.

⁴ Там же. Т. 6. Отд. 1. С. 526.

⁵ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 456. Оп. 2. Д. 1. Л. 14 об. – 17.

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 2-е. Т. 6: 1831 год. Отд. 1. СПб., 1833. С. 520, 521, 522.

² Там же. С. 506.

государства способствовать хозяйственному освоению малозаселенных восточных территорий, а исключительно желанием сократить казенные расходы на проведение рекрутских наборов.

Отдатчик был обязан представить рекрутов и подставных в р. п., а собранные деньги сдать в казенную палату. Комиссия тщательно осматривала молодых людей, поступивших в рекруты. Если человек, по мнению комиссии, соответствовал требованиям, то председатель р. п. приказывал принятому в рекруты обрить лоб: «Сие объявление означало провозглашение слова: ЛОБ, повторяемое унтер-офицером, который выводил рекрута... в особую комнату...»⁶. В этой комнате молодого человека ожидал цирюльник, который брил ему лоб и бороду (если последняя у него была), и с этого момента рекрут поступал под надзор военного приемщика. У молодых людей, представленных в р. п., но по каким-то причинам на военную службу не взятых, брили затылок (бритье затылков отменили лишь в 1863 г.).

Взятого в рекруты в тот же день приводили к присяге. Если рекрут по каким-либо причинам отказывался принимать присягу, его все равно отправляли на военную службу, но в формулярном списке рекрута делалась соответствующая запись [4, с. 549]. В Рекрутском уставе 1831 г. подчеркивалось, чтобы принятые на службу рекруты «<...> были разбиты на артели, так чтобы в каждой <...> было не менее десяти человек. Рекруты, к единой артели принадлежащие, обязывались круговой порукой смотреть за поведением друг друга и за тем, чтобы никто из них не убежал»⁷. Категорически запрещалось куда-либо отпускать принятых рекрутов даже на короткое время («В домашний отпуск ни с поруками, ни без порук рекрут не увольнять»⁸). Если же рекруту удавалось бежать до принятия присяги, то ответственность за этот проступок возлагалась на общество, из которого он был взят на военную службу, и общество в течение трех дней должно было выставить другого рекрута взамен бежавшего.

После окончания рекрутского набора уездные р. п. прекращали свою деятельность, но губернское р. п. работало до тех пор, пока еще оставались непринятые рекруты (временно отсутствующие, бежавшие, укрывшиеся). Обычно рекрутские наборы проводились в конце года (ноябрь-декабрь), и для Сибири это создавало трудности с доставкой молодых людей в р. п. (сильные морозы, обильные снегопады, метели), на что нередко жаловались сибирские власти⁹.

«Рекруты как только бывают собраны в команду имеют обыкновение спрашивать: “Когда выгонка и куда?”, т. е., когда будет отправлена партия рекрутов в войска и куда им придется отправляться. В прежнее время рекрутам обыкновенно отвечали, что выгонка будет недели через две-три и называли какую-нибудь неизвестную страну, ибо в географических познаниях рекрут, кроме своей губернии да двух-трех соседних

губернских городов, ничего не знает, да и те кажутся ему Бог весть какой страшной далью...» [1, с. 52].

В ожидании отправки к местам службы принятые в рекруты размещались по квартирам городских обывателей, которые обязаны были их кормить: «Обыватели кормят рекрута два раза в сутки, мясом или рыбою, с хлебом, кашею или иною сытной пищей, какая у них будет». В местах приема рекрутам выдавали форменную одежду. В местах производства набора рекрутов, после приема их на службу, должны были приучать «...правильно стоять, ходить в ногу, уметь делать повороты...» В праздничные дни предписано было водить рекрутов в церковь.

Во время приема рекрутов из них формировали команды (партии) для отправки в воинские части. Партии рекрутов могли быть обыкновенными (от 50 до 300 чел.) или большими (от 300 до 500 чел.).

С момента отправки партии для рекрута начиналась заключительная часть пути к месту службы. Эта дорога была значительно длиннее и сложнее, чем от дома к р. п. Если рекрутскую партию направляли в Сибирь или на Дальний Восток, то время в пути в первой половине XIX в. измерялось месяцами.

Свод военных постановлений 1839 г. содержит важный документ: «Наставление офицерам, отряжаемым к отводу рекрутских партий с мест набора в места распределения их» [4, с. 73]. В нем подробно и детально (всего 231 статья. – В. Б.) описаны права, обязанности, мера ответственности, а также действия офицера, отвечавшего за движение рекрутской партии.

Офицер должен был принять партию, а именно: «1) бумаги к ней относящиеся, 2) людей, оную составляющих, 3) одежду рекрутскую, 4) деньги казенные и собственнорекрутские» [4, с. 14]. Офицер обязан был принимать каждого рекрута по отдельности по формулярному списку и выяснять: «1) Имя, отчество, прозвище, лета от роду, откуда и за какое общество или за каких помещичьих крестьян поступил на службу, имеет ли жену, детей <...> знает ли мастерство и сколько собственных его денег у того лица, которое сдает его офицеру. 2) Проверяет приметы рекрута и все ли телесные недостатки его, если он их имеет, описаны в формулярном списке. 3) В заключении офицер спрашивает, не имеет ли рекрут жалоб на лицо, которое сдает его офицеру...» [4, с. 16].

Для сопровождения рекрутов назначались нижние чины, которых именовали *конвойными*. Для сопровождения партии, насчитывающей 50 рекрутов, назначалось пять нижних чинов, для 100 рекрутов – десять, если в партии было большее количество рекрутов, то на каждые 15 рекрутов назначался дополнительно один нижний чин. Кроме того, трех солдат выделяли для охраны сундука, в котором хранились документы и деньги всей партии. На каждые 25 нижних чинов назначался один унтер-офицер. Если маршрут рекрутской партии был длинным и проходил через несколько губернских городов, то в каждом из них конвой полностью меняли. Таким образом, при направлении рекрутской партии в Сибирь состав конвойных команд мог меняться до десятка раз.

Закон разрешал женатым рекрутам брать с собой семью – жену и детей. При этом расходы на содержание

⁶ ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. 6. Отд. 1. С. 531.

⁷ Там же. С. 550.

⁸ Там же. С. 551.

⁹ Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 341. Л. 91–91 об.

семьи рекрута в пути следования (выплату кормовых денег, оплату крестьянских подвод и проч.) брало на себя государство.

В 1843 г. из сибирских губерний было взято 2 329 рекрутов: из Тобольской – 1 372, из Томской – 238, из Енисейской – 316, из Иркутской – 403 чел. Их распределили следующим образом: в Отдельный Оренбургский корпус – 1 251 чел., в Отдельный Сибирский корпус – 393, в Отдельный Гренадерский корпус – 75, в 17-ю пехотную дивизию – 460, на Ижевский оружейный завод – 40, на Казанский пороховой завод – 40 чел. Остальные рекруты были направлены в артиллерийские воинские части Урала и Сибири¹⁰.

Движение пеших рекрутских партий по Сибири было весьма продолжительным. Так, расстояние в 529 верст от Томска до Каинска (Томская губ.) рекруты проходили за 31 день; 1 896 верст от Томска до Златоустовских заводов – за 133 дня, а 2 295 верст от Красноярска до Екатеринбургa – за 164 дня¹¹. После того как рекрутские партии стали перевозить на крестьянских подводах, скорость движения увеличилась примерно вдвое. Кроме того, перестали делать дневной отдых после трех дней пути. В 1871 г. расстояние в 373 версты от Барнаула до Томска рекрутская партия преодолела всего за 7 дней¹².

Побеги рекрутов с мест приема или из рекрутской партии были нередким явлением, за первый побег рекрут наказывался шпицрутенами «...сквозь строй в пять сот человек один раз», за последующие проступки наказания назначались более суровые.

Вполне естественно, что и в проведении рекрутских наборов в XIX в. происходили определенные изменения. Менялись возрастные границы набираемых рекрутов, время и сроки проведения набора, требования к физическому состоянию и здоровью рекрутов и т. п. Весной 1860 г. император Александр II подписал закон о запрещении отдавать в рекруты людей за преступления и проступки [5, с. 34], а в 1863 г. последовало указание уменьшить количество конвойных нижних чинов, сопровождавших рекрутов, и приказано, чтобы конвойные не имели при себе винтовок [6, с. 52].

Если рекрутская партия двигалась в пешем порядке, то обывательские подводы выделялись только для перевозки заболевших, вещей рекрутов и отдельная подвода для офицера. По Сибири передвижение рекрутских партий во второй половине XIX в. (до постройки Транссибирской железной дороги. – В. Б.) осуществлялось на крестьянских подводах. Подчеркнем: экономия сил рекрутов и облегчение тяжести длительного пути не являлись предметом заботы со стороны властей: главной причиной, как и обычно, была экономия государственных расходов.

За отправку партий рекрутов отвечал командир местного батальона внутренней стражи, который после отправки каждой партии был обязан отправлять несколько донесений: 1) губернаторам тех губерний, через которые должна проследовать рекрутская партия;

2) в Инспекторский департамент Военного министерства (с приложением именного списка рекрутов); 3) корпусным командирам внутренней стражи; 4) военному начальству, которому предназначались эти рекруты. В донесениях сообщалось время выхода рекрутской партии, количество рекрутов и нижних чинов конвойной команды, фамилия офицера – командира партии.

После принятия присяги рекруты уже подчинялись законам военного ведомства. Командовавший рекрутами офицер мог наказать провинившегося розгами (максимальное наказание – 50 ударов). Закон требовал, чтобы наказание рекрута, как и выдача ему денег, производилось непременно публично, в присутствии всей рекрутской партии. Была предусмотрена и ответственность офицера за неправильные решения или действия: «За употребление рекрут собственно для себя или для посторонних лиц в работу <...> непомерную убыль рекрут происшедшую от небрежения, а именно, когда из ста человек будет более десяти умерших, бежавших и отосланных в госпиталь...» офицера могли отдать под суд¹³.

Распределением рекрутов по полкам и командам занимался Инспекторский департамент Военного министерства. В Своде военных постановлений 1859 г. отмечалось: «Рекрут, предназначенных для укомплектования Отдельного Сибирского Корпуса, следует назначать из Казанской и Вятской губерний, а рекрут из сибирских губерний обращать на укомплектование других корпусов». При этом указывалось, что в этапные сибирские команды рекрут сразу не назначать, «дабы по крайней мере в течение двух лет приобвыкли они к батальонной фронтовой службе» [7, с. 237]. Как известно, этапные команды предназначались для конвоирования ссылаемых преступников, поэтому отбор нижних чинов в состав таких команд проводился достаточно тщательно.

Доставленных к местам службы рекрутов сдавали под расписку местному военному начальнику. Процитируем архивный документ: «Партионного начальника 1-й Томско-Красноярской рекрутской партии поручика Елисеева. 24 марта 1871 г. г. Красноярск. Господину губернскому воинскому начальнику. Рапорт. Прибыв в г. Красноярск с порученной мне партией в числе 249 человек рекрут и 4 рекрутских жен, где оную согласно личного приказа и. д. Енисейского губ. воинского начальника сдал командиру 52 Красноярского губернского батальона. Ныне, вследствие данного мне и. д. Енисейского губернского воинского начальника предписания от 22 марта с. г. за № 3140 я принял 1-ю Томско-Енисейскую рекрутскую партию в числе 143 человек и 8 жен, откуда и выступаю 24 марта с. г. в с. Рыбинское для остановки во время распутицы, впредь до особого распоряжения. О чем доношу. Партионный начальник поручик (подпись. – В. Б.)»¹⁴.

Доставленных к своим воинским частям рекрутов в первой половине XIX в. направляли в особые рекрутские депо, где в течение нескольких месяцев их обучали премудростям военной службы.

¹⁰ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 210. Л. 274 об. – 275 об.

¹¹ Там же. Л. 292–293 об.

¹² Там же. Ф. 502. Оп. 1. Д. 19. Л. 47.

¹³ ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. 6. Отд. 1. С. 559.

¹⁴ ГАТО. Ф. 502. Оп. 1. Д. 19. Л. 30 об.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русское военное обозрение // Военный сборник. 1865. № 7. Июль.
2. Баяндин В.И. Изменение срока службы в русской армии в XIX – начале XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 2.
3. Баяндин В.И. Организация рекрутских наборов в Сибири во второй половине XIX в. // Вестник НГУ. Сер. история, филология. Новосибирск. 2005. Т. 4, вып. 2.
4. Свод военных постановлений 1839 года. СПб., 1839.
5. Русское военное обозрение // Военный сборник. 1861. № 6. Июнь.
6. Краткий отчет о деятельности Военного министерства в 1863 году // Военный сборник. 1864. № 3. Март.
7. Свод военных постановлений 1859 года. СПб., 1859.

*Статья поступила
в редакцию 01.12.2011 г.*

УДК 94(47)+37(092)

Ю.В. ДРУЖИНИНА

ВЛИЯНИЕ СЕЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НА МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В АГРАРНОЙ СФЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1880–1914 гг.)

Новосибирский государственный
педагогический университет
e-mail: druzok5@rambler.ru

В статье характеризуется деятельность интеллигентов, оказавшая влияние на модернизационные процессы в аграрной сфере Западной Сибири: распространение сельскохозяйственных знаний среди крестьян; внедрение эффективных способов животноводства и полеводства; организацию сельскохозяйственных обществ, артелей, кооперативов. Сельская интеллигенция региона способствовала началу позитивных перемен в хозяйственной деятельности крестьянства.

Ключевые слова: сельская интеллигенция, сельское хозяйство, животноводство, пчеловодство, просветительская деятельность, кооперация, артель.

Период конца XIX – начала XX в. характеризуется качественными и количественными изменениями во всех областях жизни российского общества, в том числе и в аграрном секторе. В сельскохозяйственной сфере Западной Сибири также происходили изменения, что было обусловлено государственной политикой, активностью интеллигенции края, в том числе сельской.

Заметим, что отдельные аспекты влияния интеллигентов на сельскохозяйственный сектор Западной Сибири отражены в трудах исследователей (А.Н. Сикорский, А.С. Донченко, О.В. Чернятьевич, Ю.Ю. Гизей, Е.П. Ермачкова и др.). Однако эта тема, на наш взгляд, требует детальной научной разработки. Цель нашей работы – конкретно-историческая характеристика влияния сельской интеллигенции на модернизационные процессы в аграрной сфере Западной Сибири. Сельская интеллигенция в данном случае определяется как сообщество сельских жителей, которые имеют образование не ниже начального и для которых умственная деятельность является главным источником существования, – представители агрономического и ветеринарного персонала, сельское духовенство, медицинский персонал, волостные и сельские писари, учительство.

В Западной Сибири 1880-е гг. характеризуются увеличением численности интеллигенции, в центре внимания которой в последующее время находились наряду с прочими вопросы развития аграрного сектора региона. С началом Первой мировой войны вопросы

модернизации хозяйства покидают приоритетное место в иерархии задач интеллигентов, все их внимание занимают нужды военного времени.

В качестве источниковой базы исследования нами привлечены неопубликованные архивные материалы Российского государственного исторического архива, Государственного архива Алтайского края, Государственного архива Томской области и Государственного архива в г. Тобольске. В исследовании использовались также материалы журнала «Томские епархиальные ведомости», а также публикации газет «Восточное обозрение», «Жизнь Алтая», «Сибирь».

Источники свидетельствуют, что влияние интеллигенции на модернизационные процессы в аграрной сфере Западной Сибири осуществлялось посредством распространения сельскохозяйственных знаний среди крестьян. С этой целью в деревнях создавались сельскохозяйственные общества, инициаторами и активными членами которых являлись представители интеллигенции. Так, в 1903 г. начало действовать сельскохозяйственное общество в с. Белоярском Барнаульского округа Томской губернии, его председателем стал дворянин И.К. Платонов, товарищем председателя – священник И. Никольский, казначеем – псаломщик Е.А. Федоровский¹. В начале XX в. священник Ишимского уезда Тобольской губернии

¹ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 2. Д. 5612. Л. 9.

С. Кучковский являлся председателем основанного им сельскохозяйственного Петуховского общества². По подсчетам Е.М. Чедурова, к 1915 г. в Акмолинской области действовали 17 сельскохозяйственных обществ, в 1917 г. в Томской губернии было создано 21 общество³.

Важной отраслью экономики региона являлось животноводство, терпевшее значительные убытки из-за частых эпизоотий. Просветительская деятельность интеллигентов с целью предотвращения эпидемий была направлена на разъяснение крестьянам необходимости создания отдельных «скотских кладбищ», которых не было во многих селениях края. Источники свидетельствуют, что призывы сельских интеллигентов к устройству скотомогильников зачастую не находили отклика со стороны крестьян. Порой лишь присутствие на сходе сельской администрации и полиции приводило к тому, что подписывались приговоры о выделении земель под сооружение скотомогильников⁴.

Интеллигенция проводила разъяснительную работу среди селян о необходимости вакцинации скота против повальных инфекций. Иногда доверие крестьян к подобной процедуре возникало только после вакцинации интеллигентами своего домашнего скота⁵.

Интеллигенты способствовали повышению продуктивности животноводства, обращая внимание на улучшение пород скота как в результате завоза в регион высокопродуктивных пород, так и вследствие скрещивания завозных животных и лучших представителей местного скота, адаптированного к сибирским условиям. Проводились мероприятия и по устранению яловости коров⁶. Для того, чтобы крестьяне положительно отнеслись к нововведениям, устраивалось демонстрации улучшенных пород скота. Положительные результаты давали сельскохозяйственные выставки⁷.

Ветеринарный персонал практиковал устройство показательных кормлений. Как отмечали интеллигенты, кормления пользовались популярностью у населения и являлись одним из наиболее действенных мероприятий⁸. Негативное отношение крестьян к вводимым новшествам постепенно переменялось в положительную сторону. Так, в Ялуторовском уезде Тобольской губернии первый теплый скотный двор появился в 1911 г. В 1917 г. таких сооружений в рассматриваемом уезде было около 600⁹.

С целью повышения продуктивности животноводства агрономический персонал устраивал для

селян курсы по скотоводству. Например, в 1911 г. подобные курсы были организованы в с. Залесовском Барнаульского уезда и в с. Тюменевском Мариинского уезда Томской губернии. Такие мероприятия вызывали живой интерес среди крестьян¹⁰.

Влияние интеллигенции на модернизационные процессы в аграрном секторе осуществлялось также через распространение растениеводства, а точнее – выращивание кормовых и зерновых культур. Для этого устраивались показательные поля и участки. Нередко возникали трудности при внедрении приемов обработки паровых земель в хозяйство крестьян. Это было связано с тем, что результаты нововведения становились очевидными после некоторого более или менее продолжительного его применения¹¹. Травосеяние же способствовало предотвращению истощения пашенной земли, что являлось важной причиной его внедрения в хозяйство крестьян помимо прямого назначения.

Деятельность интеллигенции была направлена и на сохранение урожая, например, от истребления его саранчой. Отлов кобылки (насекомое семейства саранчовых) был эффективным способом борьбы против нее, практиковавшимся в рассматриваемое время. Крестьяне же отказывались выполнять приказы властей и рекомендации агрономов о сборе насекомых, так как считали, что кобылка – «попущение Божье», и ловить ее бесполезно¹². В таких случаях интеллигентам приходилось проводить разъяснительные работы среди крестьян¹³.

Интеллигенты стремились распространить огородничество в сибирских селениях. Так, в 1911 г. инструкторы по полеводству смогли снабдить семенами огородных растений 1 331 крестьянское хозяйство Томской губернии, а также восемь народных школ, четыре мелких сельскохозяйственных общества и кредитное товарищество¹⁴. Семена выдавались бесплатно, но с условиями: сообщать результаты произведенных посевов агрономическому персоналу; исполнять указания, которые делались интеллигентами, о способах посева и ухода за растениями; при получении семян в собственное хозяйство снабжать таковыми соседей¹⁵. Вклад в развитие огородничества в регионе вносило также учительство и духовенство. Учителя устраивали при школах показательные участки, огороды и сады¹⁶. Многие священнослужители личным примером приобщали к этой отрасли хозяйствования селян¹⁷.

² Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ). Ф. 156. Оп. 18. Д. 262. Л. 14.

³ Чедуров Е.М. Производственная кооперация Западной Сибири в 1900–1917 гг. URL: <http://new.hist.asu.ru/biblio/borod1/186-188.html> (дата обращения: 20.11.2011).

⁴ Государственный архив Алтайского края (ГAAK). Ф. 181. Оп. 1. Д. 139. Л. 15.

⁵ М-ч К. Лицом к лицу: (о борьбе с эпизоотией в деревне) // Жизнь Алтая. 1911. 13 янв.

⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 398. Оп. 75. Д. 66. Л. 37 об.

⁷ Там же. Л. 9.

⁸ Там же. Ф. 398. Оп. 75. Д. 65. Л. 58.

⁹ Там же. Д. 270. Л. 12.

¹⁰ Там же. Л. 66.

¹¹ Там же. Д. 65. Л. 32.

¹² Сибирские вести // Восточное обозрение. 1902. 14 авг.

¹³ Федосеев И.П. По Сибири: (от наших корреспондентов) // Жизнь Алтая. 1911. 13 янв.; По Сибири: (от наших корреспондентов) // Жизнь Алтая. 1911. 25 февр.

¹⁴ РГИА. Ф. 398. Оп. 75. Д. 66. Л. 6 об.

¹⁵ Там же. Л. 24.

¹⁶ Отчет о состоянии церковноприходских школ и школ грамоты Томской епархии за 1889/90 учебный год // Томские епархиальные ведомости. 1891. № 12. Ч. неофиц. С. 10.

¹⁷ Природа и население Алтая // Томские епархиальные ведомости. 1891. № 3. Ч. неофиц. С. 6.

В Западной Сибири высокий доход крестьянам приносило молочное животноводство. Проблемой отрасли являлась антисанитария на заводах, сепараторах по переработке молока. Как было отмечено Л.М. Горюшкиным, вопрос об улучшении санитарного состояния молокоперерабатывающих заводов неоднократно поднимался на агрономических и сельскохозяйственных совещаниях, съездах маслоделов Западной Сибири [1, с. 5]. Интеллигенты, стремясь привлечь внимание общественности на эти проблемы сельского хозяйства, использовали в качестве трибуны страницы периодической печати. От антисанитарии не только ухудшалось качество молока и масла, но и повышалась смертность телят, которых крестьяне поили термически необработанным молоком, принесенным с молокоперерабатывающих предприятий. Ветеринарные врачи неоднократно адресовали крестьянам рекомендации по обработке молока, но их не всегда слышали. Интеллигенты обращались и к губернской администрации с призывами о закрытии маслоделен в случае возникновения эпизоотий¹⁸. Подобные призывы не всегда встречали положительный отклик¹⁹. В связи с этим вопрос о несоблюдении санитарных норм на маслодельнях оставался актуальным в исследуемый период.

Важным для маслодельной отрасли явилось учреждение артелей и кооперативов. Кооперирование, по мнению П.Ф. Никулина, являлось главным социально-экономическим путем крестьянской модернизации [2, с. 13]. Создание артелей в маслоделии предполагало, что вся предпринимательская прибыль заводского предприятия будет направлена местному населению; артели должны были способствовать производству масла хорошего качества²⁰. Кооперация развивала инициативу и личную ответственность крестьян, привлекала различные слои населения к выработке рыночных правил и способствовала формированию элементов гражданского общества [3, с. 152].

В исследовании Я. Коцониса зафиксировано, что инициаторами создания кооперативов и артелей были сельские учителя, работники-профессионалы и священники [4, с. 76]. Воздействовали интеллигенты на крестьян с целью создания кооперативов и при помощи разъяснений о пользе кооперирования в маслоделии²¹. Нередко крестьяне не понимали той пользы, которую могла принести кооперация. Бывали случаи и враждебного отношения селян к идее организации подобных учреждений. Заметим, что успех в деле организации артелей и кооперативов зависел от характера взаимоотношений крестьян и интеллигентов. В целом благодаря стараниям сельской интеллигенции на 1 января 1912 г. только в Томской губернии насчитывался 841 артельный завод²².

Следует отметить, что многие такие объединения существовали благодаря подвижнической деятельности инструкторов. Крестьяне зачастую не имели средств на постройку хорошего маслодельного завода и нуждались в государственном кредите. Селяне не были компетентны в процедурах оформления нужных бумаг, все это приходилось делать членам инструкторского персонала²³. Отсутствие среди артельщиков лиц, хорошо знающих счетоводство, бременем ложилось на инструкторов. Они составляли периодические и годовые отчеты, тем самым не имея возможности обратиться к актуальным вопросам в области молочного производства²⁴. Даже в случае найма счетовода его работой руководил интеллигент. Вероятно, поэтому участие интеллигенции в кооперативном движении приветствовалось как властями, так и крестьянами.

Интеллигенты инициировали открытие потребительских кооперативов с целью снабжения их членов товарами высокого качества за умеренную плату. Основной рост кооперации, по наблюдениям исследователей, начался после Первой русской революции [5, с. 50]. Деревенская потребительская кооперация доставляла крестьянам серпы, косы, кадки, сепараторы, плуги, семена [6, с. 145]. Тогда же получила распространение и кредитная кооперация, имевшая поддержку среди сельского населения [3, с. 155]. Кооперация делала доступным для крестьян кредит с целью приобретения необходимого инвентаря, облегчала сбыт сельскохозяйственной продукции [5, с. 72].

Значительный вклад в развитие в Западной Сибири пчеловодства как одной из ведущих в регионе отраслей сельского хозяйства внесли, несомненно, инструкторы по пчеловодству, которые занимались консультированием пчеловодов, знакомили крестьян с пользой и выгодой этой отрасли хозяйства, устраивая чтения, беседы. Кроме того, начинающим пчеловодам раздавались семена медоносных растений: горчицы черной и желтой, фацелии, рапса ярового и небольшого количества резеды и мелиссы²⁵. Однако малочисленный персонал на обширных территориях региона мог охватить своей деятельностью лишь отдельные участки.

Заметим, что весьма активным в деле устройства пчеловодства и его популяризации в селе было духовенство [7]. Крестьяне интересовались пчеловодством, так как при небольших затратах на его устройство довольно быстро можно было получить прибыль, что и демонстрировали своей деятельностью церковные пастыри²⁶.

Активность в приобщении селян к пчеловодству проявляло и сельское учительство. Педагоги были не только теоретиками в сфере пчеловодства, но и практиками, стремились распространить свои знания среди крестьян. Так, интересен опыт Усть-Сосновской показательной пасеки Кузнецкого уезда Томской губернии,

¹⁸ Сибирская хроника // Восточное обозрение. 1897. 2 июля.

¹⁹ ГААК. Ф. 182. Оп. 1. Д. 13. Л. 64.

²⁰ РГИА. Ф. 398. Оп. 75. Д. 66. Л. 7 об.

²¹ Там же.

²² Там же. Л. 39.

²³ Там же. Д. 119. Л. 2.

²⁴ Там же. Д. 66. Л. 39 об.

²⁵ Там же. Д. 65. Л. 78–79.

²⁶ ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 110. Л. 25 об.–26.

заведующим которой был учитель М.В. Смитрович. Он со школьниками работал на пасеке, обучая их пчеловодству. Не менее интересна деятельность Шинявской показательной пасеки Мариинского уезда Томской губернии, которой заведовал учитель Д.И. Огнивцев. На вальцах этой пасеки большинство пчеловодов уезда готовили искусственную вошину [8, с. 12–13].

Интеллигенты способствовали внедрению в крестьянские хозяйства сельскохозяйственных машин. Передовиками в этом деле стали инструкторы по полеводству. В целях ознакомления населения с земледельческими машинами они демонстрировали их в селениях. «Демонстрация сеялок, сопровождающаяся распространением информации о рядовом посеве, дала заметные результаты: со стороны крестьянского населения появился спрос на сеялки, покупаемые крестьянами в значительном количестве...»²⁷.

Содействие в улучшении посевного материала оказывалось агрономическим персоналом посредством организации постоянных и передвижных зерноочистительных пунктов. В двух из 12 постоянных и в семи передвижных пунктах в 1911–1912 гг. имелись льняные трешотки для очистки льняного семени. Агрономическая организация Томской губернии впервые приступила к постройке такого сооружения в 1910 г. в селах Тюменевском и Тюхтетском Мариинского уезда Томской губернии. Первый опыт дал положительный результат: сушилки работали без перерыва всю зиму, ими пользовалось население многих окрестных селений. Сушка зерна происходила быстро и оказалась дешевой²⁸. Именно такому способу обработки зерна и учили инструкторы сельское население.

Отметим, что не все интеллигенты проявляли активность в деле внедрения модернизационных процессов в аграрный сектор региона. Известны случаи, когда некоторые интеллигенты выступали противниками внедрения новшеств в хозяйственную практику крестьян²⁹. Это касается преимущественно лиц духовного звания, что было связано с представлениями данной группы о том, что нововведения вредны, они способствуют возникновению антирелигиозных настроений в сельском социуме.

Итак, сельские интеллигенты Западной Сибири занимались распространением сельскохозяйственных знаний среди крестьян; широко внедряли в их хозяйство огородничество, травосеяние, знакомили с эффективными способами обработки зерна и борьбы с вредителями; старались улучшить животноводческую

отрасль хозяйства. Для этого они стремились предотвращать эпизоотии, внедрять улучшенные породы скота в хозяйство крестьян, приобщать селян к рациональному способу содержания скота, что сказывалось на продуктивности хозяйства. Популяризировали интеллигенты среди крестьян и рациональные способы пчеловодства, дававшего довольно быстро положительные результаты. Интеллигенты стремились создавать в селе кооперативы, артели, которые должны были способствовать повышению благосостояния крестьян. При этом они не только проводили разъяснительную работу, но и сами были активными членами таких объединений.

Таким образом, западносибирская сельская интеллигенция оказала позитивное влияние на модернизационные процессы в аграрной сфере края. Благодаря ее деятельности здесь в этой отрасли на рубеже XIX–XX вв. начались качественные и количественные изменения, способствовавшие повышению благосостояния крестьянских хозяйств. Интеллигенты подготовили селян к восприятию инновационных способов хозяйствования, которые полномасштабно стали внедряться в сельскую экономику в последующее время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начало XX). Новосибирск, 1967.
2. Никулин Н.Ф. Внутренний экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2009.
3. Ноздрин Г.А. Кооперативное движение в общественно-политической жизни сибирской деревни второй половины XIX – начала XX в. // Кооперация Сибири: история и современное состояние. Новосибирск, 2006. Вып. 5.
4. Коцонис Я. Как крестьян делали отстающими: сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861–1917 гг. / авториз. пер. с англ. В. Макарова. М., 2006.
5. Алексеева В.К. Кооперативное движение в Сибири (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1993.
6. Запороженко Г.М. Первые потребительские кооперативы в Сибири, конец XIX – начало XX в. // Кооперация Сибири: история и современное состояние. Вып. 5.
7. Чернятевич О.В. Участие духовенства Томской епархии в распространении сельскохозяйственных знаний в начале XX в.: (омское общество «Пчеловодство») // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 2004. Ч. 2. С. 278–280.
8. Дьяков И. Общий обзор состояния пчеловодства по Томской губернии и отчет за 1910–1911 гг. Томск, 1913.

Статья поступила
в редакцию 21.11.2011 г.

²⁷ РГИА. Ф. 398. Оп. 75. Д. 66. Л. 4–4 об.

²⁸ Там же. Л. 4 об., 5 об.

²⁹ Сибирское обозрение // Сибирь. 1907. 21 авг.

УДК 947 (571) + 340.01 (09)

И.Г. АДОНЬЕВА

МЕСТНАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ КОММУНИКАЦИИ СИБИРСКОГО ОБЩЕСТВА И СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

канд. ист. наук
Новосибирский государственный
технический университет
e-mail: adoinessa@yandex.ru

В статье освещается роль официальной и неофициальной периодической печати Западной Сибири как фактора взаимодействия местного общества и судебной власти. Показано, что пресса придавала этой коммуникации разнонаправленный характер. Выявлены отличительные черты, адресаты и адресанты публикаций, посвященных судебной власти. Определены цели, которые ставили перед собой участники коммуникации (доведение до местного населения информации об отправлении правосудия и объяснение его недостатков, а также правовое просвещение и воспитание). Прослежена эволюция взаимодействия через печать общества и судебной власти, связанная с реформами в сфере юстиции.

Ключевые слова: коммуникация, судебная власть, модернизация, юристы, гражданское общество, Западная Сибирь.

Коммуникации власти и общества представляют собой вид гражданской практики, демонстрирующей степень готовности сторон к конструктивному взаимодействию. Диалог населения с судебной властью приобретает особое значение в период модернизации. Изменения в различных сферах не проходят бесследно для общества, они часто воспринимаются и переживаются болезненно, приводя к возникновению конфликтов. Происходит усложнение правоотношений, включение в них ситуаций, ранее не попадавших в правовое поле или разрешаемых обычным правом. Эти противоречия призвана решать судебная власть, с которой обыватели вступают в коммуникацию. Возможность этого взаимодействия официальными и неофициальными путями (но в рамках закона) – один из показателей развитости гражданского общества.

С усложнением социальных, экономических и государственных отношений пресса доносит до общества огромный объем информации. В рассматриваемый период печать превращается в фактор, влияющий на общественное сознание. Понимание современниками значимости газет и журналов проявлялось в обширном спектре обсуждаемых проблем, использовании печатного слова для проведения публичной дискуссии. Пресса стала сознательно использоваться в качестве способа построения коммуникации как внутри общества, так и между социумом и властью [1].

Вопросы коммуникации власти и общества получили наиболее детальное освещение в зарубежных исследованиях, что вызвано имеющимися в западной гуманитаристике методологическими ориентирами. В. Шперлинг выстроил модель коммуникации крестьянства и местной администрации России, получившей название «торг с властью» – как вариант проявления

разных типов политико-правового сознания представителей управления и сельских жителей [2, с. 152–168]. Из отечественных трудов можно выделить междисциплинарную работу С.В. Коновченко «Власть, общество и печать в России». В центр внимания автор ставит прессу и интеллектуальные продукты коммуникативной системы Российской империи, отмечая, что именно конструктивное взаимодействие государства и социума обеспечивает успешность развития страны [3]. В регионально ориентированном исследовании Е.Н. Туманик рассмотрены взаимоотношения администрации Западной Сибири и проживавших здесь поляков с позиций интерпретации отношений как выстроенного в имперских условиях коммуникативного канала [4, с. 107–147].

Широкие возможности администрации в России изучаемого периода не позволяют вести речь о независимости судебной власти. Поэтому данный термин можно использовать условно, понимая под ним вид государственной власти, связанный с осуществлением специализированными органами государства правосудия [5, с. 375]. К упомянутым органам относились до реформы 13 мая 1896 г. окружной и губернский суды, а после реформы – мировой и окружной суды, а также начавший действовать с 1909 г. суд присяжных [6]. Поскольку на территории Тобольской и Томской губерний судебные преобразования рубежа XIX–XX вв. проводились на единых началах, отличных от политики судопроизводства и судостроительства в других регионах империи, территориальные рамки данной работы включают Западную Сибирь.

Под коммуникацией, согласно Г.Д. Лассуэллу, понимается процесс передачи информации, включающий адресанта, каналы, содержание, символы, эффектив-

ность. В данном случае инициаторами и адресатами информации являются общество и судебная власть, а каналом – местная периодическая печать¹.

В структуре западносибирской периодики, являвшейся средством коммуникации между обществом и судебной властью, безусловное большинство имели газеты. Представляется оправданным привлекать издания, длительность выхода которых дает основания судить о налаженной традиции контакта общества и власти. К ним можно отнести «Тобольские губернские ведомости» и «Томские губернские ведомости» – официальные издания, выходившие в 1857–1917 гг. Из неофициальных изданий изучались «Сибирская газета» (1881–1888), «Сибирская жизнь» (1894–1919), «Сибирский вестник» (1885–1905). Кроме того, значимые сюжеты прослеживаются в журнале «Сибирские вопросы» (1906–1913).

Коммуникация между судебной властью и обществом посредством периодической печати была двусторонней. Для судебных органов официальная печать являлась способом оповещения населения о предстоящих процессах, дублирующим повестки. Почти в каждом номере «Губернских ведомостей» печатались вызовы в суды. Эта информация предназначалась представителям разных социальных групп, указывались дело и статус его фигуранта (истец, ответчик, обвиняемый, свидетель, потерпевший).

Сложно определить «обратную реакцию» жителей Сибири на такие действия властей. Явка в суд была обязательной, несоблюдение требования по неуважительным причинам каралось наказаниями от штрафов до тюремного заключения. Поэтому в данном случае официальная пресса являлась в сочетании с другими механизмами эффективно действующим инструментом коммуникации.

Впервые рубрика «Из зала суда» появилась в «Сибирской газете», иногда в рамках раздела «Городские известия», в период нахождения на посту председателя Томского губернского суда Э.-Е. Баршевского (председатель губернского суда в 1880–1887 гг. – И. А.), вероятно, по его инициативе. Хотя в регионе тогда еще сохранялся письменный процесс с судебным докладом, ограниченными возможностями защиты, Баршевский, возможно, полагал, что необходимо информировать население о том, каким образом осуществляется правосудие. Затруднительно делать однозначные выводы, насколько достигали поставленной цели публикации отчетов о судебных заседаниях, включавшие подробные объяснения решения или приговора, перечисление томов и статей Свода законов Российской империи. Массивная описательно-мотивировочная часть, представленная для ознакомления читателям, должна была разрушать представление о том, что «попасть под суд» означало потерять состояние или свободу. Эти усилия власти вполне стыкуются с теорией о том, что основным двигателем модернизации и конструирования в России гражданского общества является государство.

Большое количество текстов посвящалось самой системе правосудия. Вопрос состоит в том, кто был адресатом публикаций, касавшихся состояния судебной сферы региона. Представляется, он был «двойным». Прежде всего, это общество, которому юристы словно стремились объяснить все неудобства и трудности своей работы, а также показать, что они не могут нести ответственности за «дореформенное» правосудие, фактическое отсутствие адвокатуры, гласности и устности, отсутствие суда присяжных, а после 1896 г. – за небольшое количество камер мировых судей, вынужденное совмещение должностей, огромные размеры судебно-следственных участков, скудное финансирование. В действиях томского адвоката и издателя газеты «Сибирский вестник» В.П. Картамышева, не являвшегося представителем судебной власти, но постоянно с ней контактировавшего, прослеживается желание через имевшееся у него издание заниматься рекламой себя как специалиста. Квалифицированные статьи, посвященные анализу юстиции региона, а также возможностям ее улучшения, часто находились на первой полосе². Картамышев критиковал местную адвокатуру – не только «подпольную», но и немногочисленную легальную, чем способствовал увеличению своей клиентуры³.

Находившиеся на государственной службе юристы были более ограничены в публичном представлении своего мнения и доведении его до обывателей. И адвокаты заполняли эту лакуну, стараясь наладить через прессу коммуникацию между судебной властью и населением. Служащие по линии Министерства юстиции посредством печатного слова стремились передать сложность проблем, которые приводили к недостаткам в отправлении правосудия. Их активность по этому поводу стала очевидной после реформы 13 мая 1896 г. Представляется, что причиной этого являлось то, что мировыми судьями стали молодые люди, получившие юридическое образование в Европейской России или на недавно открытом соответствующем факультете Томского университета. Они были воспитаны в системе профессиональных ценностей, ставившей в центр внимания идеалы служения закону, обществу и правопорядку. Расхождение этих представлений с сибирскими реалиями заставляло юристов обращаться к печатному слову в надежде на понимание общества. На основании собственного опыта мировые судьи В.Н. Анучин и В. Европейцев доносили до местных жителей, что самих служителей закона не устраивает сложившееся положение вещей, что они сами страдают от нерационально проведенной реформы.

Создается даже впечатление о целенаправленном конструировании в прессе образа мирового судьи как великомученика. В цикле статей Анучина «Пасынки

² Судебные отголоски // Сиб. вестник. 1886. 1 мая; Судебные преобразования в Сибири // Там же. 1885. 16 мая; Судебные преобразования в Сибири // Там же. 1 марта; Томск, 9 мая // Там же. 1887. 10 мая; Томск, 13 нояб. // Там же. 1892. 13 нояб.; Томск, 22 февр. // Там же. 1886. 22 февр.; Томск, 28 февр. // Там же. 1889. 1 марта.

³ Судебные отголоски // Сиб. вестник. 1886. 1 мая; Судебные преобразования в Сибири // Там же. 1885. 1 марта; Паки и паки об адвокатах // Там же. 1893. 16 дек.

¹ Лассуэлл Г. Язык власти. URL: <http://gmarket.ru/laboratory/ex-pertize/2006/880> (дата обращения 14.11.2011).

Фемиды» можно увидеть следы евангельского предания. Мировой судья одинок в борьбе с сутяжничеством сибиряков, опытными преступниками, усугубляемыми фактическим бездействием полиции. Это одиночество дополнялось отсутствием помощника-письмоводителя. Получалось, что мировой судья без поддержки, преодолевая множество трудностей (большие расстояния, сложные бытовые условия), несет правый суд жаждущему справедливости населению [7, с. 31]. Сибирские жители наделяли суд практически мессианскими чертами, особенно в сочетании с тем, что он был ожидаем; ожидания были положительными и исходили от лиц, которые уже не надеялись на правосудие, но реформа все изменила: «Заколыхался сибирский житель, увидев присланного симпатичного судью: брошенные жены, оставленные дети, забытые наследства, потерявшие сроки иски об увечьях – все это полилось на еще не седую голову молодого судьи» [8, с. 41]⁴. Обиженные возлагали свои надежды на право (т. е. фактически правду), на безгрешного (молодого) человека. Библейский сюжет проявляется и в ассоциировании массива жалоб, прошений и исков с всемирным потопом, но мировой судья с ним не справился не оттого, что приложил недостаточно усилий, а потому, что не в силах был противостоять системе. Дополнялся печальный образ «великомученика правосудия» крайне скудным жалованьем⁵.

Связанные с введением суда присяжных дискуссии посвящались практически одному вопросу: готово ли население к взаимодействию с судебной властью? Отвечая положительно, печать подготавливала будущую коммуникацию⁶. На понимание и помощь местных жителей судебная власть надеялась и при введении в Западной Сибири суда с участием присяжных. О том, что диалог между ними оказался налажен, сообщалось через периодическую печать. В «Сибирских вопросах» после завершения первых сессий приводились одобрительные слова председателя Томского окружного суда М.А. Подгоричани-Петровича: «В Европейской России присяжные заседатели сплошь и рядом не могут справиться с предлагаемыми им вопросами, отвечают на них невпопад и очень часто возвращаются в зал заседания с требованием разъяснений. С вами же, первоначальными сибирскими присяжными заседателями[,] за десять дней настоящей сессии ничего подобного не случилось: вы схватывали на лету все, что было нужно[,] и выносили ответы, не нуждавшиеся в поправках и исправлении» [9, с. 39]. Такая положительная оценка со стороны высшего судебного чиновника губернии могла нацеливать общество на конструктивное сотрудничество с правосудием, принимать участие не только в сложном деле установления истины, но привлечения профессионалов для разрешения менее значимых, но

актуальных вопросов. В этом плане коммуникация судебной власти и общества через прессу является следствием успешного непосредственного взаимодействия уголовной палаты окружного суда и лиц, избранных для участия в отправлении правосудия.

Вторым адресатом можно назвать местную корпорацию юристов. Чиновники Министерства юстиции вступали в общение со своими коллегами по различным профессиональным и общественно значимым вопросам, тем самым подчеркивая заинтересованность и участие в жизни региона. Фактически они находились в состоянии публичной профессиональной дискуссии. Но это было более характерно для носителей «свободной» юридической профессии. Так произошло с изданиями «Сибирская газета» и «Сибирский вестник». В «Сибирской газете» сотрудничал кандидат права Ф.М. Тыжнов, который активно полемизировал с Картамышевым по ряду вопросов [10]. Серьезные расхождения у них имелись по поводу организации местной юстиции: Тыжнов отстаивал мировой суд в «чистом» варианте, а его оппонент вел речь о возможности и даже оптимальности для Сибири института земских начальников⁷. После реформы 1896 г., вводившей в регионе Судебные уставы, точки зрения судебных деятелей на состояние правосудия края заметно сблизились. Кроме того, юристы различной специализации получили возможность для личного общения по профессиональным проблемам. Это взаимодействие происходило в рамках деятельности Юридического общества при Томском университете и консультации присяжных поверенных при Томском окружном суде. Поэтому публикации, исходившие от представителей судебной власти, начинают приобретать информативно-просветительский характер, адресованный именно населению.

Периодическая печать как средство взаимодействия власти и общества на рубеже XIX–XX вв. фокусировала в себе широкий спектр возможностей. Осуществляющиеся посредством нее коммуникации имели разнонаправленный характер. Наиболее достоверно можно судить о результативности коммуникации, происходившей по инициативе судебной власти через официальную прессу. Относительно иных вариантов взаимодействия по линии «общество – судебная власть» посредством печати можно вести речь, учитывая контекст времени и место происходившего процесса. Власть была заинтересована побудить общество использовать суд в качестве способа разрешения противоречий, однако не могла предоставить для этого полного пространства возможностей. Поэтому представляемые юристами статьи были словно ответом на вопросы обывателей о том, почему правосудие неудобно и недоступно. Судебные чиновники и адвокаты, ставшие в данном случае соратниками, старались объяснить местным жителям причины «векового неустройства». При этом выходившие из печати статьи могли готовить население к восприятию новых

⁴ *Европейцев В.* На сибирские темы: По поводу многочисленности дел у мировых судей // Сиб. отголоски. 1908. 23 марта.

⁵ *Сибирский В.* Судебная реформа в Сибири и своевременность введения суда присяжных // Сиб. вестник. 1897. 17 дек.

⁶ О суде присяжных в Европейской России и ожиданиях Сибири // Сиб. жизнь. 1898. 11 марта; Хроника Сибири: к вопросу о введении суда присяжных в Сибири // Сиб. вестник. 1903. 25 янв.; Томская хроника: суд присяжных в Сибири // Сиб. жизнь. 1904. 7 нояб.

⁷ Томск, 1 января 1886 г. // Сиб. газета. 1886. 1 янв.; Городские известия // Там же. 17 мая; Томск, 20 апреля // Там же. 20 апр.; Судебные преобразования в Сибири // Сиб. вестник. 1885. 1 марта; Томск, 9 мая // Там же. 1887. 10 мая.

форм судебной власти, заранее формируя реакцию населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Морозова Н.Н. Взаимоотношения власти и общества в издании «Губернских ведомостей Западной Сибири» // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. №3, С. 23–27.
2. Шперлинг В. Торговаться с властью: прошения и жалобы как форма политической коммуникации в пореформенной России // Новая политическая история. СПб., 2004.
3. Коновченко С.В. Власть, общество и печать в России. Ростов н/Д, 2003.
4. Туманик Е.Н. Хроника повседневности и проблемы коммуникативного взаимодействия власти и общества по материалам прошений поляков Томской губернии за 1860–1861 гг. // Вопросы эволюции информационной среды и коммуникативной культуры сибирского города 17–19 веков: сб. науч. статей. Новосибирск, 2008.
5. Конституционное право России: энциклопедия / под ред. В.И. Червонюка. М., 2002.
6. Крестьянников Е.А. Судебная реформа 1864 г. в Западной Сибири. Тюмень, 2009.
7. Анучин В. Пасынки Фемиды // Сибирские вопросы. 1909. № 49/50.
8. Вейсман Р.Л. Яркие недостатки сибирского суда // Сибирские вопросы. 1908. № 3/4.
9. Очерки сибирской жизни // Сибирские вопросы. 1909. № 49/50.
10. «Сибирская газета» в воспоминаниях современников. Томск, 2004.

Статья поступила
в редакцию 01.12.2011 г.

УДК 94(571).081/083

В.А. ЗВЕРЕВ¹, Е.В. КАРАВАЕВА²**САНИТАРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ И МЕДИЦИНСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ДЕРЕВНЕ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX–НАЧАЛЕ XX в.***

¹д-р ист. наук
Новосибирский государственный
педагогический университет
e-mail: sosna232@yandex.ru;
green_house7@mail.ru

²канд. ист. наук
Новосибирский государственный
технический университет

В статье подводятся основные итоги исследования факторов, форм и результативности санитарно-просветительной и медицинской деятельности Русской православной церкви среди сельского населения Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Выявлен круг обязанностей, предписанных государственной властью Российской империи православному клиру в области санитарно-просветительной и медицинской работы, в том числе среди сельских жителей. Охарактеризованы условия и формы подготовки духовным ведомством Томской епархии кадров для осуществления такой работы в селениях. Определены направления, виды и результаты работы епископов, сельского и монастырского духовенства епархии по проведению мероприятий, способствующих становлению научной медицины на селе и санитарно-гигиеническому просвещению сельского населения; выделены основные исторические этапы осуществления данной деятельности в епархии.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Томская епархия, церковный клир, медицинская деятельность, санитарное просвещение, сельское население, миссионеры, санитарно-гигиеническая культура, церковное образование, деревенский некрополь.

Современное российское сообщество представителей гуманитарных наук активно занимается исследованием вопросов, связанных с историей Русской православной церкви (РПЦ), ее ролью в экономических, политических и социокультурных процессах на всех исторических этапах развития. Данная статья, характеризующая вовлеченность духовенства Томской епархии в санитарно-просветительную и медицинскую деятельность среди сельского населения во второй половине XIX – начале XX в., позволит более полно пред-

ставить процессы становления медицины в сельской местности и санитарно-гигиенического просвещения сельского населения на начальной стадии развития модернизационных процессов в сибирской деревне.

Обозначенный в исследовании период (с 1861 г. до 23 января 1918 г.) можно разделить на три основных этапа, имеющих внутренние уровни развития различных направлений санитарно-просветительной и санитарно-профилактической работы. Этапность определяется как объективными причинами, так и субъективным фактором: прежде всего, деятельностью одного из выдающихся подвижников РПЦ – архиепископа Макария (Невского), который начал свое пастырское служение в качестве миссионера Чемальского стана

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-01-00247а.

Алтайской духовной миссии (АДМ) именно в 1861 г. В 1883 г. его назначили на должность начальника АДМ, а в 1891 г. он возглавил Томскую епархию. Всю жизнь его вдохновляло библейское повествование о том, что за Христом Спасителем и апостолами многие последовали после того, как получили от них физическое исцеление (Лук. 8, 1–3).

Первый этап – «миссионерский» (1861–1883 гг.) – характеризуется началом активной деятельности миссионеров АДМ, которая затем пронизывает все этапы. Еще основатель миссии архимандрит Макарий (Глухареv), занимаясь оспопрививанием и лечением, говорил, что оказать медицинскую помощь больному – «святая обязанность» миссионера [1, с. 216].

Второй этап – время «качественных изменений» (1883–1892 гг.). Достижения этого этапа заключаются в существенных успехах России в деле развития научных знаний по гигиене и санитарии; в утверждении Правил о церковно-приходских школах (1884 г.), через которые впоследствии осуществлялось санитарное просвещение сельского населения; в открытии в Томске в 1888 г. университета с кафедрой гигиены; в образовании в 1889 г. в Томской губернии сельских медицинских штатов; во введении в сферу деятельности миссионеров АДМ народно-просветительных чтений, а в Бийском катехизаторском училище – курса обучения оспопрививанию; в более активном санитарном просвещении сельского населения.

Третий этап – время «активных действий» (1892–1918 гг.), импульсом для которых послужили эпидемия холеры 1892 г. и начало модернизационных процессов в сибирской деревне. В рамках третьего этапа выделяется время активизации специализированной деятельности сельского приходского духовенства Томской епархии: с 1896 г. – по благоустройству кладбищ, с 1909 г. – по борьбе с алкоголизмом.

Выявление внутренней генеральной периодизации и промежуточных этапов изучаемого процесса позволило проследить динамику практической реализации миссионерской идеи о значении врачевания и санитарного просвещения как неотъемлемых составляющих пастырских обязанностей. Определен социальный механизм реализации данной деятельности среди сельского населения в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в.

Изучив законодательные и другие нормативные акты¹, как центральных, так и местных светских и духовных властей [2], можно сделать вывод, что в XIX – начале XX в. православное духовенство активно вовлекалось в санитарно-просветительную и медицинскую деятельность. Кроме того, можно утверждать, что с 1880-х гг. в обстановке динамичного развития научных знаний по медицине и гигиене, совершенст-

вования санитарного законодательства и появления новой медико-санитарной информации на государственном уровне осознавалась невозможность проведения мероприятий по сохранению здоровья населения и формированию его санитарной культуры без участия священнослужителей. Об этом свидетельствует возложенный на них спектр разнообразных обязанностей: устройство больниц, аптек, богаделен, детских приютов при церквях и монастырях, яслей-приютов, переселенческих барачных и столовых, лазаретов для раненых и выздоравливающих воинов; проведение медико-санитарных мероприятий во время эпидемий; участие в работе санитарных комиссий; сбор пожертвований в пользу Общества Красного Креста и для пострадавших от эпидемий; соблюдение санитарно-профилактических норм во время похоронных обрядов и устройства кладбищ; борьба с суевериями и пьянством. В определенных случаях на священников даже возлагалась сугубо врачебная обязанность – засвидетельствование смерти. Кроме того, им был поручен ежемесячный сбор сведений по приходам о числе умерших от заразных болезней. С 1890 г. это стало их постоянной обязанностью. Особо следует отметить нормативные акты, которые обязывали духовенство проводить мероприятия по привлечению населения к привитию предохранительной оспы и ежемесячно предоставлять в оспенные комитеты списки родившихся и умерших младенцев.

Епархиальные и губернские власти способствовали реализации распоряжений, предписаний правительства и Синода, уточняя и разъясняя их в соответствии с природно-климатическими, географическими, религиозными и другими особенностями отдельных округов (уездов) губернии. Основную руководящую роль в выполнении при этом предписанных законом требований играл архиерейский корпус. Среди епископов, занимавших Томскую кафедру во второй половине XIX – начале XX в., мы видим известных представителей ученого монашества, миссионеров-подвижников [3–5]. Выяснено, что расцвет санитарно-просветительной и медицинской деятельности православного духовенства Томской епархии приходился на конец XIX – начало XX в. – время епископства Макария (Невского), руководившего кафедрой с 1891 по 1912 г., и его последователей: епископов Мефодия (Герасимова) и Анатолия (Каменского).

Приняв дела по управлению епархией, владыка Макарий, учитывая насущную потребность времени в вовлечении представителей духовного сословия в санитарно-просветительную и медицинскую деятельность, незамедлительно занялся преобразованиями в епархиальных учебных заведениях. В конце XIX в. в Томской епархии была решена одна из основных проблем учебных заведений духовного ведомства, существовавшая на протяжении нескольких десятилетий, – отсутствие удовлетворяющих санитарным нормам помещений для обучения и пансионного содержания воспитанников. Под руководством епископа Макария были построены собственные здания Томской духовной семинарии (ТДС), Барнаульского и Бийского училищ, Томского епархиального женского училища (ТЕЖУ). На рубеже XIX–XX вв. ТДС по

¹ Сборник обязательных постановлений по санитарной части. Томск, 1916; Свод законов Российской империи / под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. Изд. неофиц. СПб., 1912. Т. 13; Указы из Святейшего правительственного Синода за 1900–1911 гг. СПб., 1900–1911; Циркулярные указы Святейшего правительственного Синода 1867–1900 гг. / сост. А. Завьялов. Изд. 2-е. СПб., 1901; Циркулярные указы и распоряжения томского епархиального начальства за 16 лет, с 1898 по 1913 / сост. и ред. П.С. Антонов. Томск, 1913.

своему благоустройству и соблюдению санитарно-гигиенических норм была одной из лучших российских духовных семинарий [6, с. 241–252]. А построенное в начале XX в. здание ТЕЖУ в санитарном отношении являлось лучшим в России – с устройством отопления, вентиляции, канализации, системы сжигания мусора по стандартам того времени².

Можно утверждать, что предстоятели Томской епархии, епархиальное начальство, ректоры, советы и правления, врачи учебных заведений духовного ведомства за все время его существования прилагали немалые усилия для решения санитарно-гигиенических вопросов, связанных с условиями содержания и обучения, питания и лечения учащихся. Они считали эти вопросы значимыми как для сохранения здоровья воспитанников, так и для привития им санитарно-гигиенических норм. Однако, несмотря на хорошее качество продуктов и приготовленных из них блюд, а также их разнообразие, нами высказано предположение, что на протяжении всего исследуемого периода оставалась нерешенной проблема недоедания воспитанников. Эта проблема касалась не только учебных заведений, но и других пансионов духовного ведомства: приютов для сирот, яслей-приютов, больниц, лазаретов.

Во всех учебных заведениях духовного ведомства больницы обеспечивались всем необходимым, а для лечения и преподавательской деятельности отбирался квалифицированный персонал, который каждодневно в неустанных трудах прививал учащимся санитарную культуру. Это врачи Ф.Ф. Оржешко, Н.Е. Аккеман, А.И. Макушин, И.И. Лубянных и др. В последнее десятилетие XIX – начале XX в. для сохранения здоровья воспитанников применялись прогрессивные методы диагностики и лечения.

Немаловажное значение для распространения санитарной культуры среди населения Томской губернии имел тот факт, что во всех епархиальных учебных заведениях епископом Макарием были введены, вне программы Синода, предметы, непосредственно влиявшие на формирование санитарной культуры и состояние здоровья учащихся: основы гигиены, медицина, оспопрививание и гимнастика. Несомненно, на введение этих предметов в обязательную программу повлияло открытие в Томске в 1888 г. университета с кафедрой гигиены.

При епископстве Макария организуются и ежегодно в 1898–1918 гг. проводятся педагогические курсы для учителей церковных школ, финансирование которых осуществлялось из епархиальных средств. Лекции по основам гигиены, оспопрививанию, о борьбе с алкоголизмом (с 1909 г.) и практические уроки оспопрививания были обязательными дисциплинами в программах курсов. Их значимость повышалась в связи с приглашением к участию в них учителей из наиболее отдаленных районов губернии³.

В исследуемый период Синод и епископы способствовали расширению печатного дела при епархи-

ях. На территории Западной Сибири Томская епархия имела для развития церковной журналистики самую обширную полиграфическую базу [7, с. 193–195]. Основная цель обеспечения духовенства печатными источниками – это предоставление ему возможности заниматься самообразованием, что способствовало поэтапному развитию от ученичества к осознанному приобретению знаний, предусматривавшему саморазвитие и просвещение окружающих, в том числе и санитарно-гигиеническое. В епархиях на территории Западной Сибири особое внимание уделялось санитарному просвещению сельского духовенства – по причине отсутствия земской медицины и мизерности сельских медицинских штатов. Священники не были только требоисполнителями, они выполняли важные социальные функции по сохранению здоровья населения и формированию его санитарной культуры, подчас являясь для сельских жителей основным источником научных санитарных знаний. Призывая к выполнению заповедей, связанных с врачеванием, и оказывая посильную медицинскую помощь, священнослужители расшатывали суеверные представления своих прихожан. Участие священников в санитарно-профилактических и лечебных мероприятиях расширяло возможности их сотрудничества с врачебным и фельдшерским персоналом губернии.

Установлено, что санитарно-просветительная и медицинская деятельность священно- и церковнослужителей во всех приходах епархии активизировалась в конце XIX в., импульс ей дали мероприятия, проводившиеся в холерную эпидемию 1892 г. Прежде всего, на клир возлагались обязанности: а) своевременного ознакомления населения с предписаниями о принятии мер для предотвращения эпидемий; б) распространения печатных изданий санитарно-гигиенического содержания. В процессе санитарного просвещения во время эпидемий практиковались методы и средства агитации, рассчитанные на обширную аудиторию. Вместе с тем не отрицалась и польза индивидуальных бесед.

Одной из важнейших сторон деятельности православной церкви являлась благотворительность. Именно во время эпидемии 1892 г. активизировалось открытие церковно-приходских попечительств. Они взяли на себя почин организации дешевых и бесплатных столовых и помещений для отдыха и призрения больных переселенцев. Во время эпидемий начала XX в. и особенно в тяжелые военные годы деятельность попечительств получила значительное развитие. Они участвовали в благотворительных сборах, санитарном просвещении населения, организации медицинской помощи, благоустройстве кладбищ и пр. В 1891 г. их было 11, в 1892 г. – 27, в 1898 г. – 101⁴, в 1905 г. – 443⁵, а в условиях Первой мировой войны в епархии действовало 869 приходских попечительств⁶, заботившихся о семьях лиц, призванных на войну, о больных и раненых воинах, многочисленных беженцах.

С 1892 г. повсеместно стала распространяться существовавшая в АДМ практика устройства приход-

² Торжество открытия новых зданий Томского епархиального женского училища 14 окт. 1907 г. Томск, 1907; и др.

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 2305. Л. 21–21 об.

⁴ Там же. Д. 1752. Л. 52 об.

⁵ Там же. Д. 2121. Л. 26 об., 28.

⁶ Там же. Д. 2674. Л. 48 об.

ских аптек на церковные деньги, личные средства причта и прихожан. Сельские аптечки заключали в себе одно из основных условий организации медицинского дела на селе. Их организация способствовала вовлечению духовенства в практическую медицинскую деятельность, образованию настоящих санитарных участков.

Православное духовенство непосредственно участвовало в работе оспенных комитетов, комитетов общественного здоровья, чрезвычайных совещаний, санитарных комиссий. С 1892 г. во время эпидемий деятельность этих комиссий осуществлялась на территории губернии повсеместно.

Начиная с 1870-х гг., в городах и селениях Томской губернии довольно успешно распространялось оспопрививание: по официальным данным, профилактические прививки оспы получали более трети, в иные годы – до двух третей новорожденных детей⁷. Можно утверждать, что результативности оспопрививания способствовало начавшееся в 1890-х гг. санитарное просвещение сельского населения с неременной проповедью и наставлениями духовенства о пользе оспопрививания, принятие некоторыми из священно- и церковнослужителей на себя обязанностей оспопрививателей, активное привитие оспы детям в среде сельской интеллигенции и переселенцев из Европейской России, введение сельских медицинских штатов. Нельзя забывать и о женщинах, которые относились к духовному сословию, – о дочерях и женах церковно- и священнослужителей, учительницах церковных школ, насельницах женских обителей. Среди них были выпускницы ТЕЖУ, школ повивальных бабок и фельдшерских школ. Из отчета ТЕЖУ за 1909/10 учеб. г.: «Благодаря тому, что курс гигиены проходят в училище за три года, является возможным дать воспитанницам очень обширные сведения по этому предмету. Программа его вырабатывалась в училище в течение целого ряда лет»⁸. Выпускницы приобретали углубленные знания, которые впоследствии применяли на практике, выполняя обязанности повивальных бабок, оспопрививательниц, фельдшериц и сестер милосердия.

Одной из действенных мер, осуществляемых РПЦ в борьбе с детской заболеваемостью и смертностью, было призрение сирот. Духовное ведомство учреждало приюты для сирот при женских обителях, а пионерами в призрении одной из наиболее незащищенных категорий детей на территории Томской епархии являлись монастыри и общины АДМ. Причем, были и такие, как Чемальская женская община, которая основывалась главным образом для воспитания и обучения приютских детей. Все приюты духовного ведомства были девичьими, мальчики, если и призывались, то до 6–8-летнего возраста. Это объясняется тем, что женские обители – учреждения закрытого типа. По

той же причине на их территории во время войны не устраивали лазаретов для раненых солдат (по возможности они действовали только на дачах, отдаленных от монастырей). Подавляющее большинство призреваемых в приютах, даже расположенных в городах, были детьми крестьян.

Приюты имели разные доходы, но во всех дети содержались в удовлетворительных санитарно-гигиенических условиях, соблюдалась личная гигиена. Духовное ведомство изыскивало возможность обеспечить их своевременной медицинской помощью. Ее организация осуществлялась благодаря деятельности больниц и аптек при монастырях, работе фельдшеров в тех селах, где располагались обители, обеспечению больниц и фельдшеров медикаментами, а также опытности монахинь и послушниц в уходе за больными. Кроме того, в приютах АДМ медицинская помощь оказывалась миссионерами. Показателен тот факт, что случаи смерти в сиротских приютах были редкими, тогда как детская смертность в Томской губернии, как и во всей России, оставалась высокой.

Духовенство Томской епархии в 1915 г. в условиях Первой мировой войны внесло почин в устройство яслей-приютов как одного из санитарно-гигиенических мероприятий, которое в то время «во всех странах света выдвинулось на первый план в борьбе с детской смертностью» [8, с. 10]. Яслей в сельской местности было тогда открыто немного. Но во время их работы не умер ни один опекаемый ребенок, а дети с незначительными расстройствами здоровья быстро поправлялись.

Организация приютов для сирот и яслей в сельской местности имела значение как для сокращения детской заболеваемости и смертности, так и для распространения санитарных норм в крестьянской среде, давая наглядный пример соблюдения личной гигиены детей, правильного питания, режима дня, содержания одежды и пр. Призревая девочек-сирот до их совершеннолетия, прививая им основы санитарно-гигиенической культуры в образовательном процессе и через трудовое воспитание, РПЦ вносила неоценимый вклад в формирование жизнесохранительного поведения населения, так как воспитывала будущих матерей, способных передать приобретенный опыт своим детям и окружающим людям.

В последней трети XIX – начале XX в. распространению санитарно-гигиенической культуры среди сельского населения способствовало открытие сети церковноприходских школ и школ грамоты. Становление церковных школ на территории епархии происходило с определенными трудностями (нехватка помещений, неудовлетворительное санитарное состояние имевшихся зданий, индифферентное отношение многих крестьян к образованию, недостаток средств и пр.). Тем не менее церковные школы имели неоспоримое влияние на формирование санитарной культуры населения. Сельским причтом они использовались как площадки для проведения внебogosлужебных санитарно-просветительных чтений, способствуя просвещению не только детей, но и их родителей.

Синодальными и епархиальными указами и распоряжениями в конце XIX – начале XX в. священнослужители Томской епархии были вовлечены в борьбу

⁷ Подсчитано по: Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 2. Д. 3934. Л. 45, 186, 317, 425, 515, 574, 670. См. также: Санитарное состояние Томской губернии за 1882 г. // Томские губернские ведомости. 1883. 13 окт.

⁸ Отчет о состоянии Томского епархиального женского училища за 1909/10 учеб. г. // Томские епархиальные ведомости. 1911. № 22. Часть неофиц. С. 467.

с пьянством. Этапными являлись указы Синода 1889 и 1909 гг., правительственный указ 1914 г. и начавшееся к тому времени всероссийское массовое движение за трезвый образ жизни, возглавляемое церковными иерархами. С 1890 г. приходское духовенство взяло на себя почин организации обществ трезвости. Наиболее активный период участия священно- и церковнослужителей в трезвенническом движении начался с 1909 г. К 1914 г. оно охватило все приходы епархии. До указа Синода 1909 г. на территории Томской епархии было открыто всего 17 обществ трезвости, а к 1912 г. их было 53⁹. Наибольшее число обществ трезвости было учреждено в 1911–1914 гг. В 1913 г. их насчитывалось 102, к концу 1914 г. – 127¹⁰. Основными формами работы в данном направлении стали проповедь, проведение внебогослужебных чтений с показом световых картин, устройство читален, библиотечек, распространение брошюр и листовок антиалкогольного содержания. Значимый вклад в руководство деятельностью приходского духовенства по борьбе с пьянством внесли епископы Макарий (Невский), Мефодий (Герасимов), Анатолий (Каменский), председатель Иннокентиевского епархиального братства трезвости протоиерей П. Комаров, член братства священник М. Солнцев и др. Проповедуя с амвона и на внебогослужебных чтениях, выступая на миссионерских съездах и педагогических курсах, организуя выпуск антиалкогольной литературы и приобретение световых картин, они были организаторами и вдохновителями трезвого образа жизни сельчан.

Обращаясь к малоизученной проблематике сельских православных погостов, можно сделать вывод, что задолго до исследуемого нами периода на священно- и церковнослужителей РПЦ были возложены обязанности относительно соблюдения санитарно-гигиенических требований при отпевании и погребении, особенно во время эпидемий, а также при открытии и благоустройстве кладбищ. Деятельность в данном направлении осложнялась постоянными эпидемиями, переселенческим движением, которое активизировалось в конце XIX в., образованием новых поселков при строительстве Транссибирской железной дороги и притоком беженцев во время Первой мировой войны. Этапными стали 1892 г., когда епархиальное духовенство начало принимать активное участие в работе санитарно-исполнительных комиссий, занимавшихся решением вопросов благоустройства кладбищ, и 1896 г., когда кладбища были переданы в ведение Синода и усилен контроль над их благоустройством со стороны епархиальных архиереев.

Епископ Макарий (Невский) с конца XIX в. возродил вековую традицию проведения по всем приходам епархии крестных ходов с общественной панихидой на кладбищах и неперменной проповедью. Проповедь

являлась основным способом привлечения прихожан к решению проблемы содержания кладбищ в удовлетворительном санитарном состоянии¹¹. В отчетах в Синод за 1900 и 1902 гг. епископ Макарий сообщал: «В последние годы стало вводиться в некоторых приходах, [чтобы] служить общественные панихиды на кладбищах, чего ранее не бывало. Следствием этого явилось то, что прихожане к своим кладбищам стали относиться со вниманием, стали проявлять заботы об их огораживании и очистке»¹². Проповедь звучала с амвона, во время крестных ходов, общественных молебнов, панихид и похорон. Священнослужители в большинстве случаев выступали инициаторами открытия новых кладбищ. Они ходатайствовали об этом перед епархиальным управлением, вели переписку с духовной консисторией, врачебным управлением и полицейскими чиновниками; участвовали в выборе мест для погостов по правилам, предписанным Главным управлением врачебного инспектора, при отсутствии врачей отвечали за составление актов с планами местностей; организовывали сельских жителей на огораживание отведенных кладбищенских мест; обязательно освящали кладбища при их открытии [9, с. 74–89]. К концу первого десятилетия XX в. процесс отведения участков под кладбища стал преодолевать бюрократическую волокиту, в практике сельских обществ и приходов огораживание и поддержание элементарного порядка на погостах становилось нормой. Говоря об открытии, благоустройстве и содержании кладбищ как об одном из важных компонентов санитарных мероприятий, необходимо отметить, что с 1896 до 1918 г. именно РПЦ отвечала за их содержание в масштабах всей империи.

Духовенство Томской епархии, занимаясь санитарно-просветительной, санитарно-профилактической, медицинской и благотворительной деятельностью, взаимодействовало со светскими властями всех уровней, с медицинским персоналом, учителями, сельскими обществами. Тем самым РПЦ привлекала общественность к решению таких социальных проблем, как сиротство, детский травматизм, нищенство, проституция, пьянство, антисанитарное состояние улиц, дворов, базарных площадей, кладбищ, водных источников и пр. Результативность сотрудничества выражалась в расширении участия сельских обществ в устройстве аптек, школ, приютов, яслей-приютов, лазаретов; в более охотном и частом обращении сельчан за необходимой помощью к врачам, фельдшерам и акушеркам; в увеличении сумм благотворительных пожертвований.

Церковь в Томской губернии, благодаря подвижническому труду епископов, церковно- и священнослужителей, насельниц монастырей и многих прихожан-мирян, влияла на секуляризационные, демографические и социокультурные модернизационные процессы, выполняя три значимые функции: она являлась одним из основных информационных источников санитарных знаний на селе; несла на себе значительный груз работы по организации и непосредственному оказа-

⁹ Подсчитано по: ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3018; Список церковных обществ трезвости в приходах Томской епархии к 1 авг. 1912 г. // Томские епархиальные ведомости. 1912. № 19. Часть неофиц. С. 1072–1077.

¹⁰ ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3018; Краткий отчет о деятельности Иннокентиевского епархиального братства трезвости за 1913/14 г. // Томские епархиальные ведомости. 1915. Часть неофиц. С. 637, 641.

¹¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1810. Л. 7.

¹² Там же. Оп. 440. Д. 1870. Л. 76 об.; Д. 1211. Л. 140–140 об.

нию посильной медицинской помощи, устройству благотворительных учреждений; была материальным источником этих процессов, направляя в них часть церковных средств и средства многочисленных жертвователей.

Говоря о санитарно-просветительной и медицинской деятельности православного клира Томской епархии, можно констатировать определенную степень успешности в решении задач, поставленных государством перед духовным ведомством. Эта степень не могла быть высокой: в изучаемый период в России еще не сложились условия для эффективного завершения модернизационных процессов, в том числе в области народного просвещения и здравоохранения. Даже в обстановке эпидемий церковь, ориентируя свою деятельность на решение общегуманитарных и медицинских задач, оставляла приоритетными свои конфессиональные задачи.

Перемена государственного строя, совершенная в империи на рубеже 1917–1918 гг. сначала на центральном, а затем на местном уровнях, привела к принципиальным изменениям общественно-политических и экономических устоев российского общества. Коренное изменение статуса церкви привело к практической утрате православного образования, прекращению миссионерской деятельности РПЦ, в том числе направленной на решение социальных проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Очерк деятельности Алтайской духовной миссии по случаю 50-летия ее юбилея // Памятная книжка Томской губернии 1885 г. Томск, 1885.
2. Алфавитный указатель канонических постановлений, указов, определений и распоряжений Святейшего правительственного Синода (1721–1895 гг. включительно) и гражданских законов, относящихся к Духовному ведомству православного исповедания / сост. С.В. Калашников. 2-е изд. Харьков, 1896.
3. Исаков С.А., Дмитриенко Н.М. Томские архиереи, 1834–2002: библиогр. слов. Томск, 2002.
4. Мисюрёв А.А. Краткий историко-статистический очерк Томской епархии. Томск, 1897.
5. Справочная книга по Томской епархии 1914 г. Томск, 1914.
6. Караваева Е.В. Бытовые и санитарные условия проживания учащихся ТДС в конце XIX – начале XX в. // Духовное образование в Сибири: история и современность. Томск, 2009.
7. Яковенко А.В. Издание православной литературы в Томске второй половины XIX – начала XX в. // Православие и развитие российской духовной культуры в Сибири. Томск, 2004. Т. 2.
8. Делекторский Н.И. Смертность детей за границей, в России и в Томске и «капля молока». Томск, 1910.
9. Караваева Е.В. Устройство сельского православного погоста в конце XIX – начале XX в. (на примере Томской губернии) // Макарьевские чтения. Горно-Алтайск, 2011.

Статья поступила
в редакцию 01.12.2011 г.

УДК 32.019.51

Н.М. ЩЕРБИН

**АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКАЯ И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ
РАБОТА ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНОВ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО
ВОЕННОГО ОКРУГА С НАСЕЛЕНИЕМ СИБИРИ (1920–1923 гг.)**

канд. ист. наук
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск,
e-mail: museum@sbras.nsc.ru

В статье рассматривается массово-политическая работа политических органов и армейских партийных организаций Западно-Сибирского военного округа на завершающем этапе Гражданской войны и в первые годы мирной жизни. Раскрываются основные формы и методы этой работы, показывается их изменение в зависимости от решаемых задач округом и советской властью на местах.

Ключевые слова: политические органы, армейские парторганизации, массово-политическая работа.

В настоящее время российское общество вновь, как и в начале XX в., переживает сложный период радикальных социально-экономических и политических трансформаций. Важное место в этих процессах занимает поиск новых форм взаимодействия между армией и обществом, создание благоприятного социально-психологического климата в обществе по отношению к армии.

Особую роль в укреплении единства армии и народа играет информированность общества о происходящих изменениях в Вооруженных Силах РФ.

Армия сегодня нуждается как в экономической, так и в морально-психологической поддержке общества. В этом плане изучение опыта взаимоотношений между армией и обществом в 1920-е гг., которые во многом также создавались заново, безусловно, представляет актуальную задачу для исторической науки и может быть полезным в плане совершенствования современной практики воспитательной работы.

Целью данной статьи является изучение средств и форм массово-политической работы политических органов и армейских партийных организаций ЗапСибВО с населением Сибири.

В труднейших условиях Гражданской войны советская власть обратилась к политорганам частей и соединений Красной армии и партийным комитетам с призывом оказать помощь членам партии в восстановлении на местах партийных, советских учреждений и в проведении разъяснительной работы с населением по снятию социального напряжения, поддержке нового общественного строя, восстановлению разрушенного хозяйства на освобождающихся от белогвардейцев территориях.

Необходимость проведения массово-политической работы с крестьянством была вызвана тем, что в начале 1920 гг. оно недоверчиво относилось к РКП(б) – при готовности поддержать власть советов. Его представители говорили, что советская власть хороша, но вот коммунисты все дело портят. Их возмущала чрезмерность заданий по хлебозаготовкам и при этом отсутствие учета реальных возможностей крестьянского хозяйства [1, с. 260].

В начале массово-политической работой занимались губернские политико-просветительные отделы и политические отделы соединений. Но к весне 1920 г. совместными усилиями армейских и местных коммунистов были созданы объединенные агитационно-пропагандистские коллективы. Они работали по планам местных партийных комитетов. В состав их входили не только партийные работники, но и командиры, комиссары, курсанты партийных школ и хорошо подготовленные в политическом отношении красноармейцы [2, с. 131].

Постепенно сложились первые организационные структуры объединенной массово-политической работы: агитотряды, агитгруппы, агитполитотделы. Так, летом 1920 г. от политических органов Западно-Сибирского сектора войск ВОХР для работы среди крестьян были направлены «Летучие политотделы», созданные партийными организациями штабов или служб дивизий и бригад, включавшие 7–8 чел. Выделялись также агитгруппы, но в количестве 3–5 коммунистов, от полков и отдельных частей, равнозначных им.

Осенью 1920 г. армейские агитаторы приняли участие в подготовке к проведению выборов в местные советы Сибири. Они агитировали рабочих и крестьян принять участие в выборах и проголосовать за большевиков¹. Только членами агитационной группы штаба 26-й дивизии было организовано в сентябре среди алтайских крестьян 10 волостных съездов, 63 общих собрания, 23 митинга, 5 собеседований и 5 партсобраний².

Воинские части, оказывая помощь крестьянам, совмещали трудовую деятельность с культурно-массовой работой. Так, красноармейцы одного из полков, дислоцированного в Омске, убирая урожай, организовали в деревнях губернии семь митингов, открыли 13 изб-читален, передав им 360 книг, распространили 270 плакатов, 5 тыс. листовок, наладили вместе с сельскими учителями работу драмкружков и поставили 4 спектакля³.

Силами армейских коммунистов в сельской местности создавались центры культурно-просветительной работы. Местная советская власть, командование, политорганы и партийные организации округа делали все зависящее от них, чтобы обеспечить такие центры всем необходимым для работы. Только Политическим управлением округа в 1921 г. было передано центрам около 1 400 библиотечек, насчитывающих около 200 тыс. книг.

Политорганы округа и 5-й армии нередко в зоне боевых действий занимались массово-политической работой среди крестьян по разъяснению политики советской власти. Только в январе-феврале 1921 г. ими было проведено совместно с местными парткомами в Алтайской губернии 119 беспартийных конференций, 489 митингов, 417 бесед, 362 лекции, а за октябрь-декабрь – 703 собрания и митинга, 322 собеседований, 43 заседаний советов, 37 съездов волостных исполкомов, 51 партийное собрание. В Омске за тот же период агитаторами организовано 226 лекций, 1 008 митингов, 1 745 бесед [3, с. 12–13]. Агитация за советскую власть сопровождалась налаживанием тесных связей между рабочим классом и крестьянством, армией и народом. Большое внимание уделялось оперативному информированию населения о политических событиях внутри страны и за рубежом.

В рассматриваемый период преобладающими формами массово-политической работы были митинги, собрания, беседы, беспартийные конференции, но не утратили своей актуальности и лекции. Их организовывали лекторские бюро, созданные в начале 1920 г. при политико-просветительных отделах губернских военных комиссариатов. В их состав входили заведующие бюро и школьной секцией, начальник организационного отделения политико-просветительного отделения губвоенкомата. Лекторы готовились из числа красноармейцев в лекторских студиях, открытых в воинских частях⁴.

Так, лекторы Тобольского и Омского губвоенкоматов за октябрь 1920 г. прочитали 297 лекций, провели 417 собеседований⁵, а сотрудники политотдела Алтайского губвоенкомата выступили с 217 лекциями по общеобразовательным темам⁶.

Количество читаемых лекций в Сибири росло. Только за один день – 10 декабря 1920 г. – агитпроп-коллективом Политуправления округа было прочитано в Алтайской, Омской, Тюменской и Томской губерниях 44 лекции, проведено 16 чтений и 177 бесед. К концу 1921 г. в округе в среднем в месяц читалось более 50 лекций.

Выступая перед крестьянами, армейские лекторы не упускали возможности рассказать об успехах в ратной службе, организовать помощь личным составом воинских частей рабочим и крестьянам, добываясь тем самым уважительного их отношения к армии⁷.

Активно занимались массово-политической работой агитпункты. Они открылись с 1 апреля 1920 г.

¹ Знамя революции. 1920. 27 апреля.

² Российский государственный архив (РГВА). Ф.16. Оп. 2. Д. 68. Л. 16.

³ Там же. Д.70. Л.1.

⁴ РГВА. Ф. 16. Оп. 9. Д. 55. Л. 206.

⁵ Там же. Ф. 25875. Оп. 1. Д. 35. Л. 4. Подсчитано автором.

⁶ Там же. Ф.9. Оп.9. Д.55. Л.197.

⁷ Там же. Оп. 17. Д. 85. Л.20.

на железнодорожных станциях Барабинск, Бийск, Боготол, Мариинск, Красноярск, Новониколаевск, Омск, Семипалатинск, Тайга, Томск, Ачинск и др. Подчиняясь отделению агитпунктов Политуправления округа, их сотрудники зачислялись сверхштатными служащими, денежные средства на их содержание поступали из соответствующих губвоенкоматов. Во главе каждого из них был заведующий, в помощь которому назначался, как правило, помощник военного комиссара при коменданте станции. Кроме того, к работе в них привлекались армейские и местные агитаторы, художники, актеры, музыканты.

Работники агитпунктов распространяли политическую литературу, воззвания, плакаты, листовки, газеты; проводили митинги, беседы; демонстрировали кинофильмы, снабжали воинские эшелоны необходимым политическим материалом; принимали участие в работе школ по политическому просвещению населения. Только в течение марта-мая 1920 г. ими было распространено 105 631 экз. газет, 21 931 плакат-воззвание, 6 493 книги и брошюры, организовано 153 митинга-беседы, продемонстрировано 36 кинофильмов, показано 119 спектаклей, привлечен в библиотеки 82 631 чел., выдано 140 справок, принято к рассмотрению 19 жалоб⁸. Агитаторы литературно-инструкторских и агитационно-инструкторских вагонов на маршрутах: Омск–Петропавловск; Омск–Новониколаевск–Тайга–Томск–Мариинск; Омск–Новониколаевск–Барнаул–Бийск; Барнаул–Семипалатинск не только проводили митинги, собрания, беседы среди рабочих железнодорожных станций и предприятий города, но и организовывали такие же мероприятия с населением близлежащих населенных пунктов⁹.

Проводя работу с населением Сибири по подготовке резервов для Красной армии, только в первой половине 1920 г. политические отделы военных комиссариатов Алтайской, Омской, Семипалатинской и Тюменской губерний распространили в населенных пунктах около 500 тыс. экз. центральных и местных газет и организовали свыше 6,7 тыс. культурно-просветительных мероприятий¹⁰.

В период вербовки молодежи в военные учебные заведения, объявленной с 15 июля 1922 г. по всей России, армейские коммунисты оформляли в рабочих клубах, избах-читальнях военные уголки, проводили занятия по военному делу, читали лекции об армии, устраивали встречи красноармейцев и гражданского населения¹¹.

Большое воздействие на сознание гражданского населения оказывали устраиваемые округом выставки и реальный показ техники и вооружения Красной армии и флота. Их обычно приурочивали к датам, имеющим большое значение для молодой советской республики. Кроме того, Политуправление округа совместно с командованием военно-учебных заведений организовывало специальные кружки, к проведению занятий в которых привлекало командиров, препода-

вателей и курсантов. Программа их была рассчитана на четыре месяца и включала такие темы, как «Особенности гражданской войны», «Почему победила Красная Армия», «Вооружение Красной Армии» и т. д.

К 1922 г. в округе сложилась традиция по передаче книг и брошюр красноармейцам, увольнявшимся в запас, и библиотечек – в подшефные организации. Только библиотекой 10-й кавалерийской дивизии в декабре 1921 г. выдано красноармейцам, уходящим в бессрочный отпуск, 1 132 книги. Курсанты дивизионной школы 35-й стрелковой дивизии военного округа в августе 1923 г. не только передали 250 книг сельской библиотеке, но и поставили в подшефной деревне спектакль «Крестьяне», на котором присутствовали жители трех деревень. Командование 28-го кавалерийского полка 4-й кавалерийской бригады выделило Енисейскому волостному исполкому библиотечку и регулярно высылало в его адрес газеты¹². Окружные повторные курсы округа и 70-й дивизион ГПУ поставили в с. Барлак спектакль «Дед домовый», перед началом которого политработником Ламакиным был прочитан доклад «О событиях в Германии и очередных задачах молодежи». В тот же день курсанты переоборудовали сельскую избу-читальню и пополнили литературой библиотеку¹³.

В 1923 г. акцент в работе армейских агитаторов среди населения был сделан на вопросы строительства воздушного флота в стране. В этих целях проводились практические показы аэропланов и демонстрация их летно-технических возможностей.

В период перехода войск округа на территориальную систему комплектования массово-политической работы по пропаганде военных знаний в деревне организовывали так, чтобы каждый крестьянин мог узнать, какие экономические выгоды он получит в результате территориального строительства Вооруженных Сил СССР и что от него требуется при этом.

Благодаря разъяснительной работе рабочие и крестьяне не только поддерживали мероприятия командования округом при формировании в октябре-ноябре 1923 г. 12-й стрелковой территориальной дивизии, но и приняли активное участие в них¹⁴.

Особое место в работе политических органов, армейских партийных и комсомольских организаций отводилось политическому воспитанию допризывников, которое, входя в общую схему допризывной подготовки, являлось начальной политработой, проводимой ими, и в то же время – частью общей политико-просветительной работы, осуществляемой комсомолом среди молодежи.

В декабре 1923 г. Реввоенсовет округа утвердил положение «Об учебных пунктах военной подготовки граждан». Были созданы пункты, количество которых изменялось в зависимости от численности допризывников. В отдельности каждый из них мог обслуживать одну или несколько волостей. Предусматривалось иметь на десять допризывников, обучавшихся по общеобразовательным предметам, и на 50 допризыв-

⁸ РГВА. Ф.9. Оп. 9. Д. 55. Л. 72.

⁹ Там же. Ф. 25875. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.

¹⁰ Там же. Д. 37. Л. 140.

¹¹ Советская Сибирь. 1922. 8,16 июля.

¹² ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 373. Л. 50.

¹³ Красноармейская звезда. 1923. 7 дек.

¹⁴ Советская Сибирь. 1925. 24 февр.

ников, занимавшихся военными дисциплинами, по одному преподавателю. Организация занятий, обслуживание и обслуживание пунктов возлагались на уездные военные комиссариаты¹⁵.

Проходя через них, молодежь имела возможность получить не только необходимый минимум военных знаний, но и повысить общеобразовательный и идейно-политический уровень. Для этих целей на учебных пунктах имелись библиотеки, справочные столы. Каждый юноша мог пользоваться их услугами в свободное время от занятий по военной подготовке. Более того, командование сборов разрешало брать книги для чтения дома¹⁶.

Политуправлением округа в лучшую сторону отмечалась военная подготовка допризывников на Спасском учебном пункте Усть-Тарской волости. Здесь, кроме занятий по военным вопросам, по просьбе руководителей занятий Тимофеева, были прочитаны лекции политработниками по политграмоте, врачами местной больницы – по гигиене и санитарии, учителями местной школы – по географии, истории и даже геологии [3, с. 138].

В округе сложилась практика создания общих культурных учреждений для военнослужащих и гражданского населения. Так, Центральный Коммунистический клуб им. Октябрьской революции был организован Политуправлением округа и Омским губкомом РКП(б) 7 ноября 1922 г. В нем были сосредоточены лучшие силы культпросветработников, строивших свою работу на основе коллективного творчества и самостоятельности.

В этом учреждении работало 13 кружков: марксистский, женского движения, библиотечный, клубный, спортивный, художественный, музыкальный, шахматный, корреспондентский, школьный и студии, театральные, хоровой. В нем также имелись секции по разработке сценариев и постановок агитсудов, инсценировок, импровизаций, лекций.

В составе членов клуба было 427 чел. Из них: военных – 200, гражданских лиц – 227; по социальному происхождению: крестьян – 197, рабочих – 144, интеллигентов – 59; по партийной принадлежности: членов и кандидатов в члены РКП(б) – 331, беспартийных – 96; мужчин – 350, женщин – 77; по образованию: с низким – 240 чел., со средним – 173, с высшим – 14 чел.

Только с 15 ноября 1922 г. по 1 января 1923 г. клубом проведено 103 кружковых занятия (в среднем по 2–3 кружка в день), не считая спектаклей, лекций, дискуссий, агитсудов и вечеров воспоминаний. Общее число присутствовавших на этих мероприятия составило 6 195 чел.¹⁷

Особое внимание уделялось Политическим управлением округа организации массовых мероприятий, посвященных революционным и другим знаменательным датам: Великой Октябрьской социалистической революции, 1 Мая, годовщинам Красной армии и т. д. В эти дни проводились торжественные собрания как в

воинских коллективах, так и в гражданских учреждениях и на предприятиях, на которых присутствовали и принимали участие в их проведении армейские коммунисты и беспартийные красноармейцы.

В гарнизонах округа стали проводиться парады войск в дни празднования революционных и других знаменательных дат. На эти мероприятия собирались тысячи горожан и крестьян. Не стал исключением в 1923 г. и парад войск Новониколаевского гарнизона, посвященный 1 Мая. В нем по приказу командующего военным округом от 24 апреля 1923 г. участвовали строевые части полевых войск, войска особого назначения и ГПУ в полном составе с боевыми и шефскими знаменами, оркестрами, музыкой. В отдельных колоннах прошли допризывники, сотрудники управлений, учреждений военного ведомства с красными флагами и плакатами. Места в конном строю заняли подразделения артиллерии 62-го Новороссийского стрелкового полка и взвод 70-го дивизиона войск ГПУ и милиции.

Командующий парадом, начальник артиллерии 10-го корпуса Молодцов и весь комсостав находился в пешем строю. Парад войск принимал командующий округом совместно с членами Сибревкома, Сиббюро ЦК РКП(б), губернского исполкома, губернского комитета РКП(б) и губернского профкома¹⁸. В перечень знаменательных дат начиная с 1923 г. был включен День принятия военной присяги. Согласно приказу Политуправления округа от 13 мая 1923 г. в мае была принята присяга у тех красноармейцев, кто прошел курс молодого бойца. Впредь это мероприятие рекомендовалось проводить в праздничные дни и перед проведением парадов войск гарнизона, после соответствующей подготовки молодого пополнения к принятию присяги.

Определенное влияние в идейно-политическом воспитании рабочих и крестьян Сибири имела военная периодическая печать. В типографии Западно-Сибирского военного округа издавались газета «Красная Звезда», журналы «Политработник Сибири», «Спутник политрука», а с ноября 1922 г. – журнал Реввоенсовета войск Сибири «Красная Армия Сибири» и др.¹⁹ На страницах этих изданий помещались материалы, раскрывающие жизнь и деятельность воинских частей, агитирующие местное население за оказание материальной помощи Красной армии и т. д.²⁰

Работа, проводимая с горожанами и жителями сельской местности, была действенным фактором в развитии их политической активности. Об этом свидетельствуют сохранившиеся донесения и отчеты, поступившие в Военный отдел Сибревкома от командования воинских частей и подразделений ВОХР, проводивших в 1921 г. боевые операции против восставших на Алтае. В них сообщалось, что в волостях, охваченных разъяснительной работой армейских коммунистов, заметно усилилась деятельность местных партийных организаций и имеется заинтересованность крестьян в создании трудовых артелей²¹.

¹⁵ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 372. Л. 259; Красноармейская звезда. 1923. 7 дек.

¹⁶ Красное знамя. 1925. 9 дек.

¹⁷ Красноармейская звезда. 1923. 1 янв.

¹⁸ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 376. Л. 3, 4, 14.

¹⁹ Там же. Оп. 1 Д. 1618. Л. 74.

²⁰ Советская Сибирь. 1922. 16 февр.

²¹ ГАНО. Ф. П-37. Оп. 1. Д. 3. Л. 9-11.

Таким образом, на завершающем этапе Гражданской войны и в первые мирные годы политическим органам округа удалось организовать массово-политическую работу среди населения Сибирского региона, направленную на поддержание нового общественно-политического строя, восстановление народного хозяйства и укрепление единства армии и народа, закрепившую в сознании сибирских крестьян готовность активно участвовать в строительстве нового общества, не уклоняться от службы в армии и защищать с оружием в руках, если понадобится, свое Отечество.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шуранова Е.Н.* Сибирское крестьянство и государство // Русский вопрос: история и современность: матер. Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2005.
2. *Щербин Н.М.* Политические органы Сибирского военного округа в системе жизнедеятельности Красной Армии (декабрь 1919–1925 гг.). Новосибирск, 2007.
3. *Винокуров А.В., Перишин И.М., Хрипунов В.К.* Борьба Красной Армии с контрреволюционными мятежами и остатками белогвардейщины в Сибири в 1920–1923 гг.: Учеб. пособие. Новосибирск, 1974.

*Статья поступила
в редакцию 07.11.2011 г.*

УДК 316.43 (470.5)

В.И. ИСАЕВ

**ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО УРОВНЯ РАБОЧИХ
В АРЕАЛЕ ФОРМИРОВАНИЯ УРАЛО-КУЗНЕЦКОГО
ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА
(1926–1939 гг.)***

д-р ист. наук
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: history49@mail.ru

В статье исследуются изменения культурного уровня рабочих Урала и Сибири в годы подготовки и осуществления форсированной индустриализации восточных регионов страны (1926–1939 гг.). Особое внимание уделяется ликвидации неграмотности и малограмотности рабочих, показываются значительные трудности в решении этой проблемы, связанные с массовой миграцией сельского населения в город и пополнением рядов рабочего класса за счет крестьянства. Отмечаются положительные изменения в уровне образования и культуры рабочих урало-сибирского региона.

Ключевые слова: уровень образования, ликвидация неграмотности, культура, Урало-Кузнецкий промышленный комплекс, индустриализация, миграция, урбанизация.

Возможности реализации грандиозного проекта создания Урало-Кузнецкого промышленного комплекса (УКК) в значительной степени зависели от социально-культурного потенциала населения урало-сибирского региона. Однако к началу строительства УКК на его предполагаемой территории проживало в основном крестьянство, составлявшее более четырех пятых от всего населения. В стадии формирования находился рабочий класс, качественные характеристики которого значительно отставали от требований современного индустриального производства. В 1926 г. удельный вес граждан, умеющих читать и писать, составлял в городских поселениях Сибирского края 72,3 %, а в сельской местности – 36,4 %.[1. С.35.] Резкий контраст между намеченными планами индустриализации региона и культурным уровнем населения отражал противоречия начального этапа модернизации, обусловленные переходным характером российского общества в целом.

Переход к форсированной индустриализации понимался большевистской партией как главное направление строительства социалистического общества. Это предвлекло повышенные требования к рабочему классу с позиции соответствия предписанной ему ведущей роли в этом процессе. Предстояло, в частности, добиться значительного повышения уровня образования и культуры рабочих; в практическом плане это также являлось необходимым условием успешного осуществления индустриализации. В настоящей статье рассматриваются проблемы повышения уровня образования и культуры рабочих в ареале формирования Урало-Кузнецкого промышленного комплекса и пути их решения в период первых пятилеток (1928–1941 гг.).

На начальном этапе развертывания индустриализации уровень культуры и образования населения Урала и Сибири был низким. Такое положение определялось как исторически сложившимся уровнем культуры населения России, так и отставанием ее восточных территорий от европейской части страны в социально-экономическом, в том числе и в культурном развитии. По данным Всероссийской переписи

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-01-00296а.

1897 г., в Петербургской губернии грамотными были около 70 % рабочих, в губерниях, расположенных в Московском округе, – более 55 %, в то время как среди рабочих Урала грамотными были 41,7 %, среди рабочих Сибири – только 36 %.[2, с.180].

Важнейшей характеристикой культурного уровня рабочих выступает полученный объем школьного образования. Однако большинство рабочих промышленных предприятий урало-сибирского региона в лучшем случае учились в начальных классах и покидали школу, едва научившись читать и писать. Значительная часть рабочих, пришедших на производство из деревни, не получила вообще никакого образования. Таким образом, в составе промышленных кадров урало-сибирского региона имелся значительный слой неграмотных и малограмотных. По данным Всесоюзной переписи 1926 г., среди рабочих цензовой промышленности Урала примерно пятая часть была неграмотной, а в составе рабочих сибирского региона насчитывалось 19,2 % неграмотных. При этом среди профессий, требовавших высокого уровня технических знаний, доля неграмотных была наименьшей: 0,4 % – у печатников, 5,9 % – у металлистов, 11,8 % – у железнодорожников; напротив, у строителей доля неграмотных составляла 22,1 %, у текстильщиков – 22,9 %, у горнорабочих – 24,1 %. [3. С. 23–24].

Задача ликвидации неграмотности населения, и прежде всего рабочих, приобретала всесоюзный масштаб в постановлении ЦК ВКП(б) «О работе по ликвидации неграмотности», принятом в мае 1929 г. Повышение элементарной грамотности рабочего класса являлось одной из главных задач советского государства в области культуры. Не случайно среди задач строительства социалистического общества культурная революция занимала важнейшее место. Наряду с созданием идеологически детерминированной «социалистической» культуры едва ли не большее значение придавалось подъему общего и профессионального образования рабочего класса, так как без этого невозможно было решить задачу индустриализации народного хозяйства.

Работа по ликвидации неграмотности развернулась в широких масштабах. В 1929\30 учебном году в Сибирском крае в системе ликбеза обучалось около 600 тыс. чел., а в следующем учебном году около миллиона. [4. с. 51]. Однако овладение основами грамоты становилось лишь предпосылкой роста культурного уровня рабочих; для освоения сложных в техническом отношении профессий необходимо было добиваться значительного повышения грамотности. А с этим возникали большие проблемы. Рабочие, прошедшие кратковременные курсы ликбеза, через некоторое время теряли даже навыки чтения, если не прибегали к постоянному обновлению полученных знаний.

Постоянный приток новых рабочих из сельской местности, в основном не имевших образования, усложнял задачу ликвидации безграмотности. К концу первой пятилетки уровень грамотности рабочих Сибири в результате пополнения за счет неграмотных и малограмотных крестьян даже понизился. Так, доля неграмотных в составе рабочего класса Западной Си-

бири составила 24,2 %, а по некоторым отраслям она достигала почти 30 % [5, с. 258].

Невысок был уровень образования и среди тех, кто владел грамотой. Средний срок обучения в школе мужской части сибирского населения, по данным на 1929 г., составлял только 2,9 года, уступая общесоюзным показателям – 3,1 года; а у женщин этот показатель был еще ниже [6, с. 30]. В годы первой пятилетки среди горнорабочих Сибири, по данным профсоюзной статистики, подавляющее большинство – около 70 % – имели образование в объеме не выше начальной школы, в основном только 2-3 класса¹. Такая ситуация, помимо других факторов, складывалась вследствие недостаточного развития системы образования. По данным Сибирского краевого отдела образования (СибОНО), средняя продолжительность обучения школьника в сибирских школах в конце 1920-х гг. составляла всего 2,24 года².

Сохранение неграмотности и малограмотности среди рабочих в значительной мере определялось также низким уровнем жизни населения Урала и Сибири. Материальная нужда заставляла молодежь отказываться от продолжения образования и рано начинать трудовую деятельность. По мере продвижения по ступеням образования резко снижалась доля детей рабочих и крестьян среди учащихся. Например, в 1927 г. в составе младших школьников Свердловска детей рабочих насчитывалось более половины, а к моменту окончания начальной школы их доля сокращалась до 2/5, к моменту получения неполного среднего образования – до 14 %, а среди заканчивавших среднее образование дети рабочих составляли только около 8 % [2, с. 192].

Такое же положение наблюдалось и в Сибири. Известный сибирский статистик А. Локтин обобщил данные о изменении классового состава учащихся в школах в конце 1920-х гг. по мере продвижения к среднему образованию. Если в городских школах I ступени дети рабочих составляли 47,4 %, а дети служащих – 22,7 %, то в школах II ступени это соотношение резко менялось: здесь дети служащих составляли 44 %, а дети рабочих – только 28,9%. Аналогичный процесс происходил и в сельских школах. Если в школах I ступени дети служащих составляли только около 5 %, а дети крестьян – 95 %, то в школах II ступени доля детей служащих возрастала до 27–28 %, соответственно сокращалось число крестьянских детей³.

Проблема ликвидации неграмотности и малограмотности рабочих продолжала оставаться актуальной в годы второй пятилетки. Печальным следствием низкого культурного уровня рабочих являлось то, что значительная их часть не способна была освоить поступавшую на заводы новую технику; высоким являлся уровень аварийности, поломок оборудования, выпуск некачественной бракованной продукции.

Массовый приток неграмотных и малообразованных крестьян в ряды рабочего класса Урала и Сибири

¹ ГАНО. Ф.р-627. Оп.1. Д.504-6. Л.128-130.

² Просвещение Сибири. 1929. № 11. С. 34.

³ Просвещение Сибири. 1930. № 7/8. С. 66–68.

в процессе формирования УКК существенно нивелировал разницу между двумя регионами. По данным профсоюзного учета 1934 г., в Западной Сибири среди членов профсоюзов доля неграмотных составляла 6 %, а доля малограмотных – более 10 % [5, с. 259]. На Урале к концу второй пятилетки среди членов промышленных профсоюзов 8,7 % было неграмотно, 17,6 % – малограмотно, а, например, в топливной промышленности насчитывалось 11,3 % неграмотных и 23 % малограмотных [2, с. 195].

В то же время среди рабочей молодежи благодаря введению всеобщего начального образования уровень грамотности значительно повысился. По данным Профсоюзной переписи 1932–1933 гг., среди рабочих черной металлургии Сибири неграмотных в возрасте до 23 лет было только 6,6 %, в возрасте 24–29 лет – 10,2 %, в возрасте 30–39 лет – 12,7 %, а среди рабочих 40 лет и старше доля неграмотных возрастала до 24,5 %. По мере улучшения состояния системы образования и обновления состава рабочих за счет молодежи уровень образования рабочего класса постепенно повышался. Свыше двух третей всех рабочих Сибири к концу второй пятилетки имели школьное образование [7, с. 87–88].

Однако ликвидировать слой неграмотных и малограмотных в составе рабочих не удалось и во второй половине 1930-х гг. Поэтому организация обучения малограмотных и неграмотных рабочих продолжала входить в число важнейших направлений работы партийных, советских и профсоюзных органов. Так, сибирские профсоюзы организовывали школы для взрослых, в которых в марте 1936 г. в Восточной Сибири обучалось 18,5 тыс. неграмотных и 26,3 тыс. малограмотных членов профсоюзов. В Западной Сибири в школах для взрослых обучалось 10,6 тыс. неграмотных и 15,1 тыс. малограмотных членов профсоюзов.

Использовались и другие традиционные формы обучения неграмотных и малограмотных, прежде всего краткосрочные курсы ликбеза. В Восточно-Сибирском крае в 1934 г. было охвачено обучением 42 % неграмотных и 32 % малограмотных членов профсоюзов. В Западно-Сибирском крае в начале 1935 г. в школах по ликвидации неграмотности и малограмотности обучалось 228,6 тыс. чел. Всего различными формами обучения в Западно-Сибирском, Красноярском и Восточно-Сибирском краях, а также в Омской области, по данным на начало 1937 г., было охвачено 302 614 неграмотных, в том числе членов профсоюзов – 70 553 чел.; малограмотных обучалось 278 447 чел., в том числе членов профсоюзов – 98 742 чел. (подсчеты автора).⁴

К концу 1930-х гг., благодаря развитию системы образования и интенсивной работе курсов ликбеза, уровень грамотности населения в зоне УКК существенно повысился. По данным переписи 1939 г., в Западной Сибири доля неграмотных в составе населения составила 14,2 %, в Восточной – 13,7 %, сократившись по сравнению с 1926 г. более чем в 2 раза. Для сравне-

ния – показатель неграмотности для всего населения СССР составлял 19,1 %.

В качестве положительной тенденции следует также отметить, что сокращалось резкое отставание сельского населения от городского по уровню грамотности. В городских поселениях Западной Сибири 91,4 % населения в возрасте от 9 до 49 лет были грамотными, в сельской местности – 81,1 %, в Восточной Сибири соответственно 91,1 и 83,3 % [8, с. 147].

Несмотря на победные декларации советской пропаганды, к концу 1930-х гг. ликвидировать неграмотность среди рабочих не удалось. Задача ликвидации неграмотности и малограмотности не могла быть решена только организацией курсов и школ, она требовала серьезной и длительной работы. Постоянное пополнение рабочего класса за счет крестьян также тормозило повышение культурного уровня рабочих. В третьем томе фундаментальной «Истории рабочего класса Сибири» на основе материалов Всесоюзной переписи 1939 г. сделан вывод, что среди рабочих Сибири около четверти было неграмотно⁵. Таким образом, доля неграмотных в составе рабочих Сибири не только не сократилась по сравнению с 1926 г., как хотелось бы представить партийным пропагандистам, но и даже увеличилась. Особенно высок был уровень неграмотности у рабочих Западной Сибири, где он достигал почти 32 %, в Восточной Сибири около 16 %. В системе ликвидации безграмотности и малограмотности на день переписи обучалось около 50 тыс. сибирских рабочих [9, с. 52–53].

Таким образом, уровень образования рабочих в урало-сибирском регионе в конце 1930-х гг. продолжал серьезно отставать от потребностей индустриального производства, несмотря на значительные успехи в создании УКК и масштабность работы по ликвидации неграмотности и повышению культуры. Печально выглядели данные о рабочем классе СССР и на фоне показателей других промышленно развитых стран. Не случайно материалы о грамотности рабочих, полученные в ходе Всесоюзной переписи 1939 г., были тогда же засекречены и стали по существу государственной тайной.

Большинство советских историков, приводя данные об уровне грамотности рабочих по переписи 1926 г., были лишены возможности сопоставить их с данными переписи 1939 г.; приходилось ограничиваться общими показателями грамотности для всего населения. Но некоторые исследователи все же попытались определить уровень грамотности рабочих по материалам переписи 1939 г. Так, новосибирский историк Ф.А. Лукинский в результате их изучения сделал вывод, что доля неграмотных среди рабочих всего сибирского региона составляла 22,1 %, а в Новосибирской области она достигала 30 % [10, с. 30–31].

Но и у грамотных рабочих уровень образования был очень низким. По мнению известного исследователя истории рабочего класса Сибири А.С. Московского, к 1939 г. примерно две трети рабочих имели

⁴ ГАНО. Ф.р-627. Оп.1. Д.1823. Л.39.

⁵ Вряд ли намного лучше обстояла ситуация с грамотностью рабочих Урала, хотя обобщающие данные отсутствуют.

образование на уровне начальной школы, правда, для многих из них обучение ограничивалось двумя-тремя классами [7, с.87-88]. Очевидно, что подобные сведения о культурном уровне «ведущего класса социалистического общества» советская пропаганда предпочитала умалчивать.

В числе положительных изменений уровня культуры рабочего класса следует отметить, что к концу 1930-х гг. несколько увеличилась доля рабочих, имеющих высшее и среднее, в том числе незаконченное среднее образование. В целом по РСФСР в составе рабочих 7,5 % имели такой уровень образования, показатели по Сибири были значительно ниже – 4,6 %; однако по отдельным областям Сибири показатели приближались к среднероссийскому уровню: так, в Иркутской области 6,4 % рабочих имели среднее и высшее образование [8, с. 184].

Новым явлением советской действительности стало то, что некоторая часть рабочих совмещала работу с обучением в вузах и техникумах. Среди металлургов Урала около 0,5 % рабочих получали образование в системе среднего и высшего профессионального образования без отрыва от производства, среди рабочих электротехнической промышленности таких было 1,7 % [2, с. 194].

По мере развития системы образования ставилась задача не только дать молодым людям основы грамотности и культуры, но и подготовить к труду в производственной сфере. С этой целью создавались начальные профессионально-образовательные учреждения, совмещающие общее и профессиональное образование. Однако к началу первой пятилетки система профессионального образования была развита в Сибири еще слабо. Главными задачами в этот период являлись ликвидация неграмотности и введение всеобщего начального обучения. Развитие сети школ так называемого повышенного образования, дающих основы каких-либо профессиональных знаний (школ II ступени, ФЗС – фабрично-заводских семилеток, ШКМ – школ крестьянской молодежи и других), в отличие от начальной школы, происходило медленными темпами.

Работники просвещения высказывали серьезное беспокойство по поводу отставания сети повышенного образования. Отмечалось, что число учащихся старших групп в общем количестве учащихся было ниже допустимых пределов. В 1927–28 учебном году оно составляло в среднем по Сибири 11 %, тогда как по норме Наркомпроса должно быть не менее 12,5 % [11, с. 109]. Еще тревожнее оставалось положение в сельской местности Сибири: число учащихся старших групп здесь составляло всего 4,7 % от общего количества учащихся при той же норме [12, с. 29].

Поставленные задачи по развертыванию индустриализации требовали от сибирских краевых органов больше внимания уделять развитию повышенного образования. Сеть сибирских школ повышенного типа (включая ШКМ) с 373 в 1926/27 учебном году выросла до 431 в 1927/1928 учебном году [11, с. 108].

В годы первой пятилетки для подготовки молодого поколения к трудовой деятельности, для обучения той или иной профессии в Сибири активно создавалась система школ, совмещающих общее образование с профессиональным обучением. Под патронажем промышленных предприятий организовывались школы фабрично-заводского обучения – ФЗО, позднее они назывались школами фабрично-заводского ученичества – ФЗУ, примерно такой же уровень профессиональной подготовки обеспечивали школы горно-промышленного ученичества – Горпромуч. Для получения самых простых и необходимых навыков при промышленных предприятиях организовывались также краткосрочные курсы первоначального обучения различным специальностям.

В 1925/26 учебном году в Сибири действовало 85 учебных заведений профессионального образования, в том числе 23 школы ФЗУ⁶. В ФЗУ обучались молодые люди, имевшие, как правило, начальное образование. Получение неполного среднего образования, совмещенного с профессиональной подготовкой, обеспечивали школы фабрично-заводской семилетки. В 1928/1929 учебном году в Сибири было открыто 10 школ ФЗС⁷.

В 1928 г. в Западной Сибири действовало 36 школ ФЗУ, в которых училось более 5 тыс. подростков. По данным на начало 1930 г., в школах ФЗУ обучалось 5,6 тыс. подростков, причем около 80 % учащихся были дети рабочих. На новый учебный год планировалось увеличить набор в школы ФЗУ до 9,5 тыс., а всего в системе профессионального образования в Западно-Сибирском крае должно было обучаться до 20 тыс. подростков⁸.

За период с 1930 по 1933 г. только в школах ФЗУ было подготовлено около 11 тысяч рабочих различных профессий [13, с. 109.] В Западной Сибири количество ФЗУ за годы первой пятилетки увеличилось с 36 в 1928 г. до 146 в 1932 г., а число учащихся в них соответственно с 5 тыс. до 40,6 тыс.чел. [7, с. 131]. В 1937 г. в Западно-Сибирском крае действовало 35 школ ФЗУ, в которых обучалось 6 465 учащихся, в том числе 1 119 девушек⁹.

Школы ФЗУ рассматривались городской, а также и сельской молодежью как один из популярных вариантов получения профессионального образования. По социальному составу около половины учащихся школ ФЗУ были дети рабочих. Все большую часть учащихся, достигавшую в некоторых училищах более половины состава, во второй половине 1930-х гг. стали составлять деревенские ребята. Доля детей из семей служащих и технической интеллигенции в составе учащихся колебалась от 5 до 10 %¹⁰.

Правда, следует признать, что качество образования в системе профессионального обучения было

⁶ Просвещение Сибири. 1927. № 3. С. 91.

⁷ Статистика Сибири. 1930. Вып. 2. С. 144.

⁸ ГАНО. Ф.п-189. Оп.1. Д.252. Л.23–26.

⁹ Там же. Л.21.

¹⁰ Там же. Л.89.

значительно ниже, чем в обычной средней школе. Учащихся рассматривали здесь как будущих рабочих, соответственно на подготовку по предметам общего образования обращалось меньше внимания. Уровень образования и общей культуры преподавательского состава также оставлял желать лучшего.

Но среди сибирских школ ФЗУ имелись и такие, в которых обучение и материально-бытовое обслуживание учащихся было поставлено на должную высоту. Школы ФЗУ в Прокопьевске, Сталинске, Кемерове, горно-промышленное училище Новосибирска в 1932 г. вошли в число победителей Всесоюзного соревнования среди школ ФЗУ¹¹.

Вместе с тем базовый уровень культуры социального слоя по-прежнему в значительной степени влиял на возможности получения образования его представителями. Советская пропаганда всячески подчеркивала, что теперь для рабочих и крестьян открываются самые широкие возможности для получения не только начального и среднего, но и высшего образования. Однако, как показывают данные о социальном составе студентов сибирских техникумов и вузов, в систему среднетехнического, а тем более высшего образования попадала преимущественно молодежь из более культурных и материально обеспеченных слоев населения. Дети рабочих и крестьян чаще довольствовались начальным образованием и довольно рано начинали трудиться.

В высшей школе Сибири, по данным А. Локти-на, в 1928–1929 гг. из 1 070 выпускников более 50 % по социальному происхождению были служащими, 21,8 % – рабочими, 21,8 % – крестьянами, 5,8 % – пр. Такое положение, естественно, не устраивало партийные и комсомольские органы, стремившиеся продвинуть в систему высшего образования рабочих и крестьян. Изменение классового состава достигалось через систему рабфаков. На 1 ноября 1929 г. на рабфаках сибирских вузов училось 2 469 чел., из них доля рабочих достигала более 60 %, крестьян – 20 %, батраков – 15, служащих – 2,4, прочие – 0,9 %.

По данным на 1929/30 учебный год в вузах Сибири училось 7 723 студента. В вузах несельскохозяйственного профиля обучалось 77,4 % всех студентов, в том числе рабочие составляли 28,8 %, служащие – 45,2, кустари и лица свободных профессий – 1,8, прочие – 0,6, мелкая буржуазия – 0,2 %.¹² В целом тенденция изменения социального состава студенчества в сторону увеличения доли рабоче-крестьянской молодежи наметилась вполне определенно. Такая тенденция подкреплялась протекционистской политикой государства, регулярно устраивавшимися в 1920–1930-х гг. чистками состава студентов от «социально чуждых элементов».

Развитие индустриализации требовало все большего количества специалистов со среднеспециальным и высшим образованием. Число учебных заведений росло быстрыми темпами. На 1 января 1938 г. только в

Новосибирской области действовало 45 техникумов, в которых училось 12 221 чел. Кроме того, на территории области было открыто 14 вузов и втузов, в которых обучалось 11 108 чел.¹³.

Подготовительные курсы в вузах для рабочих стали организовываться в Сибири в начале первой пятилетки. Первые курсы были открыты в Иркутске, Омске и Томске. К началу 1931 г. в Западно-Сибирском крае работало 16 курсов подготовки в вузы, 11 – в техникумы, их посещало более 5 тыс. чел.

Но большинство рабочих подростков, получив начальное образование, приступало к трудовой деятельности. Для тех молодых людей, которые все же стремились продолжить образование, в 1930-е гг. стали организовываться вечерние школы для взрослых. За 1934–1937 гг. была создана система вечернего образования, в которой работавшие молодые люди могли получить аттестат о среднем (полном или неполном) образовании. К 1937 г. в Западно-Сибирском крае было открыто 184 вечерние школы с семилетним и 29 с десятилетним обучением. Только в Кузбассе действовало 52 вечерних школы, в которых обучалось около 10 тыс. учащихся¹⁴.

О стремлении наиболее мобильной части рабочих повысить уровень своего образования свидетельствуют следующие факты. В 1938 г. в Орджоникидзевском районе Свердловска было подано 2155 заявлений от рабочих на зачисление в средние школы взрослых, что почти на четверть превышало количество имевшихся мест. Число заявлений на обучение в таких школах на Уральском заводе тяжелого машиностроения превысило 700, а на Челябинском тракторном заводе достигло 1000, что составляло около 6–7 % численности рабочих на этих предприятиях [2, с. 201]. В целом по РСФСР в составе учащихся в неполных и полных средних школах взрослых рабочие составляли около половины.

Новым направлением повышения культурного уровня рабочих стало самообразование. Появление его свидетельствовало о ростках нового отношения к ценности свободного времени, отражало стремление рабочих к духовной культуре, служило не только удовлетворению культурных потребностей рабочих, но и повышению их общего кругозора, объема профессиональных знаний.

Расширение системы самообразования рабочих в годы второй пятилетки было намечено в постановлении ЦК ВКП(б) от 8 октября 1933 г. «Об улучшении дела самообразования», в котором предлагались меры по дальнейшему вовлечению рабочих в самостоятельные занятия самообразованием, дальнейшему усилению внимания к этим вопросам партийных и профсоюзных организаций. [14, с. 360–363]. О масштабах развития системы самообразования свидетельствуют, например, данные по Омской области. Здесь на 1 января 1937 г. при профсоюзных клубах и красных уголках работало 1694 общественно-политических кружка, в которых занималось 19,8 тыс. чел. и 190 общеобразовательных, которые охватывали 2354 чел. [7, с. 270].

¹¹ ГАНО. Ф. п-189. Оп.1, Д.531, Л.331–347.

¹² Просвещение Сибири. 1930. № 7–8. С. 66–68.

¹³ ГАНО. Ф. п-190. Оп.1, Д.9. Л.60.

¹⁴ ГАНО. Ф. п-189. Оп.1, Д.1209. Л.21.

Примечательным явлением в культурной жизни рабочих стали рабочие университеты, появившиеся еще в начале 1920-х гг. Введение хозрасчета с началом нэпа сделало их существование проблематичным. Вновь они открылись в 1926 г. сначала в Омске, Томске и Иркутске, затем в других городах Сибири. Их задачей было повышение общей культуры и общественно-политического уровня рабочих. В Омском рабочем университете среди 175 слушателей занималось около 100 рабочих. В Иркутском рабочем университете из 400 занимавшихся рабочие составляли также большинство.¹⁵

Программа занятий в рабочих университетах была чрезвычайно широкой, включавшей как общегуманитарную, так и специально-техническую подготовку. Например, в начале 1930-х гг. в рабочем университете Омска слушались курсы по философии, политике, музыке, литературе, технике и т.п. На 1 октября 1934 г. в нем занималось 157 чел., из них 52 рабочих с производства.¹⁶ В Иркутске в 1936 г. при государственном университете действовал краевой рабочий университет, в котором занималось 180 чел. Предпочтение при зачислении в рабочий университет отдавалось стахановцам¹⁷.

Вместе с тем, не стоит переоценивать значение замечательных ростков наметившегося стремления рабочих к повышению своего уровня образования и расширению культурного кругозора. Приведенные в статье данные убедительно показывают, что в годы довоенных пятилеток основная масса рабочих имела уровень начального образования. Даже на самом передовом по тем временам предприятии УМК – Магнитогорском металлургическом комбинате – около 88 % рабочих имели образование не выше начальной школы. Только 15 % рабочих основных цехов, т.е. связанных с обслуживанием современной техники, имели образование в объеме неполной средней школы или выше [2, с. 204].

Технологический уровень развития производственной сферы, существенно изменившийся за годы индустриализации, определял необходимость серьезного роста культурного уровня рабочего класса. Развернувшийся на фоне создания УМК процесс интенсивного приобщения народных масс к культуре, рост системы образования постепенно способствовал повышению образовательного и культурного уровня рабочих урало-сибирского региона. Работа по ликвидации неграмотности и малограмотности закладывала основу для дальнейшего повышения уровня образования рабочих. Новым явлением стало то, что дети рабочих получали все более широкие возможности для получения среднего и профессионального образования, увеличивалось количество студентов вузов и техникумов – выходцев из рабочего класса.

Эти меры в определенной степени обеспечивали формирование кадрового потенциала для предприятий Урало-Кузнецкого комплекса. Вместе с тем подавляющее большинство рабочих урало-сибирского региона осваивало только начальные ступени образования. За годы первых пятилеток не удалось ликвидировать неграмотность среди рабочих, значительная их часть, связанная с примитивным ручным трудом, оставалась лишенной возможности воспринимать азы культуры с помощью печатного слова. Требовались дальнейшие серьезные усилия по развитию системы образования и вовлечения в нее широких масс населения. Такая работа создавала основу для перехода рабочего класса Урала и Сибири к новому типу культуры индустриально-урбанистического общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 года: Краткие сводки. М., 1928. Вып. VII.
2. Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900 – 1941 гг. М., 2009.
3. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1929. Т.23.
4. Буторин В.П. Просвещение рабочих Западной Сибири. 1928 – 1933 гг. Новосибирск, 1977.
5. История рабочего класса Сибири. Рабочий класс Сибири в период строительства социализма. Новосибирск, 1982.
6. Труд в СССР: справочник. 1926 – 1930 гг. М., 1930.
7. Московский А.С. Рост культурно-технического уровня рабочих Сибири (1920–1937 гг.). Новосибирск, 1979.
8. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963.
9. История рабочего класса Сибири. Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1984.
10. Лукинский Ф.А. Повышение уровня образования рабочих Сибири. (1938–1941 гг.) // Культура и быт рабочих Сибири в период строительства развитого социализма (1938–1958 гг.). Новосибирск, 1980.
11. Два года работы Сибкрайисполкома Советов. 1927–1928. Новосибирск, 1929.
12. Отчет Сибкрайисполкома Советов Совнаркому РСФСР. Новосибирск, 1927.
13. Итоги развития народного хозяйства и культурного строительства Западной Сибири за первое пятилетие (1928–1932 гг.). Новосибирск, 1934.
14. КПСС в профсоюзах. М., 1967.

Статья поступила
в редакцию 15.08.2011 г.

¹⁵ Известия Сибкрайкома ВКП(б). 1927. N 3-4. С.36.

¹⁶ ГАНО. Ф.р-627. Оп.1. Д.1069а. Л. 40–47.

¹⁷ ГАИО. Ф.р-2280. Оп.2. Д.594. Л.117.

УДК 94(571).084.8 “1946/1947”

В.Б. ЛАПЕРДИН

**ГОЛОД 1946–1947 гг. В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ:
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ***Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: laperdin2011@mail.ru

В статье рассматривается голод 1946–1947 гг. на территории Западной Сибири и его влияние на демографическую подсистему общества. Послевоенный кризис привел к негативным изменениям динамики рождаемости, брачности, смертности, а также структурных характеристик смертности. Вслед за преодолением голода произошла стабилизация демографических процессов.

Ключевые слова: историческая демография, голод, смертность, рождаемость, брачность.

Великая Отечественная война, вызвавшая демографическую катастрофу, завершилась со значительными потерями для населения Советского Союза. Ее последствия в виде демографических волн ощущаются до сих пор. Но после года мирной передышки начались новые испытания. На нашу страну обрушился голод 1946–1947 гг. Стабильность процессов, протекавших в демографической подсистеме общества, была вновь нарушена, а военная катастрофа сменилась кризисом первых мирных лет.

Цель статьи – рассмотреть демографические последствия голода 1946–1947 гг.: его влияние на динамику смертности, рождаемости и естественного прироста населения, а также изменения в структурных характеристиках смертности (половозрастной состав умерших и причины их смерти).

Хронологические рамки исследования включают три этапа: период вхождения демографической подсистемы в состояние голода, собственно голод и выход из этого социального бедствия. Территориальные рамки статьи охватывают Западно-Сибирский регион в его современных административно-территориальных границах, включающих Алтайский край, Республику Алтай, Кемеровскую, Новосибирскую, Омскую и Томскую области.

Основным источником для написания статьи послужили документы текущего учета населения. Регистрация естественного движения населения на местах осуществлялась сетью загсов, а в сельской местности – сельсоветах, после чего эти данные поступали в региональные статистические учреждения, а затем направлялись в ЦСУ СССР (отдел демографии). Сегодня эти документы хранятся в региональных и центральных архивах. В документах текущего учета зафиксированы такие демографические события,

как рождения, браки, смерти, а также структурные показатели смертности, в частности, их причины и половозрастной состав умерших, что позволяет судить о влиянии голода 1946–1947 гг. на динамику естественного движения населения.

Тема послевоенного голода не затрагивалась советскими исследователями по идеологическим причинам, и только в 1990-е гг. стали появляться первые публикации по этой проблеме. В современной историографии можно выделить две основные точки зрения на причины возникшего кризиса. Первая: голод являлся следствием объективных факторов – послевоенной разрухи, усиленной засухой 1946 г. Вторая: голод был вызван субъективными факторами – действиями властей. Первую точку зрения отстаивает И.М. Волков. Он обращает внимание на то, что засуха 1946 г. стала для нашей страны одной из сильнейших в XX в. Средняя урожайность зерновых в СССР была почти вдвое, а в ряде районов РСФСР и Украины в 3–4 раза меньше, чем в 1940 г. [1, с. 116]. Аналогичную мысль высказал В.В. Кондрашин: голод 1946–1947 гг., по его мнению, нельзя квалифицировать как «организованный», «поскольку у сталинского режима отсутствовал главный мотив его “организации” – крестьянское сопротивление колхозно-совхозному строю», что являлось основным фактором трагедии 1932–1933 гг. [2, с. 330]. Противоположной точки зрения придерживаются В.Ф. Зима [3] и В.П. Попов [4], заостряющие внимание на социальной политике властей, в частности, сокращении карточной системы в 1946 г., завышении планов хлебозаготовок, оставивших колхозников без продуктов питания, сохранении госрезервов зерна и крайне неохотном их разбронировании для оказания помощи голодающим, вывозе зерна за границу и т. д. Тема демографических последствий голода в той или иной степени затрагивалась практически всеми авторами, изучавшими проблему голода, но она до сих пор не стала объектом комплексного рассмотрения.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-01-00247 а.

Таблица 1

Динамика воспроизводства населения Западной Сибири в 1946–1950 гг. (на 1 тыс. чел.)*

Год	Смертность		Рождаемость		Естественный прирост	
	городские поселения	сельская местность	городские поселения	сельская местность	городские поселения	сельская местность
1946	11,3	9,6	27,7	25,7	16,4	16,1
1947	15,6	12,9	30,2	32,0	14,6	19,1
1948	13,2	12,2	26,5	31,6	13,3	19,4
1949	11,2	11,7	30,7	35,7	19,5	24,0
1950	11,1	12,6	29,6	35,6	18,5	23,0

* Составлена по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 636. Л. 49–50, 106–107, 150–152, 194–195; Д. 696. Л. 52–53, 110–111, 157–159, 198–199; Д. 758. Л. 18, 40, 58–59, 75; Д. 841. Л. 18, 40, 58–59, 77; Д. 909. Л. 18, 41, 60–61, 77; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 7401 а. Л. 10–10 об., 30–30 об.; Д. 7406 а. Л. 8 об., 15 а.; Д. 7412 а. Л. 15 а об.; Д. 7429 Л. 91–91 об., 99–99 об.; Д. 7430 Л. 3–3 об., 28–28 об., 70–70 об.; Д. 7448. Л. 39–39 об., 52–52 об., 81–81 об.; Д. 7464 Л. 45–45 об., 89–89 об., 115–115 об.

Голод 1946–1947 гг. являлся основным фактором изменения динамики воспроизводства населения в первое послевоенное пятилетие. Как показывают данные табл. 1, начавшись в конце 1946 г., он заметно не отразился на росте показателей смертности в этот год, проявив себя в наибольшей степени в 1947–1948 гг. В это время увеличение смертности происходило на территории всей страны. По оценке исследователей Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского и Т.Л. Харьковской, коэффициент смертности в РСФСР увеличился с 12,3 ‰ в 1946 г. до 17,0 ‰ в 1947 г., после чего начал снижаться, составив в 1948 г. 13,1 ‰ [5, с. 165]. Под воздействием голода изменилась ожидаемая продолжительность жизни населения России, составив в 1946 г. у мужчин 46,6 лет, а у женщин – 55,3. В 1947 г. она понизилась соответственно до 39,9 и 49,8 лет, а в 1948 г. вновь увеличилась: 47,0 лет у мужчин и 56,0 у женщин [5, с. 165]. В 1949 г. коэффициент смертности опустился до 11,8 ‰, достигнув уровня 1946 г. [5, с. 165]. К 1950 г. кризис на территории страны был полностью преодолен.

Аналогичная динамика, как показывает табл. 1, наблюдалась и в Западной Сибири. В сельской местности показатели смертности были ниже городских и слабо изменялись в этот период. Можно предположить, что голод отразился на уровне смертности в деревне не так сильно, как в городе. Но материально-бытовые условия жизни сельского населения улучшались крайне медленно, что обуславливало более высокие показатели смертности после преодоления голода. Кроме того, параметры коэффициента смертности могут быть объяснены недоучетом смертей сельсоветами. Немаловажную роль сыграла миграция. Голод согнал тысячи крестьян с обжитых мест, заставляя искать спасения в городах. Снабжение городов было налажено плохо. Многие переселенцы, не сумев устроиться на работу и получить прописку, оказывались в крайне тяжелых условиях. По всей видимости, умершие мигранты регистрировались городскими загсами.

Значительный интерес представляет вопрос о «цене» голода. Сколько людей умерло в результате сверхсмертности 1947–1948 гг. на территории региона? Если предположить, что в эти годы коэффициент

смертности был бы аналогичен показателям 1946 г., то сверхсмертность населения Западной Сибири составляла около 50 тыс. чел. Если же внести поправку на возможный недоучет смертей, то скорее всего не более 60 тыс. чел. Оценка численности жертв голода до сих пор является предметом дискуссий. По данным В.Ф. Зимы, в СССР умерло 2 млн чел. [3, с. 179]. В.П. Попов полагает, что сверхсмертность населения РСФСР составляла около 1 млн чел. [4, с. 187]. В.А. Исупов – 800 тыс. чел. [6, с. 226]. М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова говорят о более чем 500 тыс. чел. [5, с. 141].

На динамику рождаемости в послевоенные годы, кроме голода, оказывали влияние другие факторы, среди которых необходимо выделить компенсаторную волну рождаемости, вызванную демобилизацией армии (что отражают данные табл. 1). По расчетам Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского и Т.Л. Харьковской, в 1946 г. коэффициент рождаемости в РСФСР составлял 26,5 ‰, а в 1947 г. – 27,5 ‰ [5, с. 165]. Вместе с тем увеличился уровень брачности. Если в год Победы на территории Западной Сибири было заключено 6,2 брака на 1000 чел. населения [7, с. 187], то в 1946 г. в городах – 17,2, а в сельской местности – 10,1, в 1947 г. соответственно 14,7 и 11,3¹. В первые послевоенные годы были реализованы отложенные во время войны браки и рождения. Подобная ситуация наблюдалась не только в СССР, но и во всех воевавших государствах. Всплеск рождаемости в послевоенный период не являлся особенностью только Советского Союза.

Голод 1946–1947 гг. негативно повлиял на процесс рождаемости. Повысившись в 1947 г., коэффициент рождаемости сократился в 1948 г. Из-за ухудшения материально-бытового положения многие семьи решили не заводить новых детей, что повлияло на уменьшение рождаемости в 1948 г. Вместе с тем снижение рождаемости отмечалось в ряде регионов и областей СССР уже в 1947 г.: на Украине и Молдавии, а также

¹ Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 636. Л. 49, 106, 150, 152, 194; Д. 696. Л. 52, 110, 157–158, 198; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 7401 а. Л. 10 об., 31 об.; Д. 7406 а. Л. 8 об.; Д. 7412 а. Л. 15 об.; Д. 7429. Л. 91 об., 99 об.

Таблица 2
Детская смертность в Западной Сибири в 1946–1950 гг.
(число детей, умерших в возрасте до 1 года
на 1 тыс. родившихся)*

Год	Городские поселения	Сельская местность
1946	88	56
1947	152	104
1948	124	101
1949	111	89
1950	121	104

* Составлена по источникам табл. 1.

Воронежской, Вологодской, Курской, Куйбышевской, Ленинградской и Саратовской областях [3, с. 160]. В Западной Сибири коэффициент рождаемости находился на уровне 26,5 ‰ в городах и 31,6 ‰ в сельской местности. В целом по России он опустился до 25,2 ‰ [5, с. 165]. Но уже в 1949 г. коэффициент достиг максимальных значений за все послевоенные годы как в РСФСР – 30,5 ‰ [5, с. 165], так и в Сибири. К этому времени полностью завершилась демобилизация армии. Кроме того, в 1949 г. были реализованы отложенные во время голода рождения. В 1950 г. показатели рождаемости сократились, что было связано в первую очередь с угасанием компенсаторной волны. Таким образом, голод отрицательно сказался на динамике рождаемости, не позволив полностью развернуться компенсаторной волне и прервав ее рост в 1948 г.

Согласно данным табл. 1, послевоенный голод замедлил естественный рост населения в 1947–1948 гг. В 1947 г. наблюдалась повышенная смертность. В следующем 1948 г. ее уровень понизился, но при этом сократился коэффициент рождаемости. Поэтому 1949–1950 гг. стали наиболее благоприятными для роста населения Западной Сибири. К этому времени в основном были преодолены пертурбационные явления, стабилизировались процессы, происходившие в демографической подсистеме общества.

Голод 1946–1947 гг. отразился не только на увеличении уровня смертности населения, но и на его структурных показателях. Возросла мужская смертность, что объяснялось большей социальной активностью мужчин и подверженностью негативного воздействия окружающей среды (природной и социальной). В 1947 г. в городах Западной Сибири среди всех умерших мужчины составляли 56,1 %, в сельской местности – 53,3 %². Изменилась возрастная структура смертности. Если в 1946 г. в городах региона дети в возрасте до 4 лет составляли 31,2 % всех умерших, а в сельской местности 25,6 %, то в 1947 г. соответственно 42,5 и 39,1 %³. Во время голода структура смертности

помолодела за счет сокращения доли брачных и старших возрастов.

Неокрепший детский организм тяжелее переносит заболевания. Если у взрослого человека иммунитет плохо справляется во время недоедания с различного рода инфекциями, то для ребенка болезнь может стать смертельной. Поэтому увеличение смертности происходило во всех возрастных группах, но особенно резко среди детей. Судя по данным табл. 2, динамика детской смертности повторяла движение ее общих коэффициентов, увеличившись в 1947–1948 гг. и сократившись в 1949–1950 гг. Такая картина наблюдалась по всей стране. Детская смертность выросла со 124 ‰ в 1946 г. до 170 ‰ в 1947 г., после чего начала снижаться [5, с. 165]. Максимальный подъем смертности новорожденных пришелся на пик голода – летние месяцы 1947 г. В крупных городах смертность оказалась выше, чем в малых или в сельской местности. В июне 1947 г. в Новосибирске коэффициент детской смертности равнялся 292 ‰, в июле – 323, в августе – 232 ‰. В малых городах области ситуация была несколько лучше: в июне коэффициент находился на уровне 252 ‰, в июле – 204, в августе – 208 ‰. В сельской местности он составлял соответственно 121, 162 и 171 ‰⁴.

Как и в предыдущие периоды, основная часть населения во время голода умирала от причин экзогенного характера. Недоедание и употребление в пищу суррогатов приводило к ослаблению иммунитета. Организм человека не мог сопротивляться инфекциям, что вызвало рост заболеваемости. Поэтому основной причиной роста смертности стала не дистрофия, а инфекционные болезни. Помимо голода негативным фактором, осложнявшим эпидемиологическую обстановку, являлась слабая благоустроенность городских поселений и скученность населения. Водопровод и канализация не обеспечивали нужды всех горожан, банно-прачечная система действовала некачественно, очистка улиц от мусора и нечистот проводилась нерегулярно. Все это способствовало росту заболеваемости инфекционными болезнями в городах, в частности желудочно-кишечными инфекциями. В 1947 г. Кемеровский облздрав констатировал, что 75 % всей заболеваемости дизентерии в области приходится на три промышленных центра: Кемерово, Прокопьевск и Сталинск⁵.

В 1947 г. в городах Западной Сибири наибольшая смертность была связана с болезнями экзогенного происхождения. От туберкулеза легких скончалось 15,5 % всех умерших, воспаления легких – 15,4 %. Значительную долю смертности составляли желудочно-кишечные заболевания: токсическая диспепсия – 6,2 %, дизентерия – 3,8, острый гастроэнтероколит – 2,0 %. Непосредственно от дистрофии скончалось 0,8 %, хотя в достоверности этих данных возникают сомнения. Эндогенные причины, вызванные старением организма, в меньшей степени определяли структуру смертности. От болезней сердца умерло 11,3 %, рака и других зло-

² Подсчитано по: ГА РФ. Ф. 374. Оп. 11. Д. 567. Л. 1–1 об., 22–22 об., 45–45 об., 66–66 об.; ГАО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 7412 а. Л. 23–23 об., 83–83 об.; Д. 7429. Л. 83–83 об.

³ Подсчитано по: ГА РФ. Ф. 374. Оп. 11. Д. 461. Л. 1–1 об., 26–26 об., 47–47 об., 67–68 об.; Д. 567. Л. 1–1 об., 22–22 об., 45–45 об., 66–66 об.; ГАО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 7401. Л. 24–24 об.; Д. 7406 а. Л. 15–15 об.; Д. 7412 а. Л. 23–23 об., 83–83 об.; Д. 7429. Л. 83–83 об.

⁴ Подсчитано по: ГАО. Ф. 11. Оп. 2 Д. 7412 а. Л. 15–15 об.; Д. 7429. Л. 91–91 об., 99–99 об.

⁵ ГАКО. Ф. 864. Оп. 1. Д. 6. Л. 71.

качественных новообразований – 4,0, артериосклероза мозга и кровоизлияния в мозг – 1,3 %⁶.

Пик смертности, приходившийся на лето 1947 г., объясняется ростом числа умерших от желудочно-кишечных заболеваний. Если зимой заболевания дизентерией, гастроэнтероколитом, токсической диспепсией вызывали единичные летальные исходы, то летом они становились основной причиной увеличения смертности. Рост смертности от дизентерии в городах Алтайского края, Новосибирской, Кемеровской и Томской областей в 1947 г. по сравнению с 1946 г. составлял 340 %, токсической диспепсии – 174, острого гастроэнтероколита – 86 %. Для зимнего периода было характерно увеличение числа умерших от воспаления легких. В 1947 г. по отношению к 1946 г. смертность от этой болезни выросла на 114 %. Если пневмония в основном проявляла себя зимой, а желудочно-кишечные заболевания летом, то туберкулез легких поражал в любое время года. Число умерших от него выросло на 35 %⁷.

В период голода увеличение смертности происходило в основном за счет детских возрастов. В городах края доля умерших детей до 4 лет от токсической диспепсии в 1947 г. составляла 99 % всех летальных случаев, от дизентерии – 97, гастроэнтероколита – 82, воспаления легких – 86 %⁸. В то же время были инфекционные болезни, основная доля смертей от которых приходилась на старшие возрастные группы. Доля детей до 4 лет, скончавшихся от туберкулеза легких в Западной Сибири, составляла 16 %⁹. Туберкулез, поражавший, как и многие другие виды болезней, детскую возрастную группу, наиболее остро проявлял себя в брачных и старших возрастах.

Несмотря на повышение смертности в 1947–1948 гг., послевоенный голод не привел к демографической катастрофе. Естественный прирост населения страны имел положительные показатели. Можно выделить ряд причин, благодаря которым голод не распространился на большие территории. Основными были развитие медицины и оказание государственной помощи голодающим районам. Появление сульфаниламидных препаратов, эффективных при лечении желудочно-кишечных заболеваний, и первого антибиотика – пенициллина привело к снижению смертности. Послевоенный голод в первую очередь отразился на росте коэффициента детской смертности. Но благодаря развитию медицины уровень детской смертности в

1947 г. в РСФСР был меньше по сравнению с довоенным 1940 г.: 216 против 170 ‰ [5, с. 140, 164–165].

Помощь государства голодающему населению принимала разные формы. Колхозы и совхозы получали продовольственные ссуды, выделялись ресурсы для лечения больных дистрофией и септической ангиной. Зимой 1947 г. были организованы питательные пункты, куда направлялось продовольствие. В основном в них оказывалась помощь детям. Своевременность и эффективность этих мер необходимо поставить под сомнение, однако властям удалось держать ситуацию под контролем и не допустить перерастания кризиса в катастрофу. Развитие медицины и ограниченная поддержка властей привели к тому, что в первую очередь росла заболеваемость, а не смертность. Голод привел к ухудшению здоровья населения, и без того снизившегося в период Великой Отечественной войны.

Послевоенный голод 1946–1947 гг., последствия которого были преодолены в СССР к 1950 г., стал последним демографическим кризисом советской эпохи, приведшим к росту смертности и снижению рождаемости. В дальнейшем была реализована тенденция, наметившаяся в конце 1940-х гг. Процессы, происходившие в демографической подсистеме общества, стабилизировались. Возобновился естественный ход воспроизводства населения без каких-либо заметных колебаний показателей смертности и рождаемости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков И.М. Деревня СССР в 1945–1953 годах в новейших исследованиях историков (конец 1980-х – 1990-е годы) // Отечественная история. 2000. № 6. С. 116.
2. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008.
3. Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996.
4. Попов В.П. Причины сокращения численности населения РСФСР после Великой Отечественной войны // СОЦИС. 1994. № 10.
5. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Демографическая история России: 1926–1959 гг. М., 1998.
6. Исунов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Новосибирск, 2000.
7. Исунов В.А. Главный ресурс Победы: Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Новосибирск, 2008.

Статья поступила
в редакцию 23.11.2011 г.

⁶ Подсчитано по: ГА РФ. Ф. 374. Оп. 11. Д. 569. Л. 3–4 об.; Д. 570. Л. 7–8 об.; Д. 571. Л. 9–10 об.; Л. 11–12 об.; Д. 572. Л. 5–5 об.; 8–8 об.; Л. 6–7 об.; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 7412. Л. 40–41 об.; Д. 7429. Л. 116–117 об.

⁷ Подсчитано по: ГА РФ. Ф. 374. Оп. 11. Д. 462. Л. 3–4 об.; Д. 464. Л. 43–44 об.; 45–46 об.; Д. 569. Л. 3–4 об.; Д. 570. Л. 7–8 об.; Д. 572. Л. 5–8 об.; ГАКО. Ф. 304. Оп. 1. Д. 52. Л. 193–194 об.; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 7401 а. Л. 88–89 об.; Д. 7406 а. Л. 46–47 об.; Д. 7412. Л. 40–41 об.; Д. 7429. Л. 116–117 об.

⁸ Подсчитано по: ГА РФ. Ф. 374. Оп. 11. Д. 569. Л. 3–4 об.; Д. 570. Л. 7–8 об.; Д. 571. Л. 9–10 об.; Л. 11–12 об.; Д. 572. Л. 5–5 об.; 6–7 об.; 8–8 об.; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 7412. Л. 40–41 об.; Д. 7429. Л. 116–117 об.

⁹ Там же.

УДК 335.257.72(571.1)

Н.М. МАРКДОРФ

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ РЕПАТРИАНТОВ В ПОСЛЕВОЕННОЙ ГЕРМАНИИ

канд. ист. наук
Международный инновационный университет,
г. Сочи
e-mail: nmmark@mail.ru

В статье рассмотрены проблемы социальной и психологической адаптации вернувшихся из СССР военнопленных и интернированных в послевоенной Германии. Адаптация происходила болезненно, что было обусловлено последствиями перенесенных лагерных заболеваний, посттравматическим синдромом, и повлекла за собой трудности обустройства в мирной жизни.

Ключевые слова: адаптация, посттравматический синдром, военнопленные, интернированные, Германия, Сибирь.

Изучение последствий военного плена и лагерных заболеваний (болезней «колючей проволоки»), влияния посттравматического синдрома на физическое, психическое и моральное состояние личности, а также поведение человека в экстремальных условиях имеет важное практическое значение для психологии и истории. Опыт западносибирских врачей в изучении этиологии, патогенеза и лечения многих видов «лагерных» болезней в условиях военного и послевоенного времени был бесценен и во многом обогатил как отечественную, так и мировую медицину. Данная статья написана на основе воспоминаний бывших узников западносибирских лагерей (военнопленных и интернированных) и публикаций современных российских психологов.

Возвращающиеся из СССР репатрианты, прибывавшие в советскую зону оккупации в Германии, проходили недельный карантин. Направлявшиеся в западную зону попадали в пересыльный лагерь Фридланд. В советской зоне оккупации в качестве компенсации выдавалось по 50 марок [1, с. 11]. Получившие справку об освобождении могли следовать по месту проживания их семей либо в любом другом направлении. По возвращении на родину в ГДР бывшие военнопленные проходили проверку, для части из них она заканчивалась лагерем, тюрьмой или отправкой снова в сибирские лагеря. Репатриация еще не означала освобождения. По сведениям П.М. Поляна, только часть возвратившихся на родину получила свободу [2, с. 118].

«Когда оформление документов было закончено, состоялась сцена великого прощания. Эмоции лились через край у бывших товарищей по несчастью. Мы благодарили и благодарили друг друга, прежде всего за то, что выжили, но кто мог знать, что возвращение в Германию обернется новыми испытаниями» [3, с. 354]. Судя по воспоминаниям немецких военнопленных, власти ГДР относились довольно враждебно к вернувшимся из восточного плена. «Приехав в родной город,

я понял, что никому до меня нет дела, кроме моих родителей. Единственный документ, удостоверяющий личность, представлял собой небольшой листок бумаги с фотографией, номером и пометкой о невозможности покинуть район проживания и обязательством постоянно отмечаться в местной префектуре. Я снова был под наблюдением. В далекой Сибири я представлял себе родину иначе, думал, что родина – это безопасность, родительский кров, уверенность в себе, а главное защита. Но я ошибся. ...По дороге домой я видел разоренную войной немецкую землю, стоящих вдоль дорог женщин с фотографиями своих мужей и сыновей, я не узнавал Германии. Настоящее вселяло ужас и страх... В двадцать два года у меня не осталось ни одного зуба и волос на голове, казалось, молодость прошла навсегда» [4, с. 72].

Все вновь прибывшие из советских лагерей на родную землю испытывали необычайные сложности и проблемы с обустройством в мирной жизни. Социально-психологическая адаптация «возвращенцев» в условиях кардинально менявшейся послевоенной действительности происходила болезненно и напрямую зависела от тяжести полученного в плену заболевания, личностных качеств человека, его возраста, наличия близких и родных, способных помочь или просто оказать эмоциональную поддержку, их материального благосостояния и социального статуса, и конечно же, от репарационной зоны и проводимой здесь по отношению к бывшим военнопленным государственной политики. Уже само возвращение, внезапное снятие душевного гнета представляло собой сильнейший психоэмоциональный стресс. Эта опасность, с характерологической точки зрения, представляла собой не что иное, как психологический эквивалент кессонной болезни [5, с. 78]. «Вначале все кажется похожим на чудесный сон. В освобождение просто страшно поверить. Ведь столько чудесных снов уже привели к разочарованию. Как часто мечталось даже не об освобождении, а о возвращении в свой дом. Вот бывший

узник обнимает жену, здороваются с друзьями, садится за стол и начинает рассказывать, рассказывать о том, что он пережил, как он ждал этого момента свидания и как часто он мечтал об этом моменте, пока он не стал, наконец, реальностью. Однако в один прекрасный день то, к чему стремился и о чем мечтал, стало реальной действительностью. Освобожденный из лагеря пока еще подвержен своего рода ощущению деперсонализации. Он еще не может по-настоящему радоваться жизни – он должен сначала научиться этому, он этому разучился. Если в первый день свободы происходящее кажется ему чудесным сном, то в один прекрасный день прошлое начнет казаться ему лишь более чем кошмарным сном» [6, с. 37].

Разгром Германии, страна, лежащая в руинах, крах прежних жизненных устоев, страх перед будущим вызывали состояние недоумения, растерянности, ощущение беспомощности и незащищенности перед социальной реальностью, невозможности (а иногда и нежелания) найти оптимальную линию поведения в повседневной действительности, приводили к апатии, глубокому психоэмоциональному стрессу. «Перед нами была пустота. Не было больше Германии, государства, правительства, армии, а иногда и связи с родными. Оклеветанные, обруганные, с действительной или мнимой виной, не отвечая ни перед кем, кроме самого себя, выданные насилию, материальному и психическому давлению. Старшие поколения – в осознании того, что они пережили второе, может быть окончательное крушение; молодежь – вырвавшаяся из туманного облака нацистской пропаганды, но еще не способная различить, где действительно находятся правда и ложь, добро и зло. Разбитые ценности, искореженные судьбы и идеалы! Какая почва для развертывания человеческих слабостей, злобы, подлости и отчаяния!» [7, с. 127].

Психосоциальный кризис возвратившихся в Германию, как правило, проявлялся в том, что человек не знал, как ему жить дальше, не представлял себе, что и кому он может говорить (страх перед возможным доносом). Появлялись навязчивые мысли о возможной дискриминации, потере работы и средств к существованию. Вернувшиеся к мирной жизни опасались одиночества и зависимости от других людей. Как показала практика, приходилось менять в одночасье дружеские и семейные отношения, обустривать личную жизнь, но главное, вживаться в совершенно новую, чуждую и непривычную социальную среду. Как правило, в первые годы «возвращенцы» теряли ощущение психической устойчивости и должны были снова обрести равновесие в окружающем их мире. Каждый делал это по-своему, но в общих чертах состояния наблюдались похожие [8, с. 67–71]. «...После моего возвращения из плена родители на протяжении нескольких лет продолжали жить в постоянном страхе, в ожидании нового ареста их сына. А главное, каждый чиновник считал меня государственным преступником, каждый знал, что я бывший советский заключенный. Доказать невиновность оказалось очень трудно. Хотелось бежать, но куда и как? Дома престарелые родители... Я не понимал новой политической ситуации в стране. Я не понимал новой Германии. Изменились люди,

изменился мир. Шесть с половиной лет плена в сибирском аду. Никто не знал, какие муки я испытал, и как далек и труден был путь домой. Сверстники имели семьи и детей, а я нет, предстояло снова и с большим трудом обзаводиться новыми знакомыми. Я вдруг с отчаянием и глубокой болью осознал, как я одинок в этом мире, я – человек без прошлого и без будущего...» [4, S. 74].

Процесс адаптации к условиям послевоенного общества во многом разделил людей в зависимости от их внутренней силы, моральных качеств, упрямства духа, вероисповедания на друзей и врагов, приспособленцев и тех, кого не сломила судьба. Приходилось не просто выживать физически, много работать, но и пытаться преодолевать недоверие, подозрительность, страх, замкнутость, ощущение «прошедшей молодости», неверие в будущее [4, S. 75]. Все освобожденные из лагерей нуждались во врачебной, особенно психологической помощи. Так, многие после возвращения домой в течение нескольких лет страдали от последствий пребывания в лагере, а у большинства отбывших плен заболевания приняли хронические формы [9, с. 67–69]. Процент людей с тяжелыми невротическими симптомами (до 30 % в условиях военного и послевоенного времени) напрямую зависел от тяжести условий жизни в плену, перенесенных болезней, физических и психических травм. Дистрофия, брюшной тиф, патологическое голодание и вызванная этим значительная потеря веса приводили зачастую к необратимым последствиям, т. е. к полной и невосполнимой потере здоровья, могли обернуться инвалидностью или летальным исходом [10, с. 49–50].

«Невроз возвращения из лагеря» («травматический невроз», «военный невроз») сопровождался различными пограничными психопатологическими явлениями – беспокойством, чувством хронической усталости, ухудшением концентрации внимания, нездоровой возбудимостью, непоседливостью, ослаблением памяти, раздражительностью, вегетативными симптомами, затяжными и тяжелыми депрессиями (притупленность чувств, эмоциональная оцепенелость, отчаяние, осознание безысходности), головными болями, периодическими приступами истерического реагирования (параличи, слепота, глухота, припадки, нервная дрожь) [11, с. 139]. Среди невротических явлений отмечались состояния «солдатского сердца» (боль за грудиной, учащенное сердцебиение, прерывистость дыхания, повышенная потливость), «синдрома выжившего» (хроническое чувство вины перед родственниками, друзьями, товарищами по «несчастью», погибшими, убитыми на войне или за участие в военных действиях), «флешбек-синдрома» (навязчиво всплывающие в памяти и постоянно обсуждаемые воспоминания о пережитом лихолетье, непереносимых муках и страданиях военного плена), «комбатантной» психопатии (агрессивность и импульсивное поведение со вспышками насилия, злоупотреблением алкоголем), «прогрессирующей астении» (послелагерная астения, проявлявшаяся в виде быстрого старения, падения веса, психической вялости, стремления к покою и пассивной жизненной позиции и развившаяся после возвращения к мирной жизни) [12, с. 73–89]. Обратившиеся

за врачебной помощью жаловались на бессонницу или постоянные ночные кошмары, патологическую подозрительность и страх, что все может повториться. Данные симптомы наблюдались у бывших узников войны даже спустя 30 лет после освобождения.

Психологи отмечают, что степень выраженности симптомов посттравматического синдрома была самой высокой сразу после окончания Второй мировой войны, затем они ослабевали, но по прошествии некоторого времени появлялись вновь [13, с. 116–120]. «В случаях средней тяжести требуется от четырех до восьми недель, чтобы сколько-нибудь оправиться от голодания, в то время как опухоли лодыжек сохраняются месяцами... Симпатическая гиперактивность длится как минимум шесть месяцев... Лишь спустя годы можно говорить о полном восстановлении физического и психического здоровья, а до тех пор пациенты легко утомляются, в том числе и в умственном плане, медленнее обучаются и имеют тенденцию к возвращению опухолей на ногах от стояния или хождения, а также к диарее; менструации у женщин восстанавливаются лишь месяцы спустя... Психические синдромы, характерные для патологического голодания, расстройства духа, вызывают функциональные или морфологические изменения в мозге» [6, с. 75]. Эти неблагоприятные последствия, развившиеся на фоне прежде всего недоедания и дистрофии, наблюдались особенно ярко у пожилых людей, у интернированных женщин, которые в юном возрасте попали в сибирские лагеря. По воспоминаниям Курта Леммана, на протяжении нескольких лет он просыпался от страха, что находится в лагере. Потребовалась помощь психолога и длительное лечение, чтобы вновь вернуться к полноценной жизни [14, с. 330].

Снижение эффективности социально-психологической адаптации в послевоенном обществе могло выражаться в виде неадекватного поведения (или неадекватных реакций) в сфере межличностных отношений. Невротические нарушения и физическое недомогание существенным образом сказывались на трудоспособности, приводили к социальной (adjustment disorder) и личностной дезадаптации, неустроенности семейной жизни [10, с. 56]. Неслучайно многие из бывших военнопленных, а особенно интернированных гражданских лиц, не смогли найти взаимопонимания среди родных и близких, устроить свою личную судьбу, страдали от одиночества, имели многочисленные конфликты с родителями, детьми, женами и мужьями. По воспоминаниям бывших военнопленных, проживавших в ГДР, не все смогли сохранить свой брак. Примером судьбы многих интернированных из Германии в 1945 г. молодых женщин может служить биография немки Евы-Марии Штеге, попавшей в Кузбасс в восемнадцатилетнем возрасте и вернувшейся в Германию в 1949 г. [15, с. 97]. В 1952 г. Е.-М. Штеге была арестована в ГДР по подозрению в шпионаже, затем несколько лет находилась под специальным надзором. До 1968 г. она испытывала трудности с трудоустройством, хотя была хорошим специалистом, но работать с людьми не могла. В 1963 г. была вновь арестована. Ее сын уехал из Берлина, так как отношения с матерью были очень напряженными. В настоящее время Е.-М. Штеге

занимается общественной работой, написала книгу о пребывании в кузбасских лагерях [15, с. 76–90].

Проблемы адаптации и дезадаптации, а также психозифизические патологии, эмоциональные процессы и поведение бывших военнопленных, депортированных и интернированных в экстремальных, непривычных, специфических условиях были в центре внимания проведенного в Копенгагене в июне 1954 г. конгресса по социальной медицине, разработавшего комплекс мер по выведению человека из психологического кризиса и социальной реабилитации бывших узников лагерей. Кроме того, был предоставлен перечень мер и рекомендаций, направленных на преодоление последствий плена, в государственные и правительственные структуры с целью создания новой социальной программы.

В 1950 г. на основе существовавших с конца 1940-х гг. ранее разрозненных организаций и землячеств бывших военнопленных, вернувшихся из СССР (в том числе из Сибири), США, Австрии, Франции, Швейцарии, создана и активно работает общественная организация «Союз возвратившихся в Германию» («Союз вернувшихся домой»). Начиная с 1950 г. на территории ФРГ издавалась и издается до сегодняшнего дня газета «Возвращенец», осуществляющая розыск пропавших без вести немецких солдат. В 1952 г. при организации создан так называемый научно-врачебный совет, изучающий лагерные заболевания и способы их лечения, исследующий адаптационные процессы человека как в экстремальных ситуациях военного плена, так и в мирной жизни. Результатом деятельности организации явилось издание целой серии научных публикаций, создание специализированной библиотеки, а также оказание финансовой помощи нуждающимся в медицинской и психологической реабилитации, организация для бывших военнопленных квалифицированного медицинского обслуживания в специализированных лечебных учреждениях, домах отдыха и санаториях. По инициативе «Союза возвратившихся в Германию» был принят закон о военнопленных, гарантирующий различные права и льготы тем, кто пережил военный плен в годы Второй мировой войны, а также принята государственная программа по их социально-психологической реабилитации. В Германии действует Международная федерация военнопленных, осуществляющая тесные контакты с правительствами, государственными и общественными структурами ряда европейских стран. Многие бывшие военнопленные являются активными участниками различных общественных организаций. В частности, организуются и постоянно отмечаются ежегодные дни памяти жертв Второй мировой войны в Штукенброке. Выжившие и вернувшиеся из лагерей бывшие немецкие военнопленные каждый год встречаются у могил советских солдат. Здесь на кладбище нет места сведению счетов и вражде. Линия фронта здесь недействительна. Сегодня тех, кто прошел суровое испытание пленом, осталось в живых совсем немного. По-разному сложились судьбы. Многие сумели адаптироваться к новым жизненным реалиям, найти свое место в обществе, создали семьи, вырастили детей и внуков. Они стараются собираться и делиться впечатлениями о пережитом. Не все без боли

и грусти вспоминают роковую юность. Только вот по-прежнему «манит» Сибирь. Ну а те, кому позволяют здоровье и дела, изредка навещают тот суровый край, где прошла их молодость.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Niggeman Rolf*. Lager № 525. Воспоминания присланы из Германии по просьбе автора статьи. Рукопись используется с разрешения Р. Ниггемана.
2. *Полян П.М.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001.
3. *Rulc Sigfrid*. Unvollständige chronik 1945–1950. Berlin, 1997.
4. *Heht Herbert*. Sibirische Glocken: Glaube und Hoffnung. Gernrode, 2006.
5. *Агаджанян Н.А.* Адаптация и резервы организма. М., 1983.
6. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М., 1990.
7. *Франкл В.* Сказать жизни «Да!»: Психолог в концлагере. М., 2011.
8. *Вещугина Т.С.* Некоторые аспекты социально-психологической адаптации больных с психическими расстройствами пограничного уровня // Журнал неврологии. 1995. № 4.
9. *Хорст Герлах*. В сибирских лагерях: Воспоминания немецкого пленного 1945–1946. М., 2006.
10. *Сандомирский М.Е.* Психическая адаптация в условиях пенитенциарного стресса и личностно-типологические особенности осужденных. Уфа, 2001.
11. *Виллюнас В.* Психология эмоций. СПб., 2004.
12. *Андрющенко А.В.* Посттравматическое стрессовое расстройство при ситуациях утраты объекта экстраординарной значимости // Журнал неврологии. 1995. № 5.
13. *Барлас Т.В.* Особенности социально-психологической адаптации при психосоматических и невротических нарушениях // Психологический журнал. 1994. № 6.
14. *Liemann (Lemann) Kurt* «Lager N 7 «Krasnaja Gorka» in Prokopjewsk». Berlin, 1997.
15. *Stege E.–M.* Bald nach Hause – Skoro domoi. Berlin, 1993.

Статья поступила
в редакцию 28.11.2011 г.

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(47)(092)+378(092)

Е.Ю. ЧЕРНАЯ

МИЛИЦА ВАСИЛЬЕВНА НЕЧКИНА – ИСТОРИОГРАФ ВАСИЛИЯ ОСИПОВИЧА КЛЮЧЕВСКОГО

Новосибирский государственный
педагогический университет,
e-mail: ChernayaLena@mail.ru

В статье прослежены взгляды М.В. Нечкиной, уделявшей значительное внимание историографии, на творческое наследие В.О. Ключевского как крупного исследователя отечественной истории. Проанализированы ее опубликованные работы «Русская история в освещении экономического материализма (историографический очерк)», «Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества», реконструирован замысел неопубликованной монографии о В.О. Ключевском, написанной ею в 1920-х гг.

Ключевые слова: В.О. Ключевский, историография отечественной истории, М.В. Нечкина, архивы ученого.

На протяжении всей своей научной работы в области историографии М.В. Нечкина разрабатывала тему – жизнь и творчество В.О. Ключевского. Интерес к личности этого историка зародился у нее в юношеские годы. Впервые она дает характеристику В.О. Ключевского еще в студенческом сочинении, опубликованном в 1922 г. [1]. Ее книга о В.О. Ключевском написана в 1920-е гг., но опубликованы были лишь некоторые ее части. И только в 1974 г. вышла в свет монография М.В. Нечкиной «Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества» [2], которая подвела итог многолетнему изучению данной темы.

В первом очерке М.В. Нечкина писала: «Ключевский не примкнул определенно ни к материалистической, ни к идеологической школе; изучая его, все время колеблешься: временами он кажется определенным дуалистом типа Киреева: идеи – это одно, а экономика – другое, обе группы явлений развиваются по собственным законам; временами он выражает мысли, типичные для историка идеалиста: основа и двигатель всего – идея, лежащая в существе каждого исторического факта» [1, с. 176]. Тогда она считала себя ученицей профессора П.Г. Архангельского. А.Н. Гребенкина сделала вывод о том, что в основу историко-философской концепции Архангельского были положены позитивистские воззрения, выраженные в приверженности теории мирного эволюционизма, что позволило ему стать на позиции экономического материализма [3]. Влияние Архангельского прослеживается в работе М.В. Нечкиной в некоторых утверждениях относительно развития исторической науки. Автор не разделяет тезис о кризисе идеализма в исторической науке и характеризует В.О. Ключевского как предшественника экономического материализма в русской историографии, исходя из концепции непрерывной и последовательной эволюции исторической науки.

Историографические взгляды М.В. Нечкиной на творчество Ключевского со временем меняются. Первая монография была написана ею в 1923 г., когда она, начинающий ученый, изложила свое понимание Ключевского как социолога. В 1920-е гг. это была типичная тема для исследователей, которых Ключевский интересовал как философ истории, исследователь закономерностей. В итоговой монографии Милица Васильевна обращает внимание на то, что в ее статье 1922 г. Ключевский рассматривается как «объект двух противоречивых, противоборствующих влияний: исторического идеализма в лице гегельянской школы в интерпретации Чичерина и позитивистских “реалистических” исканий, подчас сближающих его в практике конкретного изложения с положением о бытие, определяющем сознание» [2, с. 39]. Примечателен ее вывод о том, что Ключевский в своих философских обобщениях остался всю жизнь верен идеалистической гегельянской концепции, хотя как исследователь часто приходил к материалистическим выводам.

Эволюция взглядов М.В. Нечкиной на творчество Ключевского связана с изменением политических и идеологических условий. Как отмечает Е.Л. Рудницкая, «в длинной череде последующих книг М.В. Нечкиной ее юношеский труд был самым непосредственным, самым научно искренним» [4, с. 101], так как автор еще не успел ощутить прессинга идейного тоталитаризма. В дальнейшем Нечкина будет осторожнее подходить к написанию научных работ. В связи с этим обратим внимание на процесс становления отношения Милицы Васильевны к марксизму. Он протекал совсем не просто [5], и, по мнению Е.Л. Рудницкой, остается открытым вопрос, насколько органичной стала при критическом восприятии Милицы Васильевны «чужих идей» ее абсолютная приверженность в последующие годы марксизму-ленинизму [4].

М.В. Нечкина вернулась к написанию обширной монографии о Ключевском в 1960-е гг. На протяжении всей научной карьеры она собирала материалы о Ключевском, рассказы его учеников, друзей и знакомых, изучала неопубликованные документы, хранящиеся в архивах. В 1950–1960-е гг. усиливается документальная база исследования – в печати появляются новые историографические источники, архивные материалы. Особое значение имеет вышедший в 1968 г. том рукописного наследия Ключевского, который включал в себя 120 писем друзьям, родным, ученым, представителям власти. Все это послужило объективными причинами решения М.В. Нечкиной приступить к работе над монографией о жизни и творчестве В.О. Ключевского.

В первой главе отмечается, что обобщающая монография о жизни и творчестве Ключевского необходима, поскольку предмет исследования тесно связан с множеством общих вопросов развития русской исторической науки в эпоху капитализма. «Ключевский отразил задачи и противоречия русского научного развития предреволюционной поры, когда кризис буржуазной исторической науки сказался в отчетливой форме. Рассматривать содержание этого кризиса без Ключевского невозможно» [2, с. 7]. В такого рода утверждениях отразилась эволюция взглядов М.В. Нечкиной на процесс развития исторической науки и характеристику Ключевского.

М.В. Нечкина, определяя новизну и научную ценность своего исследования, подчеркивает, что она впервые не просто использовала архивы Ключевского, а сделала их базой для обобщающей работы о нем. «Творческая история его работ нигде не освещалась... Его внутренний мир... сомнений, чаяний, поисков научного пути до сих пор был недоступен» [2, с. 45]. По ее мнению, недостатками предыдущих исследований были, прежде всего, статичность изложения и отсутствие связи между творчеством автора, его жизнью, эпохой и развитием науки.

М.В. Нечкина определяет основную задачу своего исследования следующим образом: «раскрыть основные черты сложной и драматической жизни и творчества крупнейшего буржуазного историка предреволюционной России, наметить его место в истории исторической науки» [2, с. 6]. Поставленные задачи определяют и структуру монографии. Опираясь на слова В. О. Ключевского о том, что главные биографические факты в жизни ученого – его книги, она дала названия главам, исходя из научных трудов Ключевского. При этом творческий замысел своего исследования М.В. Нечкина сформулировала таким образом: «жизнь историка и создание им научных трудов должны на фоне эпохи и в тесной связи с ней пройти перед нами этапом за этапом» [2, с. 47].

М.Г. Вандалковская отмечает, что М.В. Нечкиной удалось показать, как эпоха влияла на формирование взглядов Ключевского, как шел процесс становления его мировоззрения, обусловленный, с одной стороны, традициями исторической науки, а с другой – обстановкой в стране. В монографии ярко показан не только Ключевский-ученый, но и Ключевский как личность, с его любовью к природе, искусству, со многими биографическими подробностями, часто дающими ключ к пониманию его научного творчества [6].

Изучая разноплановые источники и сопоставляя научные труды Ключевского с его дневниковыми записями, М.В. Нечкина так определяет его место в истории исторической науки: «Он все же не вырвался из рамок либеральной идеологии. Он бился в замкнутом кругу идеалистической

системы, временами надламывал стены, его теснившие, совершал прорывы, искал выход, вновь прятался в старое убежище. Идеалистическая методология все еще оставалась домом, в котором он жил. Но она не вмещала того нового, к изучению которого пришел он сам... Его как ученого влекли социальный строй развивающейся страны, его отражение в правительственных учреждениях, взаимоотношения общественных классов. Но попытка заново пересмотреть устаревшую методологию исследования кончилась крахом. Осколки ее разбитых устоев, в которые он сам уже не верил, ему пришлось собрать и искусственно слепить в некое целое, выдавая его за “общеизвестное” во вводных лекциях к “Курсу”. А “Курс” он называл “делкой с совестью»» [2, с. 571]. На протяжении всей монографии историограф последовательно доказывает свои выводы, опираясь, прежде всего, на архивные документы Ключевского.

М.В. Нечкина проследила процесс эволюции мировоззрения и концепции русской истории Ключевского и опровергла существовавший ранее тезис о статичности его исторической концепции. Большое внимание она уделяет идейному кризису, сомнениям, поискам ученого. Проанализировав дневники и письма Ключевского, М.В. Нечкина делает вывод о том, что в пору университетского учения он двигался влево в своих идеологических установках – «от старых религиозно-идеалистических позиций, уже поколебленных, но еще не изжитых в семинарии, к новым, фейербаховским. От идеализма он двигался к материализму... С обостренным мучительным чувством искал он разрешения российских социально-политических вопросов и своего места в общественной борьбе эпохи. Он не нашел в себе сил перейти на сторону революционной демократии... Он остался “между двух огней”, на развилке путей, “против двух зол»» [2, с. 105]. По мнению историографа, эта двойственность будет характерна для Ключевского на протяжении всей его жизни. Именно в неспособности, нерешительности сделать выбор в пользу одного направления заключалась его драма.

М.В. Нечкина опровергает концепцию, существовавшую в отечественной историографии, о двух периодах в развитии политического мировоззрения Ключевского – левого до половины 1890-х г. и правого после этого рубежа. Рассматривая этот процесс в тесной связи с атмосферой эпохи, она отмечает, что Ключевский «левее» в годы всех трех революционных ситуаций, которых довелось ему пережить. «Революционная ситуация лет его юности (рубеж 50–60-х годов XIX в.) совершила первый перелом в его мировоззрении, ранее проникнутом наивным полурелигиозным идеализмом. Вторая революционная ситуация, павшая на конец 1870-х г., которую он встретил за последними главами “Боярской думы”, в расцветающей славе лектора, двинула его к своеобразному “классовому” социальному пониманию истории учреждений, укрепила и углубила интерес к истории боярства и дворянства как “классов” правящей России. Это время напитало его впечатлениями и мыслями о паразитизме дворянства, жесточайшего утешителя крестьян. Остановившись в испуге перед границей, отделявшей его от классового понимания самодержавия, и сохранив свой тезис о функции правительства как творца “всеобщего блага”, Ключевский, тем не менее, дал блестящее конкретное разоблачение ряда самодержцев – деспотов, развратников, развратниц и скоморохов – на российском престоле. Политическая реакция после выстрела 1 марта с силой топтала его идеи, он сжался и затаился, ученый

был отброшен вправо. Наступила пора особо тревожных поисков и метаний, проверка себя “с начала до конца”. Он как бы вновь вступил в изучение исторической науки, в ее пропедевтику – от методологии до источниковедения. Он не нашел ответа на мучившие его вопросы и продолжал биться в поисках, боясь переступить рамки очерченного им для себя идеалистического круга... знаменитый ученый и любимый молодежью профессор, полный противоречий, продолжал свои поиски... Еще пять лет усердных размышлений и трудов – теперь уже над “Курсом”, – и новая... революционная ситуация кануна революции 1905 г. встречается на его пути. Пугая неприемлемой для него революцией, она все же дарит его многими новыми идеями, облегчая поиски концепции» [2, с. 407–408]. Именно оценки политических настроений Ключевского, зигзагов его мировоззрения, объяснения его мыслей, данные М.В. Нечкиной в монографии, вызовут некоторые сомнения у коллег. Л.В. Черепнин отмечал, что, возможно, следовало бы несколько изменить оттенки при характеристике соотношения либерализма Ключевского с демократическими чертами его облика [7].

Для подтверждения своей концепции М.В. Нечкина обращает внимание на периодизацию крепостного права Ключевским, которая находит отражение в 4-м томе «Курса» и в двух статьях, посвященных 50-летию отмены крепостного права. Первая фаза развития крепостного права (до Уложения) была личным договорным обязательством крестьянина по соглашению с землевладельцем; второй фазой (от Уложения до Манифеста о дворянской вольности) было превращение крепостного права «в потомственную государственную повинность крестьян на частновладельческой земле для подтверждения служебной годности военно-служилого класса» [2, с. 542]; в третьей фазе «крепостная неволя с отменой обязательной службы дворянства получила форму, трудно поддающуюся правовому определению. Она утратила свое политическое оправдание, стала следствием, лишившимся своей причины, фактом, отработанным историей» [2, с. 542]. В статьях, написанных в 1911 г., Ключевский связал необходимость отмены крепостного права с опасностью крестьянских движений, исключив тем самым дворянский почин.

Таким образом, М.В. Нечкина в своей монографии на основе разных по своей природе источников создала

сложный, противоречивый образ Ключевского. Ей удалось показать жизнь и творчество Василия Осиповича в тесной связи с атмосферой эпохи, проследить эволюцию взглядов крупнейшего историка. Она опровергла некоторые концепции в отечественной историографии, ввела в научный оборот новые, неисследованные темы творчества В.О. Ключевского. По мнению Л.В. Черепнина, «в целом М.В. Нечкина дала правдивый образ ученого-историка, мятущегося в противоречиях, созданных русской действительностью эпохи капитализма, и не нашедшего из них выхода» [7, с. 6].

Научные взгляды М.В. Нечкиной менялись с течением времени. В большой мере это было связано с изменением ситуации в советской исторической науке. Молодой ученый хорошо усвоила урок, когда признанные лидеры марксизма разгромили ее первую монографию [8], и впредь старалась не совершать подобных ошибок. Завершением длительной эволюции историографических взглядов М.В. Нечкиной явилась монография «Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества», опубликованная в 1974 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Нечкина М.В.* Русская история в освещении экономического материализма (историографический очерк). Казань, 1922.
2. *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974.
3. *Гребенкина А.Н.* Профессор Казанского ун-та П. Г. Архангельский – учитель академика М.В. Нечкиной // Материалы Респ. науч.-производств. конф. по актуальным проблемам ветеринарии и животноводства. Казань, 1997.
4. *Рудницкая Е.Л.* История в человеке // Отечественные архивы. 1997. № 6.
5. *Курапова Е.Р.* Дневники академика М.В. Нечкиной как исторический источник // Вопросы истории. 2006. № 8.
6. *Вандаковская М.Г.* История исторической науки в творчестве Милицы Васильевны Нечкиной // История и историки. 2001. Историографический вестник. М., 2001.
7. *Черепнин Л.В.* Выдающееся исследование о Василии Осиповиче Ключевском // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976.
8. *Гребенкина А.Н.* Рецензии 20-х годов на книгу М.В. Нечкиной «Русская история в освещении экономического материализма (историографический очерк)» // Актуальные вопросы отечественной и всеобщей истории. Казань, 1991.

Статья поступила
в редакцию 13.11.2011 г.

УДК 94(571).084.3“1919”

Д.Г. СИМОНОВ

**«УДАРНЫЕ» ФОРМИРОВАНИЯ В СОСТАВЕ
РОССИЙСКОЙ АРМИИ АДМИРАЛА А.В. КОЛЧАКА (1919 г.)**

канд. ист. наук
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: simonov_dg@mail.ru

В статье рассматриваются организация и боевое применение в составе Российской армии адмирала А.В. Колчака воинских частей и соединений, носивших наименование «ударных». Делается вывод о том, что, несмотря на громкие названия, эти воинские формирования отличались низкой боеспособностью и не выполнили возлагавшихся на них задач.

Ключевые слова: Гражданская война, Российская армия, корпус, дивизия, полк.

Воинские части, официально именовавшиеся «ударными», появились в Русской армии в революционном 1917 г. «При многих полках, – писал начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал А.И. Деникин, – организовались свои ударные команды, роты, батальоны. Туда уходили все, в ком сохранилась еще совесть, или те, кому просто опостылела безрадостная, опошленная до крайности, полная лени, сквернословия и озорства полковая жизнь. Я видел много раз ударников и всегда – сосредоточенными, угрюмыми. В полках к ним относились сдержанно и даже злобно. А когда пришло время наступления, они пошли на колючую проволоку, под убийственный огонь, такие же угрюмые, одинокие, пошли под градом вражьих пуль и зачастую... злых насмешек своих товарищей, потерявших и стыд, и совесть. Потом их стали посылать бесценно изо дня в день и на разведку, и в охранение, и на усмирения – за весь полк, так как все остальные вышли из повиновения» [1, с. 138].

Попытки использовать героический ореол и боевые традиции ударных батальонов Русской армии имели место и в вооруженных силах, находившихся под верховным командованием адмирала А.В. Колчака. В марте 1919 г. началось наступление Сибирской и Западной колчаковских армий против войск советского Восточного фронта. Накануне и в ходе этого наступления белое командование предприняло ряд организационных мероприятий в целях обеспечения действующей армии резервами и тем самым закрепления и развития первоначальных успехов на фронте. В рамках этих мероприятий в составе Сибирской армии и происходило формирование ударных частей и соединений.

По всей видимости, идею о формировании ударных частей командующему Сибирской армией генералу Гайде подал подполковник А.А. Власов. В ходе антибольшевистского восстания в Ижевске в августе 1918 г. он по собственной инициативе организовал из рабочих и фронтовиков ударный батальон, который «не только бил и гнал вдсятеро более многочисленные красные банды», но и очень деятельно «поставлял» Ижевской народной армии «отнимаемое у большевиков оружие и имущество». Так, в одном из боев батальон подполковника Власова захватил у красных девять орудий, 63 пулемета и 300 повозок. В ходе отступления из Прикамья на Уфу в ноябре 1918 г. батальон, именовавшийся уже «бессмертным», понес большие потери, в том числе был тяжело ранен его командир¹. В январе 1919 г. остатки батальона под наименованием Ижевского партизанского отряда вошли в состав Сибирской армии.

13 февраля 1919 г. начальник Ижевского партизанского отряда подполковник Власов получил приказ немедленно приступить к формированию в Екатеринбурге Отдельного бессмертного батальона Сибирской армии, вскоре преобразованного в 1-й Бессмертный ударный генерала Гайды полк. Вплоть до окончательного формирования он во всех отношениях был подчинен командиру Екатеринбургской кадровой бригады полковнику В. Воронову, затем входил в состав Сарапульской стрелковой дивизии, а 8 апреля 1919 г. перешел в непосредственное подчинение командующему армией генералу Р. Гайде². Вероятно, Гайда рассматривал этот полк как личную «гвардию».

9 апреля Гайда объявил форму одежды 1-го Бессмерт-

ного ударного полка: головной убор – папахи и кепи с черными кантами, шаровары защитного цвета с черными кантами, гимнастерка защитного цвета с черными кантами по воротнику и обшлагам, на груди – щит, обшитый черным кантом, погоны – защитные с переплетающимися буквами Б (красного цвета), У (черного цвета) и сверху их буквы ГГ белого цвета, погоны, петлицы (защитные), воротник и обшлага шинели обшиты черными кантами. Нарукавный знак имел изображение маленького черепа на черном щитке и нашивался на левом рукаве выше локтя³.

5 февраля 1919 г. командующий Сибирской армией генерал-лейтенант Р. Гайда приказал подполковнику А.Н. Лабунцову немедленно приступить к формированию Отдельной Сибирской ударной бригады. Согласно приказу от 13 февраля бригада должна была иметь в своем составе три отдельных пехотных батальона (по четыре роты в каждом), кавалерийский эскадрон (три взвода), ударный артиллерийский дивизион (три батареи), отдельный пулеметный батальон (три роты) и отдельную инженерную роту (три саперных взвода, телеграфное отделение, парк, команды инженеров и железнодорожников).

Во исполнение приказа по армии от 8 марта полковник В. Воронов приступил к формированию 2-й Отдельной Сибирской ударной бригады. В ее составе предполагалось образовать 4-й, 5-й и 6-й отдельные ударные батальоны, 2-й отдельный ударный пулеметный батальон, 2-й отдельный ударный кавалерийский эскадрон, 2-й отдельный ударный артиллерийский дивизион и 2-ю отдельную ударную инженерную роту. Бригада формировалась по штатам, утвержденным для Отдельной Сибирской ударной бригады. На формирование 2-й ударной бригады передавалась в полном составе Екатеринбургская кадровая бригада, которая была образована 31 января 1919 г. в составе двух пехотных кадровых полков и двух кадровых артиллерийских дивизионов. В связи с образованием 2-й Ударной бригады ранее образованной бригаде полковника Лабунцова был присвоен 1-й номер.

Для чинов вновь формируемых ударных частей устанавливались особые отличия формы одежды. В частности, для пехотных частей 2-й Ударной бригады устанавливались черные погоны с синими просветами и выпушками; на левом рукаве – щиток синего цвета с черепом и костями, под щитком – красно-черный угол; на шароварах – синие лампасы. Артиллеристы носили черные погоны с красными просветами и выпушками; на левом рукаве – красный щит с черепом и костями; под щитком – красно-черный угол; на шароварах – красные лампасы. Для чинов штаба – черные погоны с белыми просветами и выпушками; на левом рукаве – белый щиток с черепом и костями; под щитком – красно-черный угол; на шароварах – белые лампасы. На погонах – римская цифра II. В батальонах, сообразно с их нумерацией, на погонах размещалась арабская цифра 4, 5 или 6⁴.

По приказу генерала Гайды от 26 апреля 1919 г. 1-я и 2-я Отдельные Сибирские ударные бригады подлежали развертыванию в две дивизии трехполкового состава и объединению в Сводный корпус. Приказом от 30 апреля из отдельных кавалерийских эскадронов бывших 1-й и 2-й ударных бригад был сформирован Отдельный ударный гусарский дивизион

¹ Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1919. 11 февр.

² Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39 736. Оп. 1. Д. 140. Л. 25, 118об.

³ Там же. Л. 119.

⁴ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 140. Л. 20, 22, 25, 77, 85, 88, 98.

под командованием подполковника Матвеева. Приказом от 20 мая впредь до окончательного формирования Сводный корпус предлагалось именовать Сводным Ударным Сибирским корпусом. В его состав должны были войти 1-я Ударная Сибирская дивизия (1-й, 2-й, 3-й и 4-й Ударные Сибирские полки) и 2-я Ударная Сибирская дивизия (5-й, 6-й, 7-й и 8-й Ударные Сибирские полки). Тем же приказом входившие в состав дивизий Ударные Сибирские артиллерийские дивизионы сводились в 1-ю и 2-ю Ударные Сибирские артиллерийские бригады. Отдельный Ударный гусарский дивизион был переименован в Ударный Сибирский гусарский полк, а входившие в состав дивизий инженерные роты сведены в Ударный Сибирский инженерный батальон.

Командиром корпуса генерал Гайда собирался назначить полковника А.П. Степанова. До его прибытия к месту службы временное командование корпусом было возложено на инспектора артиллерии Сибирской армии генерал-майора П. Томашевского. Временно исполняющим должность начальника штаба корпуса был назначен полковник Н.Н. Рыбалтовский, ранее занимавший должность начальника оперативного отдела штаба армии. Обязанности начальников формируемых дивизий исполняли командиры бывших ударных бригад⁵. Рядовой и унтер-офицерский состав частей корпуса пополнялся исключительно за счет лиц, принудительно мобилизованных в войска в течение февраля-мая 1919 г.

В середине мая в связи с отступлением частей Западной армии генерала М.В. Ханжина между ее правым флангом и левым флангом Сибирской армии возник разрыв приблизительно в 90 км. Этот участок фронта вынужден был обеспечивать 32-й Прикамский полк 8-й Камской стрелковой дивизии, против которого действовали две дивизии противника. Чтобы воспрепятствовать прорыву красных на тыловые коммуникации Сибирской армии, генерал Гайда вынужден был использовать свой последний резерв – Сводный Сибирский ударный корпус. Из Екатеринбурга части корпуса были отправлены в Пермь, а затем на кораблях Камской военной флотилии переброшены к устью р. Белая (левый приток Камы). По свидетельству Гайды, в корпусе насчитывалось 5 730 штыков⁶. Кроме того, корпусу были приданы 2-й Казанский стрелковый полк, 1-й и 4-й батальоны Отдельной бригады морских стрелков и батальон 1-го Бессмертного Ударного генерала Гайды полка – всего около 1,5 тыс. штыков. По данным советского командования, боевой состав корпуса (вероятно, с учетом приданных частей) насчитывал 6,6 тыс. штыков и сабель, 6–8 орудий и около 90 пулеметов [2, с. 115].

27 мая генерал Томашевский приказал своим войскам занять позиции вдоль северного берега Белой и приготовить к ее форсированию. 2-й ударной дивизии надлежало занять участок от устья Белой до р. Кунт, 1-й ударной дивизии – от р. Кунт до р. Быстрый Танып, 4-му батальону морских стрелков и 2-му Казанскому полку – от р. Быстрый Танып до Большого Батраново. Корпусной резерв составили батальон Бессмертного полка и 1-й батальон морских стрелков⁷.

Переправившись через Белую, Сводный ударный корпус начал движение на юг. 28 мая наступавшие части корпуса неожиданно для командования оказались между

27-й и 35-й советскими стрелковыми дивизиями, которые и атаковали белых в оба фланга. После жестокого поражения в районе с. Байсарова части корпуса бежали к Бирску, где были окончательно разгромлены. Красные захватили одно орудие, восемь пулеметов и 800 пленных. В течение 28–29 мая корпус потерял убитыми, ранеными и пленными половину своего состава [3, с. 71].

Особенно пострадала 2-я ударная дивизия, на личный состав которой генерал Гайда возложил всю ответственность за случившееся. В секретном приказе по войскам Сибирской армии от 31 мая 1919 г. говорилось: «Донесения с фронта принесли позорные вести относительно 6-го и 7-го Ударных полков, которые, наступая на противника, не выдержали встречного боя и стали отходить. Отступление этих полков скоро превратилось в бегство, столь поспешное, что некоторые солдаты бросали оружие и сапоги и в панике бежали от врага, которого были призваны победить». В связи с вышеизложенным генерал Гайда приказал всех солдат, вышедших из боя без сапог или без винтовок, немедленно арестовать, а всех виновных в поражении (включая офицеров) отдать под суд. При этом командиру корпуса предоставлялось право расстреливать без суда всех дезертиров-солдат, бежавших от красных. Начальнику 2-й Ударной Сибирской дивизии полковнику В. Воронову за то, что он не принял решительных мер к прекращению панического бегства офицеров и солдат, был объявлен строгий выговор. Дивизия и ее 6-й и 7-й полки лишались наименования «Ударных Сибирских». Офицерам и солдатам указанных полков было предложено немедленно снять знаки отличия ударных частей и черные погоны. Имевшееся у личного состава этих двух полков английское обмундирование Гайда потребовал немедленно сменить на старое, менее пригодное к носке. Изъятое же английское обмундирование подлежало сдаче в штаб армии для выдачи более достойным частям Сибирской армии. 2-я дивизия лишалась права пользоваться отпусками. Всех старых солдат, мобилизованных по отбытии шести месяцев обязательной службы, командарм потребовал задержать до тех пор, пока дивизия своими успешными действиями против противника не смоет позор⁸.

После разгрома Сводного ударного корпуса у генерала Гайды уже не оставалось резервов для обеспечения своего левого фланга, что в конечном итоге предопределило общее поражение Сибирской армии в июне-июле 1919 г. В последующих боях Сводный Ударный Сибирский корпус уже не играл значительной роли и 30 июля прекратил существование. Остатки его частей были сведены в 1-ю Екатеринбургскую дивизию, состоявшую из трех полков (начдив – полковник А.Н. Лабунцов). Приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего от 14 сентября 1919 г. дивизии впредь предлагалось именоваться Екатеринбургской стрелковой, а входившим в ее состав полкам – 1-м, 2-м и 3-м Екатеринбургскими стрелковыми⁹.

Таким образом, несмотря на громкое название, Сводный Сибирский Ударный корпус оказался нежизнеспособным войсковым соединением. В конце мая 1919 г. он находился на начальной стадии формирования. Из-за крайне сжатых сроков его развертывания подавляющее большинство полковых, батальонных и ротных командиров было назначено

⁵ РГВА. Ф. 39 736. Оп. 1. Д. 140. Л. 152, 162, 201, 215.

⁶ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 4. Д. 1524. Л. 322–324.

⁷ ГАРФ. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 43. Л. 16, 17.

⁸ РГВА. Ф. 39 736. Оп. 1. Д. 140. Л. 223.

⁹ РГВА. Ф. 40 213. Оп. 1. Д. 1481. Ч. VIII, IX. Б. л.; Ф. 39 736. Оп. 1. Д. 69. Л. 13.

на свои должности накануне или даже во время выдвижения частей на фронт. Это означало, что командиры не имели времени познакомиться со своими подчиненными, а подчиненные – со своими командирами. Весьма примечательно, что даже начальники дивизий – полковники Лабунцов и Воронов – были официально допущены к исполнению должностей лишь 30 мая 1919 г. Воинские части и подразделения корпуса, не будучи сплоченными коллективами, были обречены на неустойчивость в бою. К тому же они отправились на фронт без телефонов, кухонь, обоза и даже не полностью вооруженными.

Нельзя не обратить внимания и на то, что высший командный состав корпуса – генерал Томашевский, полковники Лабунцов и Воронов – по своей основной военной специальности являлись артиллеристами и не имели опыта руководства пехотными частями и соединениями в боевой обстановке. Складывается впечатление, что они в ходе формирования корпуса главное внимание уделяли именно артиллерийским частям. По крайней мере, после сведения двух дивизий корпуса в три полка два его артиллерийских дивизиона, сохра-

нившие организацию, были переданы на формирование Отдельной образцовой егерской бригады¹⁰.

Генерал Гайда изначально допустил просчет, приняв решение о формировании ударных частей исключительно из мобилизованного контингента. Как показывает опыт Гражданской войны, единственно правильным было бы пополнение до штатного состава уже имевшихся в армии частей и соединений, располагавших надежным и проверенным в боях личным составом. Кроме того, формирование новых соединений отвлекало большое количество потенциальных командиров и бойцов на штабную работу и нестроевую службу и истощало и без того небогатые материальные ресурсы белых властей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль-сентябрь 1917. Париж, 1921. Т. 1, вып. 2.
2. История Гражданской войны в СССР. М., 1959. Т. 4.
3. Гражданская война в СССР. М., 1986. Т. 1.

*Статья поступила
в редакцию 01.12.2011 г.*

¹⁰ РГВА. Ф. 39 499. Оп. 1. Д. 18. Л. 371.

УДК 94(47).084.6

А.Г. ТЕПЛЯКОВ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОСОБОЙ ТРОЙКИ ПП ОГПУ ПО СИБКРАЮ В 1930 г.Новосибирский государственный университет
e-mail: tepliakov@risp.ru

Статья посвящена деятельности руководимого видным чекистом Л.М. Заковским карательного органа – особой тройки ПП ОГПУ по Сибирскому краю, организованной в феврале 1930 г. для нанесения террористического удара по деревне, охваченной в тот период широкими антиправительственными выступлениями. Анализируются персональный состав особой тройки, этапы репрессивной активности чекистов и карательная статистика, свидетельствующая о том, что в первые месяцы 1930 г. тройка действовала с жестокостью, не уступавшей более позднему периоду 1937–1938 гг.

Ключевые слова: Сибирь, крестьянство, Л.М. Заковский, ПП ОГПУ, тройка, репрессии.

Деятельность особых и фактически квазисудебных троек при региональных органах ОГПУ начала 1930-х гг. до сих пор изучена слабо, о чем свидетельствуют новейшие исследования о репрессиях [1]. Не нашла она сколько-нибудь подробного освещения и в работе С.А. Папкова [2], полностью посвященной истории этих чрезвычайных органов в Сибири. Из официальной статистики следует, что в 1930–1931 гг., а также в 1933 г. деятельность троек носила откровенно террористический характер и пресекала жизни десятков тысяч жертв, преимущественно из сельского населения. Однако сведения о каких-либо подробностях функционирования указанных троек, их персональном составе, карательной статистике находятся преимущественно на закрытом хранении и к настоящему времени известны исследователям намного хуже, чем работа аналогичных внесудебных учреждений

периода 1937–1938 гг. Ставшие доступными документы чекистской отчетности и аналитические записки по итогам первого карательного удара посредством особой тройки Полномочного представительства (ПП) ОГПУ по Сибкраю в ответ на крестьянское сопротивление коллективизации содержат ценные сведения об особенностях региональной карательной политики и влияния на нее местных чекистских руководителей, получивших исключительные полномочия на период коллективизации.

Чекистский террор 1930 г. был достаточно тщательно в техническом отношении подготовлен, поскольку созданная в конце декабря 1928 г. тройка при ПП ОГПУ по Сибкраю в течение всего 1929 г. усиленно занималась массовым внесудебным осуждением как уголовников-бандитов, так и (по ст. 58 УК РСФСР) зажиточных крестьян, торговцев,

Таблица 1

**Динамика поступления и рассмотрения дел тройкой ПП ОГПУ по Сибкраю
в феврале–мае 1930 г.***

Период	ПОСТУПЛЕНИЕ		РАССМОТРЕНИЕ	
	Дела	Участники, чел.	Дела	Участники, чел.
1-я десятидневка февраля	153	648	103	449
2-я десятидневка февраля	169	569	126	467
3-я десятидневка февраля	201	487	120	353
1-я десятидневка марта	295	878	341	958
2-я десятидневка марта	373	1 342	116	729
3-я десятидневка марта	474	1 457	406	1 093
1-я десятидневка апреля	406	1 314	265	745
2-я десятидневка апреля	217	1 424	124	1 064
3-я десятидневка апреля	243	1 252	289	1 067
1-я десятидневка мая	76	655	196	899
ВСЕГО с 1 февраля по 10 мая 1930 г.	2 607	10 026	2 086	7 824

* ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 220. Л. 143.

священников. Тройка состояла из руководящих работников ПП ОГПУ – помимо неперменного полпреда ОГПУ Л.М. Заковского, в 1929 г. в нее входили заместитель полпреда И.Б. Лернер и начальник Секретного отдела П.М. Кузьмин, причем двух последних могли заменять начальник Учетно-осведомительного отдела Г.А. Лупекин и начальник контрразведывательного отдела А.К. Залптер. Представители прокурорского надзора в лице краевого прокурора И.Д. Кунова или его помощников ставили свои подписи на протоколах заседаний тройки не под грифом «согласен», а лишь в качестве «присутствующих» [2, с. 133].

Состав тройки менялся. В конце 1929 г. Лернера заменил новый заместитель полпреда В.Н. Гарин, а вместо Кузьмина, отставленного за недостаточное карательное усердие и критику Заковского¹, в заседаниях в 1930 г. участвовали Лупекин либо Залптер [2, с. 135]. При вынесении приговоров участники тройки опирались на доклады уполномоченных краевого и окружных аппаратов ОГПУ по конкретным делам.

Массовая фабрикация чекистами дел в отношении «сельской контрреволюции» началась осенью 1929 г., одновременно со стремительно нараставшими выступлениями крестьянства против политики в деревне. Сибирские чекисты за вторую половину 1929 г. «зафиксировали» наличие в крае 15 «кулацких организаций» из 145 чел. и 140 «контрреволюционных группировок», включавших 1 089 участников. За октябрь–декабрь того же года они «изъяли» около 2,5 тыс. представителей «антисоветского актива», подлежащих осуждению тройкой при ПП ОГПУ и коллегией ОГПУ². О жестокости чекистских репрессий свидетельствовал высокий процент смертных приговоров: с 21 ноября 1929 г. по 21 января 1930 г. тройка рассмотрела 156 дел на 898 чел., из которых 347 (38,6 %) оказались приговорены к расстрелу [3, с. 89–92].

Однако крестьянское сопротивление нарастало, что вызвало новое резкое усиление террора. Если за январь 1930 г. сибирские чекисты арестовали 666 «контрреволюционеров»³, то в феврале–декабре среднемесячная цифра репрессированных оказалась втрое больше. В целях пресечения массовых протестов, доходивших до крупных восстаний, центральные власти в начале 1930 г. санкционировали осуществление местными органами ОГПУ широких внесудебных репрессий с применением массовых расстрелов. Созданная в соответствии с приказом союзного ОГПУ № 44/21 от 2 февраля 1930 г. особая тройка при ПП ОГПУ по Сибкраю приступила к работе 5 февраля. Заковский так комментировал суть проводившейся операции: «Основной задачей данной операции, предшествовавшей практическому осуществлению решений партии о коллективизации и ликвидации кулачества как класса, являлся разгром передовой, наиболее организованной, активной части деревенской контр-революции... лишение к-р. актива возможностей сколачивания крупных к-р. организаций и бандшак и предупреждения вероятного роста террористических актов со стороны неорганизованной части кулачества»⁴.

Чекистами Сибири с 1 января по 20 апреля 1930 г. было ликвидировано 50 «повстанческих организаций» с 3 935 участниками, 597 «группировок» с 5 049 участниками и 7 076 «контрреволюционных одиночек». За это же время под чекистским руководством в регионе было подавлено четыре восстания с 1 720 участниками, а также 135 массовых антисоветских выступлений и «волевок». Сотрудники окружных отделов ОГПУ арестовали 408 «кулаков», распродавших свое «подлежащее экспроприации имущество», а также 779 крестьян, бросивших хозяйства и попытку скрыться от произвола властей. Всего же за период с 1 января по 10 мая 1930 г. Заковский в своем отчете перед руководством ОГПУ насчитал 16 667 арестованных «активных участников»

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 220. Л. 133–134.

² Там же. Л. 127.

³ Там же. Л. 126.

⁴ Там же. Л. 141.

Таблица 2

**Социальный и профессиональный состав лиц, привлеченных тройкой ПП ОГПУ
по Сибкраю по ст. 58 УК РСФСР в феврале-мае 1930 г ***

Категория населения	Всего, %	Участники контррев. организаций	Участники контр- рев. группировок	Групповые дела	Одиночки
Кулаки	5 003 64	934	2 019	584	1 466
Зажиточные	249 3,2	111	82	19	37
Середняки	1 058 13,5	712	199	34	113
Бедняки	204 2,6	146	42	9	7
Батраки	14 0,2	9	2	3	—
Торговцы	188 2,4	53	73	9	53
Кустари	56 0,7	19	9	3	25
Служащие	149 1,9	63	44	7	35
Рабочие	16 0,2	13	3	—	—
Духовенство и сектанты	338 4,3	30	100	32	176
Бывшие белые офицеры	90 1,2	10	24	4	52
Прочие	459 5,8	87	171	51	150
ИТОГО:	7 824 100	2 187	2 768	755	2 114

* Составлено по: ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 220. Л. 144.

142 «контрреволюционных проявлений»⁵. За это же время на рассмотрение региональной тройкой поступило 2 607 дел на 10 026 чел., рассмотрено же было 2 086 дел на 7 824 чел.; Помимо указанных дел тройка рассмотрела и 707 дел на 2 826 уголовников, арестованных милицией (табл. 1)⁶.

В марте-апреле 1930 г. число рассмотренных тройкой дел было максимальным, а наказания за них – наиболее жестокими, причем значительная часть смертных приговоров выносилась только за агитацию против мероприятий власти (особенно часто за агитацию расстреливали священников)⁷.

Директива Заковского местному аппарату № 22 796 от 28 января 1930 г. о задачах и проведении массовой операции по «контрреволюционному активу» гласила, что «основным объектом нашего оперативного удара является исключительно кулачество и махровые, блокирующиеся с ним контрреволюционно настроенные элементы – белогвардейщина, белобандиты и проч.»; аресты середняков и бедняков без крайней необходимости категорически воспрещались⁸. Установку о приоритетности репрессирования прежде всего «активного кулачества» Заковский подкрепил данными, сведенными в таблицу за отчетный период (табл. 2).

Однако, судя по доступным нам документам некоторых следственных дел, чекисты не особенно утруждали себя проведением четких социальных градаций внутри крестьянства. В частности, из дела «террористической повстанческой организации» в Коченевском районе, 59 (84 %) из 70 участников которой были 8 марта 1930 г. осуждены тройкой к расстрелу, следует, что один из фигурантов, В.Ф. Слесарев, значился «раскулаченным» посмертно – в 1931 г. [4, с. 378].

Середняков и бедняков арестовывали в основном как участников стихийных «бандвыступлений». При этом следственные материалы на «повстанческие организации» и «группировки» свидетельствовали, по признанию самого Заковского, что их причиной являлись «перегибы и искажения» в ходе коллективизации. Особенно резко протестные выступления нарастали в течение марта 1930 г.: с 1 по 10 марта – 16 выступлений (2 200 участников), с 11 по 20 марта – 34 (4 500 участников), с 21 по 31 марта – 42 (6 100 участников). Хотя в составе протестовавших преобладали женщины⁹, ответные карательные мероприятия обрушились преимущественно на мужское население.

Оценивая ход проводимой операции, Заковский констатировал, что за февраль и первую половину марта окружными отделами ОГПУ были репрессированы «основные кадры к-р. актива, объединенные в организации и группировки... и разрабатывавшиеся нами ранее, а также к-р. одиночки, состоявшие на активном учете АСЭ (антисоветские элементы. – А. Т.)». Затем, до мая 1930 г., аресту подвергались члены «вновь возникших и выявленных в процессе операции организаций и группировок». В трактовке Заковского указанная часть заговорщиков к моменту ареста еще не успела развернуть своей деятельности, а потому и репрессировались превентивным образом «организационно не оформившиеся кулацко-антисоветские группировки, что конечно, не исключает их общей к-р. активности»¹⁰.

Большинство различных категорий осужденных (кулаки и зажиточные, торговцы и кустари, служащие и пр.) прошли через рассмотрение на тройке по групповым делам. Максимальную долю «контрреволюционных одиночек» дали белые офицеры (57,7 % осужденных), а также духовенство и сектанты. Многочисленные группировки делились пол-

⁵ Там же. Л. 141–142.

⁶ Там же. Л. 146.

⁷ Там же. Л. 116, 134.

⁸ Там же. Л. 144.

⁹ Там же. Л. 115.

¹⁰ Там же. Л. 146.

Таблица 3

Данные о приговорах тройки ПП ОГПУ по Сибкраю за февраль–март 1930 г.*

Категория	Всего, чел.	Высшая мера наказания	Концлагерь, 10 лет	Концлагерь, 5 лет	Концлагерь, 3 года	ИТД	Высылка	Прочие
Контрреволюционеры одиночки	1654	$\frac{279}{16,8}$	$\frac{501}{30,2}$	$\frac{470}{28,5}$	$\frac{43}{2,5}$	$\frac{8}{0,4}$	$\frac{239}{14,4}$	$\frac{114}{7,2}$
Участники контрреволюционных организаций и группировок	2395	$\frac{1468}{61,2}$	$\frac{370}{15,4}$	$\frac{298}{12,4}$	$\frac{18}{0,6}$	$\frac{4}{0,1}$	$\frac{116}{4,8}$	$\frac{121}{5,5}$
Всего с 1 фев. по 1 апр. 1930 г.	4049	$\frac{1747}{43,1}$	$\frac{871}{21,5}$	$\frac{768}{18,9}$	$\frac{61}{1,5}$	$\frac{12}{0,3}$	$\frac{355}{8,7}$	$\frac{235}{6,0}$

* ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 220. Л. 153.

** В числителе – чел., в знаменателе – %.

предом на три категории: «срывательские», действовавшие против мероприятий властей, с активным участием духовенства; повстанческие; террористические, состоявшие из 5–6 участников, частью с помощью выпивки или подкупа натравленные кулаками на расправу с советскими сельскими активистами¹¹.

В чекистской интерпретации в основном «организации» возникали стихийно, но некоторая часть деревенских и абсолютное большинство городских контрреволюционных «заговоров» за счет участия офицеров и членов антисоветских партий носили «более продуманный характер», делясь на тройки и пятерки, имея шифры, пароли и клички¹². Городские «организации» стремились возглавить «деревенскую контрреволюцию» и предпринимали «единичные слабые попытки найти единую политическую платформу для идейной консолидации всех к-р. сил». В качестве примеров Заковский назвал ликвидированную в конце 1929 г. омскую «Партию народного права», действительно включавшую несколько активистов, напечатавших и распространивших сотни резких антиправительственных листовок от имени этой партии (81 участник осужден 23 апреля 1930 г., в том числе 6 – к высшей мере наказания; все впоследствии реабилитированы [5, с. 211–214], а также некую «Партию народной воли»¹³.

В ходе коллективизации один из уполномоченных, посланных в Барнаульский округ, запугивал крестьян такими словами: «Всех не желающих входить в колхоз арестовывают и сажают, а так как тюрьмы переполнены, то ежедневно расстреливают, чтобы долго не задерживать»¹⁴. Реальность была такова, что угрозы мелкого чиновника оказались страшной правдой. Официально Центром давалась установка расстреливать «наиболее активных контрреволюционеров» – организаторов «заговоров» и восстаний. Однако Заковский, игнорируя запрет Г.Г. Ягоды расстреливать за «контрреволюционную агитацию», утвердил расстрел 10 % всех священников (их насчитывалось в крае примерно 2 000 чел.)¹⁵.

Таким образом, в разгар «кулацкой операции» расстреливали 43,1 % осужденных тройкой, причем участники «организаций» казнили в 1,5 раза интенсивней, нежели «одиночек»: приговоренных к высшей мере наказания среди них насчитывалось 61,2 % (табл. 3). Эти цифры свидетельствуют о том, что сибирский террор февраля и марта 1930 г. (в процентном отношении расстрелянных к общему количеству осужденных) практически не уступал размаху куда более известной «кулацкой операции» 1937–1938 гг.

Заковский учитывал, что в эти же месяцы продолжалось интенсивное строительство системы СибУЛОН ОГПУ. Интересы лагерных подразделений диктовали прагматический подход к судьбам пожилых осужденных. Полпред рапортовал, что «при вынесении решения о сроке заключения в концлагерь... Тройка по вполне понятным причинам строго руководствовалась данными о его возрасте и трудоспособности»¹⁶. На деле это обстоятельство обрекало на расстрел часть лиц старшего возраста, подобная аналогия просматривается в действиях Заковского весной 1938 г., когда он дал указание о расстреле в Московской области 1 160 инвалидов, чтобы не «загромождать» лагерную систему нетрудоспособными [6, с. 115–126]. Правда, рассматривая дела на «кулаков», Заковский подчас был вынужден поправлять излишне ретивых подчиненных. Так, допрашивая в марте 1930 г. 80-летнего М. Пирогова, уполномоченный учетно-осведомительного отдела ПП ОГПУ Я.А. Пасынков записал, что фактически «допрос не произведен вследствие абсолютно невменяемых ответов на задаваемые вопросы». Непригодный ни к даче показаний, ни к труду в концлагере Пирогов по рапорту следователя был осужден к расстрелу, который тройка ОГПУ отменила 15 марта 1930 г., сославшись на болезненное состояние и преклонный возраст Пирогова [4, с. 377]. Вместе с тем Заковский уверял руководство ОГПУ, что во время «кулацкой операции» грубых нарушений процессуальных норм не наблюдалось, а задержки с рассмотрением дел объяснял якобы тщательным ознакомлением с поступавшими делами и нехваткой квалифицированных оперативников, значительная часть которых была в тот период откомандирована для усиления аппаратов окружных отделов ОГПУ¹⁷.

¹¹ Там же. Л. 146, 151–153.¹² Там же. Л. 149–150.¹³ Там же. Л. 151.¹⁴ Там же. Л. 114.¹⁵ Там же. Л. 129.¹⁶ Там же. Л. 156.¹⁷ Там же. С. 142–143.

За апрель и первую декаду мая тройка осудила 2 233 участника «организаций», из которых к расстрелу было приговорено 752 чел., или 33,6 % (доля осужденных к ВМН «контрреволюционных одиночек» за то же время снизилась до 7,3 % – 113 чел. из 1542). Всего за февраль–апрель и первую декаду мая по контрреволюционным делам тройка осудила 7 824 чел., в том числе к высшей мере наказания – 2 611 (33,5 %), заключению в концлагерь – 3 467 (44,4 %), ссылке в северные районы – 853 (10,9 %), заключению в ИТД – 14 (0,15 %). Всего изолировали 6 945 чел. (88,95 %); из них получивших условные приговоры было 7,7 %, освобожденных – 1,35 % и тех, чьи дела оказались направлены на следствие, – 1,6 %.

Таким образом, ряд формальных юридических процедур соблюдался: среди привлеченных 9 % смогли избежать лишения свободы. Кроме того, на 16 чел. дела были выделены в особое производство (возможно, на сексотов, которых таким способом укрывали от разоблачения). Два дела на 120 чел., подготовленные Бурят-Монгольским облотделом ОГПУ, оказались возвращены на следствие в связи с неполнотой следствия. Среди них было заведено дело на «Партию национальной интеллигенции», якобы созданную осенью 1928 г. в Олойском булуке бывшим судебным работником Н. Васильевым из 9 «повстанческих ячеек» (86 чел.), будто бы занимавшихся срывом мероприятий власти и распространением ложных слухов¹⁸.

Чекисты Сибири продолжали фабриковать «дела» на тысячи «заговорщиков». С мая 1930 г. в большинстве районов Сибири остро не хватало продовольствия, и протест голодных людей рассматривался как проявление организованного враждебного отношения к власти. В мае 1930 г. по Сибкраю фиксировалось 31 протестное выступление, в июне – 26. За первые пять дней июля чекисты отметили 7 массовых выступлений, из которых 5 возникли на почве «продзатруднений», а 2 – с целью защиты «кулаков» от выселения¹⁹. В ходе уборочной кампании чекисты (по состоянию на 20 сентября 1930 г.) арестовали 4 391 чел. Они ликвидировали 25 «контрреволюционных организаций» с 1 155 участниками, среди которых богатые крестьяне оказались даже в меньшинстве (410 «кулаков», 489 середняков, 151 бедняк и т.п.; среди арестованных были 8 бывших коммунистов и 43 красных партизана). За тот же период было «разгромлено» 46 «группировок» с 406 участниками (216 «кулаков», 122 середняка, 12 бедняков, 22 служащих, 7 красных партизан). Из 379 арестованных «антисоветских одиночек» насчитывалось 234 «кулака», 48 середняков, 5 бедняков, 13 представителей духовенства, 5 красных партизан. Кроме того, был арестован 2 451 «раскулаченный», бежавший из ссылки. 22 сентября

1930 г. Заковский сообщал на Лубянку, что он переключил аппарат на «борьбу с бегством кулачества с мест расселения, усиление агентурной работы [по] к-р. элементу в городе и деревне, усиление инфработы [по] текущим кампаниям»²⁰.

Несмотря на некоторое снижение интенсивности террора в середине и второй половине 1930 г., тройка под руководством Заковского сохраняла крайне высокий процент приговариваемых к высшей мере наказания. Итоговые цифры в Западной Сибири в 1930 г. оказались самыми высокими по стране: к расстрелу было приговорено 4 762 чел. из 16 553 осужденных (28,8 %). Если учесть расстрелянных тройками в ВСК (руководитель тройки И.П. Зирнис) и Якутии (руководитель тройки Ф.С. Трубицын), то общее число жертв в Сибири насчитывало 5 127 чел. [7, с. 287], или 25,4 % от числа расстрелянных по СССР. Население Сибири в 1930 г. составляло 9,7 млн чел., или 6 % от населения страны (160 млн чел.). Тем самым удельный вес осужденных тройками в Сибири более чем в 1,5 раза, а расстрелянных – более чем в 4 раза превышал средний общесоюзный показатель. Наиболее драматическим в Сибири стал период с февраля по начало мая 1930 г., когда было расстреляно 2,6 тыс. чел. Этот террор сломил крестьянское повстанчество и сопротивление режиму в целом, но не смог уничтожить их совершенно. О сохранении протестного потенциала в регионе свидетельствовали многочисленные выступления, а также несколько крупных крестьянских восстаний 1931–1933 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козин Е.В. Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917–1953 гг. М., 2011.
2. Папков С.А. Тройки ОГПУ–НКВД в Сибири в сталинскую эпоху (1925–1938 гг.) // Власть и общество в Сибири в XX веке : сб. науч. стат. Новосибирск, 2010.
3. Исаев В.И., Угроватов А.П. Правоохранительные органы Сибири в системе управления регионом (1920-е гг.). Новосибирск, 2006.
4. Тепляков А.Г. Дело коченевских «крестьян-повстанцев» // Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Новосибирск, 2005. Вып. 1.
5. Якунин Ю.А. Черное и белое. Омск, 1990.
6. Осипова И. Пять дел // Сопротивление в ГУЛАГе: Воспоминания. Письма. Документы / сост. С.С. Виленский. М., 1992.
7. Мозохин О.Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М.; Жуковский, 2006.

Статья поступила
в редакцию 01.12.2011 г.

¹⁸ Там же. С. 158–160.

¹⁹ Там же. Л. 62, 59.

²⁰ Там же. Л. 32.

УДК 621.039(571.6)

И.М. САВИЦКИЙ

**ВКЛАД ОБОРОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СИБИРИ В СОЗДАНИЕ
РАКЕТНО-КОСМИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ В УСЛОВИЯХ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»
(1946–1965 гг.)**

Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск

В статье рассматривается деятельность правительства, научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций по созданию ракетной техники. Раскрывается организация производства на предприятиях Сибири зенитно-управляемых ракет, морского базирования, космических аппаратов, ракетного топлива и многих видов техники и аппаратуры, в том числе электронных и полупроводниковых приборов.

Ключевые слова: научно-исследовательские институты, конструкторские бюро, ракеты, ракетное топливо, производство, техника, приборы, Сибирь.

История развития ракетной техники и космонавтики знает немало авторов, изучающих ее, но основоположником научной космонавтики считается великий русский ученый К.Э. Циолковский. Достойным продолжателем его идей является Ф.А. Цандр. Талантливый механик-изобретатель – наш земляк Ю.В. Кондратюк в своих двух книгах вывел основное уравнение движения ракет, дал принципиальную схему и описание четырехступенчатой ракеты, работающей на кислородо-водородном топливе.

Для исследования проблемы ракетостроения и космонавтики постановлением Совета труда и обороны СССР от 31 октября 1933 г. образован Реактивный научно-исследовательский институт (РНИИ), ныне Исследовательский центр им. М.В. Келдыша, первая в мире научно-исследовательская организация по разработке ракетной техники. Возглавлял институт И.Т. Клейменов, а его заместителем был С.П. Королев [1, с. 9, II].

В первые послевоенные годы правительство, принимая программу по ракетному вооружению, поставило перед конструкторами и производственниками очень сложную задачу – ориентироваться на создание ракет дальнего действия. Все понимали, что для этого необходимо овладеть не только последними достижениями науки, но и развить их до практического создания этой техники. В мае 1946 г. на базе Артиллерийского завода № 88 в Подлипках был создан Государственный союзный НИИ-88 по ракетному вооружению с проектно-конструкторской и производственной базой. Начальником и главным конструктором отдела Специального конструкторского бюро (впоследствии преобразованного в ОКБ-1), где должны создаваться мощные баллистические ракеты, стал С.П. Королев.

В данной статье предпринята попытка раскрыть деятельность научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций по созданию ракетно-космической техники, а также показать развитие производства этой техники на реконструированных действующих и вновь построенных предприятиях, результаты их работы во второй половине 1940-х – первой половине 1960-х гг.

Первая баллистическая ракета дальнего действия Р-1, созданная в ОКБ-1 под руководством С.П. Королева, полигонное испытание прошла 18 октября 1947 г., пролетев около 300 км, попала в заданную цель. К этому времени относится встреча военных деятелей и ученых с И.В. Сталиным, следившим за ходом создания ракетно-ядерного оружия. С.П. Королев, И.В. Курчатов, М.И. Неделин доложили об исследованиях, решении организационно-производственных проблем и внесли конкретные предложения. С.П. Королев об этой встрече вспоминал: «Мне было поручено доложить о разработке новой ракеты. Особенно с пристрастием он спрашивал о точности полета ракеты в цель». Его поддержка в области ракетостроения в те времена значила многое, и С.П. Королев в полной мере использовал эту поддержку, работая во всю силу своего творческого потенциала.

Решением Совета министров СССР от 28 ноября 1950 г. комплекс с Р-1 принят на вооружение, сразу же была сформирована ракетная часть. Военные и историки считают, что этим ознаменован новый этап в развитии отечественных средств обороны страны. 2 февраля 1956 г. впервые в мире прошла испытание баллистическая ракета Р-5-М с ядерной боеголовкой, которая положила начало созданию ракетно-ядерного щита СССР [1, с. 24, 33; 2, с. 401, 420; 3, с. 174–175]. 21 августа 1957 г. была успешно испытана межконтинентальная баллистическая ракета Р-7, разработанная ОКБ-1, ее головная часть долетела до Камчатки и упала в заданном районе. Выступая на торжественном заседании АН СССР, посвященном 100-летию К.Э. Циолковского, С.П. Королев подчеркнул, «в Советском Союзе проведено успешное испытание сверхдальной, межконтинентальной, многоступенчатой баллистической ракеты. Полученные результаты показывают возможность пуска ракет в любой район земного шара».

В области ракетостроения СССР вышел вперед по сравнению с США благодаря мощной концентрации ученых, производства и принятию решения о приоритетном развитии ракетной техники руководством страны. Напротив, в США

одержало верх «авиационное лобби», и проект развития ракетной техники после неудачных пусков был заморожен. К серьезным разработкам в этом направлении американцы вернулись только в 1952 г., а советские ракетчики тем временем ушли далеко вперед.

На базе ракеты Р-7 коллективом ОКБ-1 создана трехступенчатая ракета-носитель «Восток», которая 4 октября 1957 г. на околоземную орбиту вывела первый в мире искусственный спутник Земли, а 12 апреля 1961 г. – первый в мире пилотируемый космический корабль «Восток» с Ю.А. Гагариным на борту [4, с. 8; 5, с. 97–98].

Космическая ракета представляет собой сложное сооружение, состоящее из тысяч деталей, каждая из которых выполняла предназначенную ей роль. Так, в отработке технологических систем и освоении в серийном производстве баллистической ракеты Р-2 принимало участие 24 ОКБ и НИИ, 90 заводов. Поэтому в связи с созданием новых типов ракеты и развитием их массового производства, особенно межконтинентальных баллистических ракет, начиная с 1949 г. строилось много новых заводов и лабораторий по разработке и производству ракетной техники. Решениями правительства предусматривалось первоочередное финансирование, привлечение необходимого количества ученых, конструкторов и квалифицированных рабочих. Основными центрами строительства стали Челябинск, Свердловск, Новосибирск, Саратов и некоторые другие города. В сентябре 1956 г. конструкторское бюро, возглавляемое С.П. Королевым, выделено из состава НИИ в самостоятельное ОКБ с передачей ему опытного завода. С.П. Королев стал начальником и главным конструктором крупнейшей в стране ракетной организации [3, с. 175, 174; 1, с. 28, 30, 35].

Для производства ракетной техники нужны были хорошо механизированные и в какой-то мере автоматизированные предприятия. Для этой цели в основном использовались после реконструкции предприятия оборонных отраслей промышленности. Кроме того, сооружалось значительное число новых заводов, особенно радиотехнической, судостроительной и химической промышленности.

На предприятиях Новосибирской области производился широкий спектр продукции для ракетной техники, вплоть до ракет наземного базирования. Два завода (№ 564 и № 677) выпускали в большом количестве для различных видов ракет самые сложные приборы, радиолокационные взрывательные устройства¹. Новосибирский приборостроительный завод по предложению С.П. Королева в 1956 г. разработал оптико-электронный прибор, определяющий коррективную при залповой стрельбе баллистическими неуправляемыми ракетами «Коршун» класса «земля – земля», а в начале 1960-х гг. начал выпускать тепловые головки самонаведения для ракет, которые занимали 16 % в общем производстве завода [6, с. 131–136].

В июне 1958 г. ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли постановление о создании в Бийске Научно-исследовательского института (НИИ-9), в 1970 г. он преобразован в научно-производственное объединение «Алтай», которому в 1997 г. присвоен статус Федерального научно-производственного центра «Алтай». Первым, с кем начал работать институт, являлось ОКБ-1; были созданы заряды для первой в СССР твердотопливной межконтинентальной баллистической ракеты РТ-2 и много других видов техники.

В дальнейшем коллектив участвовал в создании межконтинентальной баллистической ракеты «Воевода», которую на заводе называли «Сатаной» за мощность и неуловимость. В составе ракеты более 20 двигателей, институт разработал для них твердое топливо и заряды.

Основным оружием на подводных лодках были ракеты «Тайфун», которые разрабатывало СКБ-385 В.П. Макеева совместно с НИИ-9. Имея такое вооружение, СССР стал существенно превосходить США в ответном ударе. Четыре разработки коллектива центра удостоены Ленинской премии. Лауреатами Государственной премии СССР и России являются 33 сотрудника, лауреатами премии Совета министров СССР и правительства 25 сотрудников [7, с. 94–99].

В 1950-е гг. в г. Куйбышеве Новосибирской области был построен завод № 227, который изготавливал ракетное топливо. Только в первой половине 1960-х гг. производство гептила увеличилось в 2 раза². Производство ракетного топлива осуществлялось на Кемеровском комбинате «Прогресс».

В соответствии с Постановлением Совета министров СССР от 10 октября 1959 г. были определены головные и привлекаемые заводы для производства наземного оборудования для ракетной техники, в число которых входили комбинат № 179 и завод № 644. Комбинат № 179 массово производил заправщики ракет окислителем, а завод № 644 – электротехническое оборудование и энергетические установки. Кроме того, комбинат освоил выпуск зенитных ракет В-600П, а в последующие годы перешел на изготовление ракет В-860, а также производил отдельные узлы зенитных управляемых ракет для систем С-125. Новосибирский завод № 590 выпускал бортовую аппаратуру радиоуправления для ракет В-600. С целью снаряжения боевых частей ракет, которые производились на предприятиях Сибирского региона с 1956 г. южнее г. Искитима Новосибирской области сооружался крупный снаряжательный завод № 851 Министерства оборонной промышленности [8, с. 69, 205, 144, 147].

Спутники, сложность которых возрастала год от года, С.П. Королев передал М.Ф. Решетневу, организовавшему в Красноярске-26 в 1950 г. мощное конструкторское бюро (ОКБ-10) как филиал ОКБ-1. Его возглавлял академик М.Ф. Решетнев. Ныне это Производственное объединение прикладной механики им. академика М.Ф. Решетнева.

Ракету-носитель 11К65 разработало ОКБ «Южное», но в связи с большой загрузкой боевой техникой, выпуск рабочей документации для РН-11К65 и дальнейшие работы по удовлетворению требований Министерства обороны СССР были возложены на ОКБ-10. В 1965–1967 гг. ОКБ-10 провело модернизацию ракеты-носителя 11К65М с целью повышения ее энергетических характеристик и улучшения тактико-технических данных и 16 июля 1965 г. осуществил первый пуск этой ракеты-носителя.

С полигона Байконур направлены на круговую орбиту 550 км спутники «Космос-71, 72, 73, 74, 75». Впервые в истории космонавтики благодаря одной ракете-носителю в космосе оказалось пять спутников, о выведении новых спутников «Космос-80, 81, 82, 83, 84» на круговую орбиту 1 500 км сообщено ТАСС 3 сентября 1965 г. и «Космос-86, 87, 88, 89, 90» – 18 сентября 1965 г. Так началась успешная работа ракеты-носителя 11К65М, которая вывела на различные орбиты около тысячи искусственных спутников Земли различного назначения в интересах Министерства обороны.

¹ ГАНО. Ф. Р-1653. Оп. 6. Д. 210. Л. 78; Д. 276. Л. 102–104.

² Там же. Д. 591. Л. 247–248, 398.

Первые 14 носителей 11К65М изготовлены на механическом заводе ОКБ-10 с участием Красноярского машиностроительного завода. Далее их выпуск был полностью передан на Красмашзавод, а в 1970 г. – на ПО «Полет» (г. Омск), где они производились в последующие годы.

С 1959 г. Красноярский завод «Красмаш» работал в едином комплексе с ОКБ-10 по организации опытно-конструкторских работ и изготовлению ракетно-космической техники. В 1964 г. совместными усилиями освоено производство ракет-носителей для выведения на орбиту легких спутников. В это время СКБ-385 В.П. Макеева развернуло сотрудничество с «Красмашем», совместно с ОКБ-10 они освоили производство баллистических ракет морского базирования, оснащенных ядерными боеголовками [9, с. 12–13; 2, с. 754; 5, 290–291].

2 июня 1958 г. ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли постановление о строительстве в Бердске, Барнауле и Томске заводов судостроительной промышленности для производства гироскопических приборов. В 1962 г. Бердский электромеханический завод начал выпуск высокоточных гироскопических приборов и комплектов гидроазимутгоризонта для ракет 8К-63 и 8К-64. В 1963 и 1964 гг. их изготовление и производство другой бортовой аппаратуры для ракет велось высокими темпами. Гироскопические и многие другие приборы производились на Барнаульском электромеханическом, Томском приборостроительном и Омском № А-142 заводах вначале для ракет морского базирования, а затем для различных ракетных систем. Омский моторостроительный завод им. П.И. Баранова № 29 производил в большом количестве двигатели для ракетной и авиационной техники. В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР «Об организации серийного производства изделия 8К81 (ракетной техники) и выпуска головной серии в 1964 г.» заводы № 166, № 29 и № 20 осуществили реконструкцию и подготовили производство для выпуска этих изделий³.

Большой вклад в разработку ракетной техники вносил Новосибирский НИИ электронных приборов, созданный в 1949 г. Институт разработал изделия для зенитно-ракетного комплекса «Круг», зенитно-ракетных комплексов С-300, С-300В, «Тор» и др. [10, с. 29–30]. На Сибирском научно-исследовательском институте авиации им. С.А. Чаплыгина

производилось испытание ракет на прочность. В 1950-х – первой половине 1960-х гг. в Новосибирске основан один из крупнейших центров радиотехнической и электронной промышленности страны, предприятия которого производили четвертую-пятую часть электронных и полупроводниковых приборов для различных систем ракетного вооружения.

Президиум Верховного совета СССР Указом от 17 июня 1961 г. наградил орденами и медалями за успешное выполнение специального задания по созданию образцов ракетной техники космического корабля-спутника «Восток» и осуществление первого в мире полета этого корабля с человеком на борту 14 инженеров, техников и рабочих новосибирских заводов № 617, № 455, № 564, № 644⁴.

Таким образом, по мере создания ракетно-космической техники в Сибири реконструировались действующие предприятия оборонной промышленности, сооружались новые заводы. Здесь в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. осваивали производство и выпускали баллистические ракеты морского базирования, ракеты-носители спутников, ракеты для зенитно-ракетных комплексов, а также изготавливали различную наземную технику, ракетное топливо, внося заметный вклад в создание ракетно-ядерного щита СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уманский С.П. Ракеты-носители и космодромы. М., 2001.
2. Голованов Я. Королев: факты и мифы. М., 1994.
3. СССР и холодная война / под ред. В.С. Лельчука и Е.И. Пивовара. М., 1995.
4. Из истории авиации и космонавтики. М., 1966. Вып. 4.
5. Быстрова И.В. Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны (вторая половина 1940-х – начало 1960-х гг.). М., 2000.
6. Точный прицел. История Новосибирского приборостроительного завода им. В.И. Ленина (1905–2005). Новосибирск, 2005.
7. Бийский вестник: Литературно-художественный научный историко-просветительский альманах. Бийск, 2009. № 1–2.
8. Савицкий И.М. Оборонная промышленность Новосибирской области. Опыт послевоенного развития (1946–1963 гг.). Изд. 2-е. Новосибирск, 2003.
9. Железногорск. Красноярск, 2000.
10. Топорков В. 55 лет поиска и созидания. Новосибирск, 2005.

Статья поступила
в редакцию 1.12. 2011 г.

³ Там же. Д. 364. Л. 4; Д. 507. Л. 11, 43; Д. 586. Л. 2, 18; Д. 633. Л. 1–2; Д. 535. Л. 140–142, 147, 154; Д. 670. Л. 373–374; Д. 534. Л. 153–165; Д. 675. Л. 5–8; Ф. Р-11. Оп. 4. Д. 254. Л. 162–163.

⁴ Там же. Ф. Р-1653. Оп. 6. Д. 337. Л. 90–91.

УДК 001:069.02

О.Н. ШЕЛЕГИНА

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ АДАПТАЦИИ МУЗЕЕВ СИБИРИ К УСЛОВИЯМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

канд. ист. наук
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: oshelgina@yandex.ru

В статье выделены основные направления адаптации музеев Сибири к условиям глобализации: музеефикация материального и нематериального наследия с целью сохранения региональной идентичности, развития этнокультурного туризма, формирование современного дискурса науки, культуры, образования для эффективной социокультурной адаптации населения; использование информационных технологий для интеграции в региональное социокультурное пространство, мировое музейное сообщество.

Ключевые слова: глобализация, музеи Сибири, музеефикация объектов наследия, информатизация, интеграция, мировое музейное сообщество.

Процесс глобализации, начавшийся во второй половине XX в., получил дальнейшее развитие в XXI в. Характерная черта глобализации – превращение мирового сообщества в мировое общество, а признаки – формирование мирового рынка, политики, коммуникаций, культурной стандартизации, в том числе однородной потребительской культуры, ценностей потребления, а также космополитического образа жизни; рост межконтинентальных структур, международного туризма. Глобализация активизирует адаптивные процессы в разных культурах, национальных образованиях, государствах, мировой системе в целом [1, с. 10, 15–30].

Проблемы адаптации, прежде всего социальной, приобретают многоаспектную теоретическую и прикладную актуальность. Социальная адаптация, по определению Л.В. Корель, «есть состояние приспособления или же процесс приспособления социальной системы (личности, социальной группы, организации, общности, института, общества, цивилизации и т. д.) к внутренним и внешним изменениям, происходящим путем изменения как социальных стереотипов поведения, социальных практик, ценностей, способов информационно-интерпретативного отражения (конструирования, реконструирования) реальности, так и внутренней ее структуры и функций» [Там же, с. 39]. Музей является средством и образной моделью способа адаптирования человека к культуре через восстановление целостности мировосприятия, что помогает человеку ориентироваться в мире реальном, адаптироваться в нем, решать свои проблемы. Музей, по заключению Т.А. Алешиной, воплощает адаптивные функции посредством объединения в себе интеллектуально-аналитического (науки) и эмоционально-образного (искусства) начала; сакрализации рационального и рационализации сакрального в сознании; единства непосредственной и опосредованной коммуникации; пространственно-временного континуума, создаваемого музеем; декларирования принципа междисциплинарности, высокого уровня синергизма всех форм и способов освоения действительности» (см. [2, с. 16–17]).

На современном этапе мирового развития музеи являются своеобразными перекрестками основных трансформационных направлений в глобальной экономике, окружающей среде, социокультурными институтами, актуализирующими историко-культурное наследие как национальный стратегический ресурс. Музеи формируют гражданское самосознание и единое культурное пространство нашей страны. Их роль в современном обществе связана прежде всего с поддержанием традиций, культурной рефлексией, самоидентификацией и социальной адаптацией населения в условиях глобализации [3, с. 7]. Наиболее актуальными в этой связи для музеев представляются две задачи: помочь предыдущим поколениям адаптироваться к происходящим переменам и помочь младшим поколениям понять и даже принять «прошлую жизнь» [4, с. 10–15].

Музеи должны адекватно реагировать на глобализационные процессы в области культуры (рост международного общения, распространение английского языка, усиливающееся влияние Интернета, развитие международного туризма), корректировать формы и методы работы [5], в том числе направленные на представление традиционных систем жизнеобеспечения, органичное сочетание культурного разнообразия и региональной идентичности, социально-ориентированный диалог с посетителями на основе информационных технологий [6].

Музеи Сибири в исторической динамике (с последней трети XIX до начала XXI в.) накопили значительный адаптационный потенциал и опыт, стали своеобразными адаптивно-адаптирующими системами микро- и мезоуровня, развитие которых детерминировано государственными и общественными потребностями и действиями в сфере регионального историко-культурного наследия. Ими достаточно успешно использовались институциональные, нормативно-регулятивные и личностные средства, ревитализационные и инновационно-презентативные модели адаптации [7].

Адаптация музеев Сибири к условиям глобализации связана с музеефикацией материального и нематериального

наследия коренных народов Сибири, созданием особо охраняемых территорий, формированием и функционированием средовых музеев, разработкой и реализацией новых форм научно-образовательной и досуговой деятельности, развитием этнокультурного туризма. Практика показала, что наиболее адаптированной к природным, социальным, этническим условиям формой музеефикации территории региона оказались экологические музеи как важное средство идентификации современного этноса с его культурными традициями и природным окружением. Наиболее интересные проекты были реализованы и успешно развиваются в Ханты-Мансийском округе (этнографический музей-заповедник «Торум Маа»), историко-культурный и экологический центр Мегион, экомузей г. Лянтора, музей Мах-Сир Ях (музей рода Бобра), в Ямало-Ненецком округе (парк-музей «Живун»), в Кемеровской области (экомузей Притомья: шорский «Тазгол», телеутский «Чолкой», «Тюльбергский городок»), музей-заповедник «Томская писаница»), в Иркутской области (архитектурно-этнографический музей «Тальцы»), в Республике Бурятия (Этнографический музей народов Забайкалья). Экомузеи, по оценке В.М. Кимеева, способны инициировать изменения в социально-экономической сфере (создание новых рабочих мест, инфраструктуры, развитие туризма), они становятся национально-культурными, учебно-научными и природно-рекреационными центрами [8].

Важное геополитическое значение приобрело создание в 2003–2007 гг. в республиках Южной Сибири – на Алтае, в Хакасии и Туве, располагающих значимым в мировом масштабе культурным фондом народов Саяно-Алтая, особо охраняемых территорий и их музеефикация [9]. На территории России и Монголии в рамках международного проекта «Убсунурский бассейн – объект всемирного наследия ЮНЕСКО» наиболее перспективной признана музеефикация котловины оз. Уурэг-нуур с уникальными археологическими объектами и памятниками этнокультурного наследия современного населения котловины – кочевых дербетов [10]. Дальнейшие перспективы музеефикации связаны с включением музеев Сибири в крупные международные проекты, предполагающие презентацию археологического, этнографического и природного наследия Центральной Азии.

В условиях глобализации этнологическое музееведение, как направление историко-культурологических исследований, позволяет целенаправленно осуществлять трансляцию культурного наследия, активизировать этническое самосознание. В музее происходит культурная самоидентификация личности в процессе ощущения ею принадлежности к родной культуре и сопоставления ее с другими [11, с. 123]. Миссия Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника понимается следующим образом: «Содействовать единению общества, приобщая людей к познанию истории и сохранению культуры народов Западной Сибири». Региональная идентичность, по мнению В.А. Тишкова, «призвана обнаружить тесные связи, укореняющие местные сообщества и отдельных людей, процедуры самоидентификации, в которых образ региона может предстать как образы населяющих эту территорию людей» [12, с. 10]. Музей всегда «вписан» в социокультурную среду, и личность с его помощью увеличивает свои адаптационные возможности относительно реально существующих социокультурных процессов. Социокультурная адаптация в этой связи рассматривается как наследование и актуальное использование обычаев, норм поведения, знаний и традиций,

выработанных и функционировавших в рамках соответствующих социальных институтов, реализующихся в личной и общественной жизни.

В настоящее время важную роль в трансляции региональной и этнической идентичности, социокультурной адаптации населения играют музеи под открытым небом, музеи-заповедники – посредством комплектования, хранения, изучения и популяризации этнографических коллекций, презентации традиционных систем жизнеобеспечения и культуры жизнедеятельности, адаптации традиционных форм научно-просветительной работы к новым социокультурным запросам населения. Самые известные из них в России и за рубежом: Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское», Всероссийский мемориальный музей-заповедник В.М. Шукшина в с. Сорстки Алтайского края, Музей под открытым небом Института археологии и этнографии СО РАН. Следует отметить, что Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока Института археологии и этнографии СО РАН создал экспозицию по культуре жизнеобеспечения автохтонного населения Сибири как образную модель трехмерной экосоциальной адаптации «человек – природа – общество». Успешный результат отражения музейными средствами комплексного использования природно-средовых особенностей региона, процессов гибкой экологической и социокультурной адаптации может быть весьма значим для краеведческих музеев Сибирского региона с полиэтничным населением. Высокий социокультурный эффект имеют реализованный в Музее СО РАН совместно с Общественным объединением якутян в г. Новосибирске проект «Изучение и расшифровка экологической сущности эпоса Олонхо в целях приобщения молодежи и населения Сибири, России к редчайшему памятнику мировой культуры», создание сотрудниками Музея истории академической науки Республики Саха (Якутия) им. Г.П. Башарина Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН «Аудиовизуальной энциклопедии культурного наследия народов Северной Азии». Информационная система «Культура жизнеобеспечения русского населения Сибири», разработанная в Институте истории СО РАН в рамках реализации Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», впервые позволяет интегрировать результаты научных исследований, связанных с адаптацией культуры жизнеобеспечения, в музейную и образовательную практику, проводить сравнительные историко-этнографические и культурологические исследования [13]. В целом музеям целесообразно транслировать с помощью информационных и интерактивных технологий информацию, направленную на формирование личности, способной к рефлексии и трансгенерационной передаче оптимальных для данного региона моделей культуры жизнеобеспечения [14].

Одной из эффективных форм работы музеев по адаптации населения к современной социокультурной ситуации являются музейные праздники, выполняющие просветительские, эстетические, коммуникативные, компенсаторно-развлекательные функции. Так, в Омском государственном историко-краеведческом музее Детским музейным центром, с учетом региональных природных и историко-культурных особенностей, проводятся Святки, Масленица, Светлое Воскресенье и другие традиционные календарные праздники,

в том числе в форме театрализованных экскурсий. В связи с усилением в российском обществе интереса к западной культуре совместно с немецким национальным центром «Хофнунг» организуется празднование католической Пасхи. В рамках Дня города, «Ночи музеев», Межрегионального праздника традиционной русской культуры «Покровская ярмарка» в развлекательно-игровой форме пробуждается интерес посетителей музея к истории и культуре родного края, что способствует формированию региональной идентичности [15]. Следует отметить, что, участвуя в международных акциях, некоторые музеи адаптируют их к своей специфике. В Музее науки и техники СО РАН, например, в интернациональную «Музейную ночь» проводится «Весенний техбал», в рамках Молодежного инновационного фестиваля «Интер-ра» – «Уличный фестиваль опытов и открытий» [16].

Важное значение в условиях глобализации получают международные связи музеев Сибири, интеграция науки, культуры, образования. В 2003 г. успешно реализован крупномасштабный международный проект межрегиональной передвижной выставки «Немцы в истории Сибири. Сибирь в судьбах немцев» (Новосибирск, Барнаул, Омск, Томск). Выставка была осуществлена по инициативе и при финансовом обеспечении Немецкого общества технического сотрудничества (GTZ). Организаторами выставки с российской стороны являлись администрация Новосибирской области, Новосибирский областной российско-немецкий дом, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирский областной благотворительный общественный фонд культуры, Новосибирский исследовательский центр при Новосибирском государственном университете, Новосибирский государственный краеведческий музей. Значимость этой выставки как многоуровневого культурно-просветительского проекта для социокультурной адаптации населения определялась тем, что история немцев в Сибири на основе репрезентативного вещественного (экспонаты музеев, предметы экспонентов) и фотодокументального материала представлялась в широком хронологическом (с XVII до начала XXI в.), территориальном (от компактного до дисперсного проживания) и тематическом (роль немцев в экономическом, социальном, культурном и научном развитии, этническая культура немцев и их судьбы в контексте отечественной истории и российско-германских отношений) диапазоне. Опыт реализации этого международного проекта демонстрирует все актуальные направления адаптации музейной деятельности к условиям глобализации: интеграция науки, культуры, образования, управленческих структур и общественных организаций; использование традиционных и новационных форм коммуникации; ориентированное научно-образовательное и культурно-просветительное сопровождение выставки, организация пространства для межкультурного диалога, воспитание толерантности. Этот опыт может быть использован для разработки эффективных форм интеграции российских музеев в региональное и мировое музейное пространство.

Структурные подразделения институтов Сибирского отделения РАН, занимающихся изучением и хранением музейных предметов и музейных коллекций, публичным представлением музейного фонда отделения, выполняют научно-исследовательские проекты по проблемам адаптации, осуществляют информационно-адаптационную посредническую функцию между фундаментальной наукой и разными категориями населения, инициируют новационные

адаптации (Электронный фотоархив СО РАН, виртуальные музеи, интерактивные экспозиции на новой технологической основе в Байкальском музее, электронный менеджмент на базе портала «Музеи СО РАН»), активизируют интеграцию науки, культуры, образования (проведение всероссийских и международных конференций совместно с Музейным советом РАН, региональными социокультурными и образовательными структурами, организация выставок, публикация сборников статей) [17].

Эффективным механизмом адаптации к условиям глобализации, выходом на международный уровень сотрудничества является включение сибирских музеев в деятельность Комитета музеологии Сибири, стран Азии и Тихоокеанского региона (президент О.Н. Труевцева (Россия), вице-президенты Х.К. Вирегг (Германия) и Куо-нин Чен (Тайвань)). С целью адаптации музеев Сибири к условиям глобализации представляется целесообразным формирование региональных виртуальных музейных Интернет-пространств; использование институционализированных форм для интеграции в мировое музейное сообщество, сферу туризма; развитие музейного менеджмента и маркетинга, создание высокотехнологического Музея Сибири. Полиэтничность Сибирского региона может стать весомым фактором дальнейшего развития международного сотрудничества музеев, распространения этнокультурного туризма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корель Л.В. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск, 2005.
2. Алешина Т.А. Музей как феномен культуры: Дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 1999.
3. Сундиева А.А. Обзор материалов круглого стола «Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев» // Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев: по материалам круглого стола, состоявшегося 18 мая 2001 г. в Орле. М., 2002.
4. Воронцова Е.А. Историческая наука и музей: «Нам не жить друг без друга» // Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев. М., 2002.
5. Труевцева О.Н., Труевцев Н.В. Структурно-функциональные изменения музеев в условиях глобализации // Музеология: стимул к международному сотрудничеству / под ред. О.Н. Труевцевой, Х.К. Вирегг. Барнаул, 2010.
6. Шелегина О.Н. Роль музеев в социокультурной адаптации населения в эпоху глобализации // Музеи и этнокультурный туризм: сб. материалов III Ежегод. междунар. симпозиума Комитета музеологии Сибири / под ред. О.Н. Труевцевой, О.Н. Шелегиной. Новосибирск, 2010.
7. Шелегина О.Н. Музеи Сибири. Очерки создания, развития, адаптации / под ред. В.А. Ламина, Н.М. Щербина. Новосибирск, 2010.
8. Кимеев В.М. Проблемы проектирования, создания и трансляции региональной идентичности в экомузеях Притомья // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения: матер. Всерос. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2011.
9. Еремин Л.В. Музеефикация особо охраняемых территорий историко-культурного значения в республиках Южной Сибири (конец XX–XXI в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2010.
10. Терентьев В.И. Современные тенденции в деле сохранения историко-культурного наследия приграничных территорий России и Монголии (на примере Республики Тыва РФ и УВС Аймака Монголии) // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения: матер. Всерос. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2011.

11. *Мастеница Е.Н.* Культурологическая парадигма музееведения // *Фундаментальные проблемы культурологи: В 4 т. СПб., 2008. Т. 3: Культурная динамика.*

12. *Тишков В.А.* Три карты: физическая, административно-государственная и этническая // *VIII Конгресс этнографов и антропологов России: тез. докл. Оренбург, 2009.*

13. *Шелегина О.Н., Соколовский И.Р., Журавлев В.В.* Информационная система «Культура жизнеобеспечения русского населения Сибири»: возможности использования в музейной практике // *Современные тенденции в развитии музеев и музееведения: матер. Всерос. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2011.*

14. *Шелегина О.Н.* Результаты и перспективы адаптации исследований культуры жизнеобеспечения населения Сибири к современной музейной практике // *Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: К 70-летию акад. В.А. Тишкова / сост. М.Н. Губогло, Н.А. Дубова. М., 2011.*

15. *Золотова Т.Н.* Музейные праздники как форма адаптации музея к современной социокультурной ситуации // *Современные тенденции в развитии музеев и музееведения: матер. Всерос. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2011.*

16. *Покровский Н.Н.* Новые формы музейной деятельности // *Современные тенденции в развитии музеев и музееведения: матер. Всерос. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2011.*

17. *Ламин В.А., Труевцева О.Н., Шелегина О.Н.* Интеграция музеев СО РАН в региональное социокультурное пространство и мировое музейное сообщество // *Музеи научных центров и институтов Сибирского отделения Российской академии наук: Очерки формирования и развития / под ред. В.А. Ламина, О.Н. Труевцевой. Новосибирск, 2009.*

*Статья поступила
в редакцию 01.12.2011 г.*

Рукописные и старопечатные книги кириллической традиции: изучение, описание, хранение: учеб. пособие / И.В. Починская, П.И. Мангилев, Н.В. Ануфриева; [отв. ред. И.В. Починская]. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2010. 480 с.: 38 ил.

Выход в свет общего труда по археографии рукописной и старопечатной книги, связанной с древнерусской традицией, хотя бы в виде учебного пособия – явление незаурядное в наши дни, когда традиционные методы исследования попали в

опалу и нередко оцениваются как ретроградное явление. Уже оглавление учебника, включающего 10 глав, занимающих почти 500 с., указывает на очень широкий охват тематики. Рукописной книге как таковой авторы посвятили две главы (более 100 с.); старопечатной – целых пять (без малого 200 с.), в остальных трех главах рассматриваются проблемы, касающиеся и рукописной, и старопечатной книги.

Казалось бы, основное содержание пособия вполне традиционно – в нем говорится о проблемах создания и бытования рукописной книги, ее внешнем виде, оформлении, датировке и т. п., а также о развитии книгопечатания от Гуттенберга до русских типографий начала XX в. Однако оно обладает редким для учебников качеством, которое роднит его с научным изданием: большое количество последней постоянно привлекается авторами при изложении материала. Регулярно дается оценка разным гипотезам при решении той или иной проблемы; авторы не боятся сказать, если вопрос не решен, а также четко обозначают собственное место в дискуссии. Так обстоит дело в освещении темы существования Казанской типографии: в данном случае достаточно подробно освещен материал всего научного спора. Ярко выстроен и параграф о Нижегородской типографии, связанный с собственным научным открытием И.В. Починской и ее коллег. Точно так же, посвятив несколько десятилетий изучению истории старообрядческого книгопечатания, она сумела обобщить свой научный опыт в соответствующей главе (гл. 9). Подлинным украшением учебника стала гл. 4, написанная протоиреем о. Петром Мангилевым (с частичным участием Н.В. Ануфриевой). Глава посвящена традиционному кругу чтения древнерусских книжников. Но если об основных жанрах и четких сборниках (§ 1 и 5) можно прочесть во многих

учебниках для филологов, то в § 2 (богослужбные книги), § 3 (певческие книги), § 4 (книги Священного Писания) и § 6 (юридические и канонические сборники) собраны сведения, абсолютно необходимые для полного представления о предмете, но которых еще пару десятилетий назад (да и позже) было не доискаться в учебной литературе. Нужно отметить, что в гл. 4 материал изложен четко, лаконично и совершенно понятно; к тому же, в отличие от целого ряда современных писаний на тему истории православия, в данном случае у читателя имеется полная уверенность в профессиональном знании авторами предмета изложения.

Однако, как и в любом подлинно творческом проекте, и в этом есть ряд спорных моментов. Они обозначились уже в самом начале пособия. Так, в предисловии авторы пишут: «Книга кириллической традиции, о которой пойдет речь в учебном пособии, это памятник, написанный или напечатанный на церковно-славянском языке алфавитом, бытовавшим до введения Петром I гражданской азбуки» [1, с. 3]. Введение же начинается обещанием раскрыть специфику «археографической работы с древнерусской рукописной и старопечатной книгой», причем в сноске уточняется, что под древнерусской книгой понимаются также «памятники..., которые позднее органично продолжили древнерусскую традицию, например, старообрядческие книги» [1, с. 5]. Здесь корпус старообрядческих книг не ограничен формальными признаками вроде допетровского алфавита, почерка. Но те, кто имел дело с поздними старообрядческими рукописями, знают, что их создатели в разных случаях могли писать и полууставным письмом, и современной скорописью (в терминологии пособия – курсивное письмо). Известный писатель-часовенный второй половины XX в. А.Г. Мурачев, связь творчества которого с древнерусской литературной традицией хорошо доказана, иной раз почерком, близким к полууставу, выделял цитируемые священные тексты и переходил на курсивный, начиная свои толкования. И в них он мог употреблять диакритические и выносные знаки, а также титло. Буквами церковно-славянского алфавита он пользовался, но далеко не всегда. Сибирские бегуны-странники XX в. из Кемеровской обл. переписывали курсивным письмом (иногда – печатали на машинке) огромное количество древнерусских произведений: писать приходилось много и быстро, восстанавливая конфискованные книжные собрания, так как для советской

власти это радикальное согласие, отвергавшее паспорта и воинскую службу, было особенно «вредоносным», и книги странников жгли особенно рьяно.

На наш взгляд, если жестко придерживаться дефиниции предисловия, из научного рассмотрения будет исключен огромный объем старообрядческой литературы. Глава 1 начинается с лишения авторов Поморских ответов¹ статуса родоначальников русской научной палеографии, присвоенного им еще В.Г. Дружининым [2, с. 48, 56; 3, с. 32, 34]. Если уж идти за учебником Л.В. Черепнина, то и он отделял палеографические навыки, наработанные практиками русского делопроизводства в Средние века, от аналитического метода, примененного в Поморских ответах [3, с. 32, 34]. Не отдать ли предпочтение более справедливому, на наш взгляд, мнению такого крупнейшего специалиста, каким был В.Г. Дружинин? Удивительно сух и краток § 2 этой же главы, посвященный полевой археографии, в то время как студентам, которых, возможно, готовят и к экспедиционной работе, было бы интересно хотя бы на нескольких страницах ознакомиться с историей возникновения в России археографических центров во второй половине XX в., тем более что этот материал еще нигде не обобщен. Видимо, из соображений экономии места не названы даже их «отцы-основатели» (за одним понятным исключением). Поэтому и возникла, в частности, совершенно анекдотичная ситуация: академик Н.Н. Покровский, глава археографической школы, унаследовавшей научные традиции М.Н. Тихомирова, Д.С. Лихачева, В.И. Малышева и созданной в основном из студентов НГУ на базе Института истории СО РАН, здесь упоминается всего лишь как автор предисловия к одному из московских археографических сборников [1, с. 15]! Не говоря уже о том, что напряженную полевую работу десятилетиями вели и ведут на огромной территории руководители экспедиций НГУ и ГПНТБ д-р филол. наук Е.И. Дергачева-Скоп, кандидаты филол. наук В.Н. Алексеев и А.Ю. Бородихин, и их имена, несомненно, должны быть названы. Не вспомнили авторы учебника и о серии «Археография и источниковедение Сибири» под редакцией Н.Н. Покровского и Е.К. Ромодановской, 30-й выпуск которой выходит в этом году.

В связи с этим хочется также выразить недоумение по поводу начала гл. 10. Ее автор И.В. Починская заявляет: «Значительное число памятников кириллической книжности... находится в русской провинции... Однако мы обладаем минимумом информации об этих книгах, какие-либо сведения о них в научной печати, как правило, просто отсутствуют» [1, с. 419]. Мы не будем загромождать рецензию списком описаний рукописей и старопечатных книг, которые публиковались сотрудниками Института истории СО РАН как в трудах серии «Археография и источниковедение Сибири», так и отдельными изданиями:

Мы можем привести далеко не полный список описаний провинциальных собраний старопечатных и рукописных кириллических книг, прежде всего ГПНТБ СО РАН, сотрудники которой вместе с работниками местных хранилищ провели огромную работу. В серии «Материалы к Сводному каталогу рукописей, старопечатных и редких книг в Собраниях Сибири и Дальнего Востока» вышли следующие труды: Отечественные издания, напечатанные при Петре I (в составе Отдела редких книг и рукописей ГПНТБ): Каталог / сост. Т.Ю. Глухих (Новосибирск, 1992. 300 с.); Русские и иностранные рукописи Научной библиотеки Иркутского государственного университета / сост. Н.Д. Игумнова (Новосибирск, 1995. Ч. 1. 242 с.; 2001. Ч. 2. 222 с.); Книги кириллической печати в Собрании музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова / сост. Ц.-Х.В. Очирова (Новосибирск, 1999. 119 с.); Русские рукописные книги и книги кирилловской печати г. Якутска: Каталог / сост. Г.А. Лончакова (Новосибирск, 2000. 231 с.); Старопечатные и рукописные книги кириллической печати в собрании отдела редких книг Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В.Я. Шишкова: Каталог / сост. В.П. Кладова (Новосибирск, 2006. 246 с.); Русские рукописные и старопечатные книги малых сибирских хранилищ (Республики Алтай и Хакасия, Приморье): Каталог / сост. А.Ю. Бородихин (Новосибирск, 2007. 266 с.); Рукописи и книги кириллической традиции государственных учреждений г. Улан-Удэ (Республика Бурятия): Каталог / сост. А.Ю. Бородихин, А.А. Юдин (Новосибирск, 2009. 213 с.); Певческие рукописи старообрядцев-семейских из собраний Улан-Удэ и Новосибирска: Каталог / сост. Т.Г. Казанцева (Новосибирск, 2010. 360 с.). Следует отметить и томский каталог «Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Томского гос. университета» (сост. В.А. Есипова. Вып. 1: XV–XVII вв. Томск, 2007. 424 с.). Список можно продолжить, но объем рецензии этого, увы, не позволяет. Не хочется на грустной ноте заканчивать отзыв об очень хорошем и нужном пособии. В качестве редкого и драгоценного его достоинства для читателя, особенно молодого, отметим легкий, свободный стиль книги, которым блистают его авторы почти везде, за небольшими исключениями. Пожелаем пособию долгой жизни и переизданий, в которых, мы надеемся, досадные просчеты будут исправлены. Сам учебник, несомненно, можно порекомендовать не только студентам УФУ, но и всех гуманитарных вузов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рукописные и старопечатные книги кириллической традиции: изучение, описание, хранение: учеб. пособие / И.В. Починская, П.И. Мангилев, Н.В. Ануфриева. Екатеринбург, 2010.
2. Дружинин В.Г. Поморские палеографы начала XVIII столетия // Летопись занятий Археографической комиссии за 1918 год. Пг., 1923. Вып. 31.
3. Черепнин Л.В. Русская палеография. М., 1956.

Д-р ист. наук Н.Д. Зольникова
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск

¹ В качестве их автора назван А. Денисов; в научном обиходе ради экономии места часто так и поступают, но в учебнике стоило пойти за В.Г. Дружининым, который писал о совместной работе А. Денисова с Мануилом Петровым и др. [2, с. 65].

Шахеров В.П. Экономика сибирского дореформенного города (на материалах городов Байкальской Сибири). Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011. 256 с.

Сибирская историческая урбанистика пополнилась монографией известного иркутского историка В.П. Шахерова «Экономика сибирского дореформенного города (на материалах городов Байкальской Сибири).

Книга издана тиражом 500 экз. В.П. Шахеров является автором более 150 научных работ, в числе которых несколько монографий, интересная книга «Иркутск купеческий: История города в лицах и судьбах» (Хабаровск, 2006), он – один из авторов коллективной монографии «Иркутск в панораме веков: Очерки истории города» (Иркутск, 2002). Под его редакцией вышло восемь выпусков сборников научных статей «Сибирский город», известен он и как сподвижник в деле сохранения исторического наследия Иркутска, в частности, был одним из организаторов и директором с 1990 по 2000 г. музея города Иркутска. Новая его монография является логическим продолжением исследовательской работы.

В рецензируемом труде предметом исследования стала экономика городов Байкальской Сибири в дореформенный период. Территориально в Байкальскую Сибирь автор включает Иркутскую губернию и Забайкальскую область, которая была выделена из состава первой в 1851 г. На этой территории находилось 11 городов с населением 17 тыс. чел. на конец XVIII в. и 26 тыс. чел. к 1830-м гг. Но в сферу внимания автора попали не только официальные города, но и другие населенные пункты, рост которых и занятия жителей также отражали урбанизационные процессы, это остроги с посадским населением, пригороды, подгородные слободы, горнозаводские промышленные поселения.

Объясняя причины отнесения подобных поселений к городским, автор пишет: «...остроги и поселки, даже самые малые, наполняли сельскую округу “городским сознанием” и отчасти возмещали недостаток городов в регионе» (с. 30). Таких населенных пунктов на изучаемой территории автор выделил 22, в их числе 14 острогов.

Монография состоит из четырех глав, первая посвящена вопросам формирования сети городских поселений, организации городского самоуправления, финансовой политике городов, вторая – торгово-предпринимательскому населению городов, третья – городской торговле и промыслам, четвертая – промышленности и ремеслу городов. Но поскольку автор включил в число городских поселений не только официальные города, но и другие типы населенных пунктов, во второй-четвертой главах анализируется материал о транспортном положении, торговле, промышленности как городов, так и негородских центров.

Достоинством монографии является широкое использование материалов центральных и местных архивов, в том числе РГАДА, РГВИА, РГИА, Российского государственного архива Военно-Морского флота, государственных архивов Иркутской, Костромской областей, Забайкальского и Красноярского краев, Национального архива Республики Бурятии, а также разнообразных опубликованных источников, в том числе личного происхождения.

Вполне оправданно рассмотрение именно в первой главе вопросов не только формирования сети городов и поселений городского типа, но и организации городского самоуправления и их финансовой политики, ибо экономическое

развитие как самих городов, так и всего региона определялось во многом деятельностью не только администрации, но и городских самоуправлений, где купечество играло ключевую роль. Подробно рассмотрены вопросы деятельности Иркутского губернского магистрата, учрежденного в 1745 г., реализации Городового положения 1785 г. и реформ М.М. Сперанского. Показана деятельность купцов и заводчиков, возглавлявших магистрат, и городских голов. Тщательно проработаны вопросы о взаимоотношениях купечества, особенно членов городских самоуправлений и чиновничества. Автор отметил, что становление городского самоуправления в России содействовало общественному развитию и вообще общесловесных ценностей и интересов, а купечество в рассматриваемый хронологический период было наиболее зрелой силой городского общества (с. 59).

В монографии обстоятельно рассмотрены транспортная, торговая, промышленная функции городов и поселений городского типа, а также вопросы формирования и деятельности торгово-предпринимательского населения, прежде всего купечества. Особое внимание уделяется ведущим в данном регионе городским центрам – Иркутску, Кяхте и Верхнеудинску. Впрочем, и малые города не остались без внимания, они, по наблюдениям автора, были «одной из самых устойчивых во времени и пространстве форм поселений в Сибири» (с. 248).

Вывод В.П. Шахерова о том, что сибирские города формировали своеобразный каркас экономических связей на определенной территории и между собой, хорошо подтверждается конкретным материалом.

Не только по объему, но и досконально проработанному фактологическому материалу выделяется третья глава книги «Городская торговля и промыслы». В ней удачно рассмотрены вопросы ярмарочной, городской стационарной, внешней (с Китаем) торговли. Развитие торговли показано в тесной взаимосвязи с состоянием транспортной системы. Хороши сюжеты о ярмарочной торговле, в частности, показана динамика возникновения ярмарок, ассортимент товаров, обороты, функционирование ярмарочных цепочек, сделан вывод, что иерархия ярмарочных цепочек сложилась к середине XIX в. Подробно анализируются и отдельные виды торговли (чайная, пушная и др.).

В четвертой главе «Промышленность и ремесло городов Байкальской Сибири» характеризуются не только городские ремесла и промышленность, но и промыслы, которые размещались вне городов (золотопромышленность, рыбные промыслы, горные, винокурные и прочие заводы). Удачны сюжеты о развитии ремесел. Отмечено, что первыми ремесленниками в XVII в. были пришлые из Европейской России, Тобольска, а также и ссыльные. А в конце XVIII в. в Байкальской Сибири было более 2 тыс. ремесленников, в основном в Иркутске и Кяхте. Обратим внимание на сюжет о создании системы ремесленных и рабочих домов для более эффективного использования труда ремесленников из числа ссыльных. В Иркутске вокруг такого ремесленного дома сформировалась слобода с числом жителей до 1 тыс. чел. Параграф о развитии обрабатывающей промышленности посвящен не только анализу развития отдельных групп производства, но и становлению мануфактурной промышленности.

Фактически во всех главах монографии имеется ценный материал о купечестве, не только показывается его численность, источники формирования, коммерческая деятельность, но и роль в городском самоуправлении, подчеркивается,

что купечество являлось активной и наиболее общественно зрелой силой городского общества, «единственной оппозиционной силой, с которой не могла не считаться местная администрация». (с. 59). Материалы книги также расширяют представление читателя о ведущих купеческих родах Байкальской Сибири – Сибыряковых, Хаминовых, Трапезниковых, Басниных, Дударовских и др.

В числе спорных моментов, которые, впрочем, не снижают общего позитивного впечатления от рецензируемого труда, отметим следующие. Хронологически работа охватывает дореформенный период, но нередко автор приводит сведения о пореформенном периоде, например, о создании компаний в золотопромышленности пореформенного периода (вопросе, достаточно разработанном в литературе), о промышленности городов второй половины XIX в., упоминается даже Бодайбинская ж. д., что явно выходит за хронологические рамки данного исследования. И не к месту приведена цитата на с. 86 о том, что «Иркутск богат. Это едва

не единственный город в России, не только не имеющий крупного долга...», но речь здесь идет о 1914 г.

В.П. Шахеров отметил, что одна из главных причин недостаточности финансирования городов крылась в их экономической слабости. Это так, но не следует забывать, что само Городовое положение 1785 г. было весьма несовершенным в вопросе формирования городских бюджетов, что и явилось одной из причин реформирования городских самоуправлений сначала Петербурга, Москвы и Одессы, а в 1870 г. появления нового Городового положения.

В целом монография Вадима Петровича Шахерова является ценным научным исследованием, которое обогащает сибирскую урбанистику и экономическую историю региона.

*Д-р ист. наук
В.А. Скубневский,
Алтайский государственный
университет г. Барнаул*

Гриценко В., Калинин В. История «Мертвой дороги». Екатеринбург: Изд-во Баско, 2010. 240 с.

Опубликовано крайне интересное исследование по истории строительства железной дороги Чум–Салехард–Игарка, известной как Полярная. Она сооружалась в 1947–1953 гг. Книга

вносит весомый вклад в историографию проблемы, так как способствует развенчанию многочисленных мифов вокруг этой дороги. О так называемой сталинке, особенно в последние десятилетия, очень много писалось, и не всегда объективно. Мало кто глубоко изучал ее историю с использованием достоверных источников.

В. Гриценко и В. Калинин совершили настоящий прорыв в изучении темы. Они создавали свой труд, опираясь на исторические документы и факты, привлекая материалы своих экспедиций с более чем двадцатилетним стажем. Авторы рассматриваемого труда собрали богатейший фотоматериал, воспоминания участников событий, интервью об этих событиях. Объект анализировался практически «воочию». Исследователи прошагали сотни километров по покинутому когда-то строителями железнодорожному пути, своими глазами увидели все то, что было связано с описываемыми событиями. Вместе с тем был привлечен широкий круг традиционных исторических источников: документы из центральных и региональных государственных архивов, в том числе и впервые введенные в научный оборот из фондов, еще недавно глубоко засекреченных и не известных профессиональным историкам. Были использованы также музейные коллекции Центрального музея железнодорожного транспорта в Санкт-Петербурге и Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса им. Шемановского в Салехарде, периодика и публицистическая литература.

Авторам удалось создать достаточно объективную картину строительства магистрали, его обстоятельств и неожиданного завершения, разрешить ряд проблем, волновавших

не только профессиональных историков и краеведов, но и широкий круг россиян, желающих знать, что же в действительности происходило в их Отечестве.

Авторы данной книги попытались ответить на многие острые вопросы отечественной историографии. Создав свою оригинальную лабораторию исследований, они подробно изучили ход строительства Полярной магистрали, начиная с его обсуждения и подготовки в правительственных кругах, показали политическую и экономическую обстановку в СССР в послевоенный период, влияние международных факторов, связанных с разделением мира на два противоборствующих лагеря и появлением у США атомной бомбы. В свете этого становятся понятными определенные решения советского правительства, последовавшие как реакция на вызовы времени, его стремление к стратегическому и геополитическому укреплению своих границ, в том числе и на северных территориях.

Вопреки оценкам, бытующим в литературе, авторы сделали выводы, что это была не такая уж бессмысленная, не продуманная и никому не нужная стройка. Она рассматривалась советским правительством как важный стратегический объект и была достаточно четко организована и обеспечена необходимыми ресурсами по меркам и стандартам того времени. Ее финал – скорее результат политических интриг и, возможно, изменившихся взглядов на развитие северных территорий СССР, на их экономическое и стратегическое назначение.

Сопоставив имевшиеся в документах и литературе данные, авторы отметили, что начало масштабной стройки на Севере практически ничем не отличалось от того, что происходило на любом другом крупном индустриальном строительстве того времени. Заключенные и их охранники жили вместе, делали общее порученное им дело, особо не считаясь со своим положением. По воспоминаниям, они даже питались и одевались одинаково. К заключенным как работникам тяжелого физического труда отношение было

Гриценко В., Калинин В. История «Мертвой дороги». Екатеринбург: Изд-во Баско, 2010. 240 с.

Опубликовано крайне интересное исследование по истории строительства железной дороги Чум–Салехард–Игарка, известной как Полярная. Она сооружалась в 1947–1953 гг. Книга

вносит весомый вклад в историографию проблемы, так как способствует развенчанию многочисленных мифов вокруг этой дороги. О так называемой сталинке, особенно в последние десятилетия, очень много писалось, и не всегда объективно. Мало кто глубоко изучал ее историю с использованием достоверных источников.

В. Гриценко и В. Калинин совершили настоящий прорыв в изучении темы. Они создавали свой труд, опираясь на исторические документы и факты, привлекая материалы своих экспедиций с более чем двадцатилетним стажем. Авторы рассматриваемого труда собрали богатейший фотоматериал, воспоминания участников событий, интервью об этих событиях. Объект анализировался практически «воочию». Исследователи прошагали сотни километров по покинутому когда-то строителями железнодорожному пути, своими глазами увидели все то, что было связано с описываемыми событиями. Вместе с тем был привлечен широкий круг традиционных исторических источников: документы из центральных и региональных государственных архивов, в том числе и впервые введенные в научный оборот из фондов, еще недавно глубоко засекреченных и не известных профессиональным историкам. Были использованы также музейные коллекции Центрального музея железнодорожного транспорта в Санкт-Петербурге и Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса им. Шемановского в Салехарде, периодика и публицистическая литература.

Авторам удалось создать достаточно объективную картину строительства магистрали, его обстоятельств и неожиданного завершения, разрешить ряд проблем, волновавших

не только профессиональных историков и краеведов, но и широкий круг россиян, желающих знать, что же в действительности происходило в их Отечестве.

Авторы данной книги попытались ответить на многие острые вопросы отечественной историографии. Создав свою оригинальную лабораторию исследований, они подробно изучили ход строительства Полярной магистрали, начиная с его обсуждения и подготовки в правительственных кругах, показали политическую и экономическую обстановку в СССР в послевоенный период, влияние международных факторов, связанных с разделением мира на два противоборствующих лагеря и появлением у США атомной бомбы. В свете этого становятся понятными определенные решения советского правительства, последовавшие как реакция на вызовы времени, его стремление к стратегическому и геополитическому укреплению своих границ, в том числе и на северных территориях.

Вопреки оценкам, бытующим в литературе, авторы сделали выводы, что это была не такая уж бессмысленная, не продуманная и никому не нужная стройка. Она рассматривалась советским правительством как важный стратегический объект и была достаточно четко организована и обеспечена необходимыми ресурсами по меркам и стандартам того времени. Ее финал – скорее результат политических интриг и, возможно, изменившихся взглядов на развитие северных территорий СССР, на их экономическое и стратегическое назначение.

Сопоставив имевшиеся в документах и литературе данные, авторы отметили, что начало масштабной стройки на Севере практически ничем не отличалось от того, что происходило на любом другом крупном индустриальном строительстве того времени. Заключенные и их охранники жили вместе, делали общее порученное им дело, особо не считаясь со своим положением. По воспоминаниям, они даже питались и одевались одинаково. К заключенным как работникам тяжелого физического труда отношение было

иногда лучше, чем к их охранникам. За определенные достижения им положено было давать спирт и горячие булочки. Правда, затем с развертыванием строительства, ростом числа заключенных, среди которых были настоящие уголовники, способные на различные нарушения режима, обстоятельства жизни ужесточались, но не настолько, чтобы нормальный адекватный человек не мог в них выжить.

Скрупулезно изучив все источники, сверив имевшуюся статистику и литературные факты, авторы пришли к выводу, что «уровень болезненности, травматизма и смертности на “сталинке” в околисторической публицистической литературе был безбожно преувеличен до степени “под каждой шпалой кости”». Читателя книги привлекает спокойное объективное повествование, в котором нет огульного ужаса, сопутствующего часто описанию событий, связанных со сталинским временем и ГУЛАГом. В книге представлена просто жизнь, пусть трудная и подчас жестокая. Люди работали, пытались выживать в тех условиях, в которых они оказались, понимая, что многое зависит не только от внешних обстоятельств, но и от них самих.

В книге показано, что многие «вынужденные» строители Северной железной дороги искренне старались хорошо работать, верили, что приносят пользу обществу. Кроме того, стройка даже имела определенную привлекательность для заключенных. Здесь применялась так называемая прогрессивно-сдельная оплата труда. За перевыполнение норм можно было значительно сократить себе сроки заключения. В зависимости от процентов выработки один день работы мог быть засчитан за два или три. Выявлено немало случаев, когда заключенные из других лагерей на территории СССР «всякими правдами и неправдами» стремились попасть на северное строительство.

Вместе с тем следует признать, что условия труда и жизненные обстоятельства были очень тяжелыми. Остро не хватало жилья, заключенные ютились в бараках и палатках. Вместо положенных по законам ГУЛАГа 1,25 кв. м на человека реальная площадь составляла 0,7–0,8 кв. м. Не хватало бань, сушилок, белья, одежды. Высоким был уровень производственного травматизма. Нередко случались перебои с обеспечением продуктами питания. В целом авторы показали, что в лагерных условиях на строительстве Северной железнодорожной магистрали «нормы питания иногда даже превосходили то, что реально имели вольные люди в том же Салехарде или других населенных пунктах голодной послевоенной страны».

Неоднократно они подчеркивают, что многие люди, пройдя такую суровую жизненную школу, не потеряли веры в добро, сохранили свое достоинство и жизненный оптимизм на долгие годы. Поражает воображение, что на стройке работал полноценный театр, в котором трудились профессиональные актеры и музыканты из числа осужденных. Ставили даже оперетты, спектакли с участием симфонического оркестра и эстрадного джаз-ансамбля. Театр Управления строительством Северной железной дороги был очень попу-

лярен и гастролировал по всей стройке. По воспоминаниям, восстановленным авторами книги, начальник строительства Барабанов и начальник политотдела Северного управления лагерей железнодорожного строительства Панфилов считали театр очень нужным учреждением, «не позволявшим многочисленным вольнонаемным сотрудникам затосковать и спиться в мрачной обстановке полярных ночей, неустроенного быта и лагерных нравов, а также осуществлявшим культурное обслуживание десятков тысяч заключенных».

В ГУЛАГе были предусмотрены специальные отделы по культурно-воспитательной работе с заключенными, которые должны были организовывать различные культурно-массовые мероприятия, работу библиотек, клубов и культуголков в каждом лагерном подразделении. Однако чаще всего они работали формально. В лучшем случае культработники, среди которых было очень мало профессионалов, организовывали просмотры художественных фильмов и политинформации. Но тем не менее исследователи отметили, что у заключенных, обремененных тяжелым физическим трудом, сохранялся интерес к концертам, к литературе, к каким-то новым для них знаниям. Очень важное значение имела связь с близкими, оставшимися на воле, она осуществлялась через почтовые отправления. Получение почты было хотя и редким, но волнующим событием.

В целом в книге без особого надрыва показана жизнь людей, оказавшихся в трудных жизненных обстоятельствах, представлена их повседневность во всем многообразии. Причем практически отсутствуют штампы, утвердившиеся в литературе о сталинском времени и ГУЛАГе. Выводы монографии отличаются новизной и способны стать основой для концептуального решения многих проблем, связанных с советским периодом отечественной истории. Особую ценность представляет богатейший фактологический материал. Авторы считают, что у них не было оснований не доверять тем документам, которые они использовали. Во-первых, потому, что многие из них были рассчитаны исключительно на «внутреннее употребление», и фальсификации могли повлечь очень серьезные наказания для тех, кто их составлял, а во-вторых, все документы были взаимосвязаны, а значит, взаимопроверяемы.

Несомненную и совершенно самостоятельную ценность имеют иллюстрации и приложения к монографии, в которых представлены документы, фотографии, карты, позволяющие воспринимать книгу как свидетельство эпохи. Подкупает своеобразный стиль изложения, напоминающий беседу с читателем, что делает фундаментальное историческое исследование интересным не только для историков и краеведов, но и для самых разных людей, интересующихся историей своего Отечества. Книга В. Гриценко и В. Калинина «История “Мертвой дороги”» уже оценена современниками достаточно высоко. В ноябре 2011 г. она удостоена Всероссийской литературной премии имени Д.Н. Мамина-Сибиряка.

*Канд. ист. наук
А.И. Тимошенко,
Институт истории СО РАН
г. Новосибирск*

Траектории проектов в высоких широтах / под ред. Ю.В. Неелова, А.В. Артеева, В.А. Ламина, С.Е. Алексеева, В.Ю. Малова. Новосибирск: Наука, 2011. 440 с.

Книга представляет собой многостороннее комплексное исследование истории и перспективы освоения российского Севера, подготовленное авторским коллективом сотрудников Института

истории СО РАН, Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, институтов Уральского отделения РАН. Всего в реализации задуманного проекта приняло участие свыше 20 известных историков и экономистов Сибири. Книга, адресованная историкам, экономистам, географам и широкому кругу читателей, будет интересна для всех, кто интересуется историей России и задумывается над ее будущим.

Производят впечатление грандиозный исследовательский замысел и масштабы проделанной научной работы. Авторам удалось проследить многовековую эволюцию представлений человека о природном потенциале азиатской части России и его использовании в хозяйственных целях. На основе комплексного подхода в очередной раз ученые попытались отыскать оптимальные направления политики и хозяйственной практики освоения северных широт с целью наращивания экономического потенциала современной России.

Погружение в далекое прошлое дало основание авторам утверждать, что споры о способах и методах освоения Сибири имеют более чем 150-летнюю историю. Уже в то далекое время научные гипотезы и проекты освоения азиатской части России складывались на контркурсах. Не менее острыми оставались споры по данной проблеме в течение всего XX в. В настоящее время становится все более актуальным вопрос о судьбе Сибири, особенно ее северных территорий, возобновляются дискуссии о перспективах выживания северных городов и поселений. Авторский коллектив демонстрирует устойчивые взгляды сторонников перспективного комплексного развития и дальнейшего инновационного освоения сибирских северных широт.

Вместе с тем историки и экономисты оказались солидарны в оценках скромных финансовых возможностей современной России, которые можно было бы использовать для мощного промышленного освоения этого края. Для успешного динамичного продвижения на Север сегодняшней России необходимы существенные финансовые и технико-экономические активы. Однако в условиях постоянного роста потребностей отечественной и мировой экономики в топливно-энергетических ресурсах Россия использует прежний алгоритм наращивания добычи нефти и газа как способ выживания и мало заботится о создании новых центров перерабатывающей и транспортной инфраструктуры, которые дали бы толчок к более интенсивному хозяйственно-экономическому развитию, а в перспективе и к процветанию населения восточных и северных регионов.

Авторский коллектив приходит к выводу о том, что созрела острая необходимость в разработке новой модели государственной политики в отношении Сибири и арктических территорий. Ученые полагают, что составной частью обновленной государственной политики может стать новая концепция Энергетической стратегии России на период до 2030 г., в которой определены главные направления развития топливно-энергетического комплекса страны. Стратегия предполагает путь «инновационного прорыва», который характеризуется акцентом на новейшие ресурсосберегающие технологии и ускоренное развитие обрабатывающей промышленности. Такая стратегия призвана укрепить геополитическое могущество России, дать новые перспективы развитию сибирского региона. Это очень важно, потому что сам процесс нового «встраивания» России в мирохозяйственную систему наталкивается сегодня на стремление западных стран навязать Российской Федерации идею «сжатия» ее экономически активного пространства, прежде всего за счет Сибири и северных территорий. В геополитическом плане социально-экономический потенциал Сибири специалисты сегодня рассматривают как базу для наращивания активной хозяйственной деятельности в Арктике, где пересекаются крупные международные интересы.

Авторы актуализируют вопрос о социальной значимости последовательного масштабного увеличения добычи углеводородного сырья, что открывает потенциальные возможности для эффективного развития экономики северных территорий, обеспечивающих устойчивый рост доходов и качества жизни населения Сибири и коренных народов Севера. Ученые предлагают поэтапное опережающее развитие северных территорий по сравнению с общероссийскими темпами роста экономики. В рассматриваемой долгосрочной перспективе, по их мнению, азиатская часть России должна достичь существенного прогресса и сформировать внутренние силы для успешного саморазвития с тем, чтобы со временем здесь можно было перейти от индустриального освоения к постиндустриальной модели развития северных пространств.

В книге основательно рассмотрены вопросы организационно-правового оформления государственной политики в отношении сибирского Севера. Особенно рельефно авторами поставлена проблема преемственности и инноваций с составлением прогноза на долгосрочную перспективу развития Сибири на период до 2020–2030 гг.

Увлекательный текст снабжен многочисленными географическими картами, которые призваны помочь вдумчивому читателю погрузиться в маршруты освоения Сибири и Крайнего Севера. Кроме того, в книге имеется приложение в виде хронографа, отражающего основные вехи в освоении российского Севера и Дальнего Востока.

Можно считать удачей авторского коллектива создание обобщающего труда, в котором комплексно представлено прошлое, настоящее и будущее Сибири и ее северных широт.

Канд. ист. наук,

Л.К. Казанцева

*Институт экономики и организации
промышленного производства СО РАН,
г. Новосибирск*

Историческая энциклопедия XVI в. (Международная научная конференция «Лицевой летописный свод царя Ивана Грозного», Мюнхен, 7–9 декабря 2011 г.)

В 2010 г. фирма «Актеон» выпустила факсимильное издание монументального памятника древнерусского книжного искусства второй половины XVI в. – Лицевой летописный свод (ЛЛС).

Мечта о научной публикации объемных рукописей ЛЛС жила в среде отечественных ученых со времен первого их исследователя А.Е. Преснякова, назвавшего памятник «исторической энциклопедией XVI в». Десять рукописных иллюминированных томов разрозненно находятся в отделах рукописей трех крупных книгохранилищ: Государственного Исторического музея (Москва), Российской национальной библиотеки (С.-Петербург) и Библиотеки Академии наук (С.-Петербург). По инициативе и при полной финансовой поддержке председателя Совета директоров ОАО «Протек» В.С. Якунина, благодаря огромному и высокопрофессиональному труду сотрудников издательской фирмы «Актеон» Х.Х. Мустафина (генеральный директор) и Л.П. Мустафиной был осуществлен грандиозный проект. На основе современной технологии цифрового полноцветного сканирования с последующей цифровой обработкой были сделаны копии беспрецедентно высокого качества около 10 тысяч рукописных листов. Вначале было выпущено 30 эксклюзивных комплектов ЛЛС из 19 книг, имеющих ручной переплет, выполненный из шагреновой кожи и украшенный золотым тиснением. Затем был осуществлен «народный» тираж, каждый его комплект насчитывает 24 тома. Рукописный текст транслитерирован на современный русский шрифт и сопровождается переводом. Издание снабжено вводными статьями по истории рукописи, описанием палеографических, кодикологических и текстологических ее особенностей, библиографией и разнообразными указателями. Оно рассчитано на широкий круг читателей. Несколько экземпляров издания ЛЛС, которое должно стать достоянием мировой культуры, фирма «Актеон» подарила ряду библиотек.

В знак благодарности и признательности, а также осознавая масштабность и значимость осуществленного проекта, Баварская государственная библиотека (Мюнхен) совместно со специалистами Института Восточной Европы (Регенсбург) организовали международную научную конференцию «Лицевой летописный свод царя Ивана IV Грозного», посвящен-

ную изучению памятника русской книжности, не имеющего аналогов в средневековой историографии. В ней приняли участие слависты Германии, США, Франции, Англии, Польши, Италии, Беларуси. Многочисленная российская делегация была представлена учеными Москвы, Санкт-Петербурга, Казани и Новосибирска. Среди них были исполнители издания (Х.Х. Мустафин), специалисты, которые принимали самое непосредственное участие в подготовке публикации рукописи (сотрудники Отделов рукописей ГИМ и РНБ), ученые, результаты трудов которых были положены в основу научного издания (Б. Клосс, Е. Уханова, Э. Шульгина и др.), и исследователи (археографы, археологи, текстологи, историки, филологи, искусствоведы), занимающиеся изучением книжной культуры Средневековья.

Вопрос первостепенной важности – датировка ЛЛС – обсуждался в выступлениях чл.-кор. РАН, д-ра ист. наук С.М. Каштанова и д-ра ист. наук Б.М. Клосса. Первый предложил время создания свода отнести к 40-м гг. XVI в., второй отстаивал дату 1568–1576 гг. Интересная дискуссия возникла в связи с установлением причины создания ЛЛС и его адресатом. Разброс мнений: от ЛЛС – «претензия на звание великой державы» до «книга для чтения царских детей» (м.б., средневековый «комикс») вызывает живой интерес. Вопрос остался открытым.

Серия докладов была посвящена анализу отношений ЛЛС с памятниками книжности XVI в.: со Степенной книгой (Г. Ленхофф), летописями (В. Назаров, А. Сиренов, А. Усачев), посольскими книгами (К. Ерусалимский). Большой интерес вызвали выступления, связанные с «прочтением» миниатюр (авторы Н. Квиливидзе, Е. Крушельницкая, А. Юрганов, Т. Самойлова, T. Daiber, R. Stichel, E. Серебрякова, D. Rowland, A. Kleimova, S. Bogatyrev и др.). История отдельных сюжетов ЛЛС стала предметом научного разговора в исследованиях Б. Рахимзянова, I. Thyrt, D. Ostrowski, A. Филюшкина, R. Frötschner, H. Grala, P. Gonneau, A. Алексеева, Л. Журовой, М. Плюхановой. Наши немецкие коллеги готовят сборник статей по материалам конференции.

Встреча в гостеприимных стенах Баварской библиотеки – заметное событие в истории современной науки. Российская делегация выражает огромную благодарность организаторам конференции: директору Баварской библиотеки господину R. Griebel, генеральному консулу РФ А.Ю. Грозову, сотрудникам Института Восточной Европы и лично господину Юргену Ергену и Рейнхарду Фречнеру.

Д-р филол. наук
Л.И. Журова,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск

ПОЗДРАВЛЯЕМ ВЛАДИМИРА АНАТОЛЬЕВИЧА ИСУПОВА

19 ноября 2011 г. доктору исторических наук, профессору НГУ Исупову Владимиру Анатольевичу исполнилось 60 лет. Он родился в 1951 г. в семье служащих в г. Дудинка Красноярского края, в 1953 г. его семья переехала в г. Новосибирск. В 1972 г. он поступил в Новосибирский государственный университет. В 1976 г. после окончания университета был распределен ассистентом на кафедру истории КПСС Новосибирского инженерно-строительного института, а в 1980 г. он поступил в аспирантуру Института истории, филологии и философии СО АН СССР (ныне Институт истории СО РАН). В 1982 г. В.А. Исупов начал свою трудовую деятельность в институте, занимая должности сначала младшего научного сотрудника (1982 г.), затем научного сотрудника (1986 г.), старшего научного сотрудника (1990 г.), ведущего научного сотрудника (1991 г.) и главного научного сотрудника (1998 г.)

В 1982 г. он успешно защитил кандидатскую, в 1991 г. – докторскую диссертации.

В.А. Исупов – автор 178 научных публикаций, среди которых семь индивидуальных и шесть коллективных монографий, он является одним из ведущих специалистов Института в области исторической демографии. Среди многочисленных направлений его научной работы важным стало изучение демографических катастроф и кризисов в России первой половины XX в. Особый интерес В.А. Исупов проявил к такой сложной и многогранной проблеме, как людские потери Советского Союза в период Второй мировой войны. Результаты этих исследований были обобщены им в многочисленных научных статьях, а также в монографиях: «Население Сибири в годы Великой Отечественной войны» (Новосибирск, 1986, в соавторстве с академиком В.В. Алексеевым); «Демо-

графические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки» (Новосибирск, 2000); «Главный ресурс Победы: людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны» (Новосибирск, 2008); «Мобилизация людских ресурсов Западной Сибири на защиту Родины (1941–1945 гг.)» (Новосибирск, 2010). В его работах, основанных на большом количестве впервые введенных в научный оборот архивных материалов, рассматриваются актуальные проблемы формирования и эффективности использования людского потенциала населения Западной Сибири в военные годы. На этой основе определены и выявлены людские потери нашего региона. Еще одним важным объектом научных исследований В.А. Исупова является история формирования и развития городского населения Сибири. Результаты исследований освещены им в научных статьях и монографиях: «Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.)» (Новосибирск, 1985, в соавторстве с А.С. Московским); «Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х — конец 50-х гг.)» (Новосибирск, 1991). Монографии получили высокую оценку среди ученых.

С 2009 г. Владимир Анатольевич возглавляет сектор историко-демографических исследований в Институте истории СО РАН. Под его ответственным руководством сектор активно разрабатывает различные направления в области исторической демографии Сибири, издает собственный альманах «Проблемы исторической демографии Сибири» (ответственный редактор – В.А. Исупов), участвует в самых представительных конференциях.

Сегодня В.А. Исупов является крупным, известным в стране и за рубежом специалистом, одним из основателей направления и автором новых подходов к изучению демографической истории Сибири. Имея за плечами богатый опыт научно-исследовательской работы, на основе обобщения и анализа обширных комплексов эмпирического материала он разрабатывает концепцию демографической модернизации Сибири во второй половине XX в., ядром которой являлся демографический переход. Это органическая составная часть специфического этапа модернизации традиционного общества в России. В рамках этой концепции В.А. Исупов вместе с коллективом сектора и учениками предпринял фундаментальные исследования процесса воспроизводства населения в Азиатской России. Изучаются социально-исторические условия и факторы, структурные компоненты, общественные и культурные формы, общие для всей России черты, а также региональные и субрегиональные особенности, анализируется историческое значение воспроизводственного процесса. Разработка концепции демографической модернизации Западной Сибири выполняется при поддержке гранта РГНФ, руководителем которого является В.А. Исупов.

В 2011 г. под его руководством был успешно завершен еще один интеграционный проект, который выполнялся совместно с Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток). Результатом трехлетнего сотрудничества стало издание фундаментальной коллективной монографии «Миграции населения Азиатской России: конец XIX – начало XXI в.», ответственным редактором и руководителем авторского коллектива стал В. А. Исупов.

Благодаря инициативе и творческой активности В.А. Исупова с 2010 г. Институт тесно сотрудничает с Институтом языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН.

В.А. Исупов проявил себя в качестве организатора, руководителя и непосредственного участника ряда международных, всероссийских и региональных научных конференций: среди них – Международная конференция по исторической демографии и исторической географии в Сыктывкаре (2011 г.).

С целью дальнейшего развития историко-демографического направления научной деятельности института Владимир Анатольевич инициировал создание на базе своего сектора сибирской секции Научного совета РАН по исторической демографии и исторической географии.

Значимое место в его работе занимает и преподавательская деятельность. С 2000 по 2007 г. он возглавлял кафедру гуманитарных дисциплин факультета информационных технологий НГУ. В настоящее время он – преподаватель кафедры истории России НГУ.

Научные изыскания юбиляра нашли практическое применение и в педагогической, и в учебно-методической работе. Среди его публикаций следует отметить

учебно-методические пособия по истории Сибири, изданные в соавторстве с И.С. Кузнецовым: «История Сибири: хрестоматия по истории Сибири: Ч. 2: XX век» (Новосибирск, 2006); «История Сибири». Ч. 3: Сибирь, XX век» (Новосибирск, 2006). Работы представляют самостоятельный курс истории Сибири и являются дополнительным компонентом к курсу отечественной истории. Основное внимание в них уделяется специфике положения Сибири в составе России.

В.А. Исупов активно участвует в научно и общественно значимых проектах института. Он является членом редакционной коллегии, автором ряда статей и проблемно-тематических блоков в 3-томном издании «Историческая энциклопедия Сибири» (Новосибирск, 2009. 383 п. л.), принимает участие в подготовке нового проекта института «История Сибири», является редактором и рецензентом многочисленных монографий и сборников научных статей. Он – член Ученого совета, а также член Диссертационного совета Института истории СО РАН. В.А. Исупов ведет большую работу по подготовке научных кадров института. Только за последние пять лет он подготовил двух кандидатов исторических наук, успешно защитившихся, и руководит подготовкой еще двух аспирантов.

В 2011 г. В.А. Исупов награжден Почетной грамотой СО РАН за большой вклад в изучение демографического развития Сибири, плодотворную научную, научно-организационную и педагогическую деятельность.

От всей души желаем Вам, дорогой Владимир Анатольевич, крепкого здоровья, неиссякаемой энергии и больших творческих свершений!

Коллектив Института истории СО РАН

ПОЗДРАВЛЯЕМ МИХАИЛА МАКАРОВИЧА ЕФИМКИНА

Исполнилось 65 лет известному сибирскому историку Михаилу Макаровичу Ефимкину – доктору исторических наук, профессору, главному научному сотруднику Института истории СО РАН. Михаил Макарович родился 19 февраля 1947 г. в д. Ракиты Черепановского района Новосибирской области. Трудовую деятельность начал рано в строительных и научно-производственных организациях Новосибирского академгородка. Много сил отдавал учебе, окончив школу рабочей молодежи. Затем поступил на историко-филологический факультет Новосибирского государственного педагогического института. Учебу юбиляр сочетал с активной трудовой и общественной деятельностью в комсомольских и профсоюзных организациях, летом работал на сооружении различных объектов в составе студенческих строительных отрядов. В частности, принимал активное участие в строительстве Волжского автомобильного завода в г. Тольятти. Энергичность, блестящие организаторские способности и высокая ответственность за порученное дело были отмечены Новосибирским обкомом ВЛКСМ, и будущий ученый становится комиссаром областного студенческого отряда.

Вскоре стремление к глубоким историческим изысканиям привело М.М. Ефимкина в Институт истории, филологии и философии СО АН СССР. В 1974 г. он становится младшим научным сотрудником института, последовательно проходит путь до главного научного сотрудника. В 1977 г. защищает кандидатскую диссертацию. Сибирский отряд рабочего класса на долгие годы станет для ученого основным объектом исследования. Михаил Макарович успел проявить себя не только на научном поприще, долгие годы он защищал честь СО АН и г. Новосибирска в соревнованиях по волейболу.

В условиях, когда важнейшая информация, касающаяся социального развития советского общества, была засекречена, М.М. Ефимкин, проявив настойчивость и изобретательность, сумел получить в свое распоряже-

ние содержательную и обобщающую информацию. Она стала основой для объективного изучения социального развития рабочих, количественных и качественных изменений в их составе. Все эти процессы автор показал в тесной взаимосвязи с демографической обстановкой в регионе и Российской Федерации в целом, отразив их в своих монографиях «Источники и формы пополнения рабочих Западной Сибири в условиях развитого социализма» (Новосибирск, 1979), «Социальное развитие рабочего класса Сибири. Конец 50-х – середина 80-х годов» (Новосибирск, 1990), а также в коллективных монографиях «Рабочий класс Сибири. 1961–1980 гг.» (Новосибирск, 1986), «Кузница степных кораблей (История Новосибирского производственного объединения «Сибсельмаш»)» (М., 1983) и нескольких десятках статей. В 1989 г. М.М. Ефимкин успешно защитил докторскую диссертацию. С 1992 по 2004 г. совмещает научную работу в институте с преподавательской деятельностью в Сибирском государственном университете путей сообщения. В 1995 г. получает аттестат профессора. Им подготовлены такие учебные пособия, как «Россия: особенности исторического пути» (Новосибирск, 2003), «Влияние глобальных цивилизационных факторов на темпы исторического развития России» (Новосибирск, 2004).

После защиты докторской диссертации Михаил Макарович стал активно работать над проблемами социальной демографии населения восточных районов Российской Федерации, позднее занявшись изучением истории малой родины – Новосибирской области, что нашло отражение в многотомнике «История промышленности Новосибирска» (Новосибирск, 2004–2005) и коллективной монографии «Трансформационные процессы в социально-индустриальной структуре Новосибирской области в XX столетии» (Новосибирск, 2006).

В настоящее время М.М. Ефимкин является руководителем одного из разделов планируемой к изданию четырехтомной «Истории Сибири». Заслуги ученого в исследовании восточных районов России отмечены в ведущих центральных научных изданиях, таких, например, как «Вестник аналитики». Немалый, накопленный за многие годы научно-исследовательской деятельности опыт изучения социальной, индустриальной и демографической структур Сибири обобщен юбиляром в монографии «Сибирская Россия. Социально-индустриальная адаптация» (Новосибирск, 2009).

М.М. Ефимкин – автор более 100 публикаций, в том числе 11 монографий (из которых 5 подготовил индивидуально). Михаил Макарович – признанный специалист в области отечественной истории, исследовании проблем социальной стратификации общества, изучении процессов народонаселения, социально-демографической государственной политики.

М.М. Ефимкин продолжает активно работать в Институте истории СО РАН. Он полон энергии и творческих замыслов. Коллеги и друзья от всей души поздравляют Михаила Макаровича с юбилеем, желают ему новых творческих успехов, долгих лет и здоровья!

Коллектив Института истории СО РАН

ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ ВИКТОРОВИЧА РЕМНЕВА

24 января 2012 г. после тяжелой и продолжительной болезни на 56-м году жизни скончался доктор исторических наук, профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского А.В. Ремнев. Он родился 30 июля 1955 г. в семье служащих в с. Строкино Колосовского района Омской области, недалеко от г. Тара. После окончания средней школы стал курсантом Новосибирского высшего военно-политического училища, но быстро понял, что карьера армейского политработника не для него. Действительную срочную службу продолжительностью в три года проходил на Тихоокеанском флоте (Камчатка). Демобилизовавшись в 1977 г., поступил на исторический факультет Омского университета, а в 1979 г. был направлен для продолжения учебы в Ленинградский университет. В 1982 г. с отличием окончил вуз, через год поступает туда же в аспирантуру и в 1986 г. в ЛГУ под руководством академика Б.В. Ананьича успешно защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Комитет министров в системе высших государственных учреждений царской России (1860–1906 гг.)». В работе была успешно исследованы многообразные аспекты функционирования этого высшего органа государственного управления Российской империи, в частности, рассмотрен вопрос об организации «объединенного правительства».

С 1982 г. Анатолий Викторович начинает работать ассистентом на кафедре дореволюционной отечественной истории родного ОмГУ. В 1989–1991 гг. – старший преподаватель, с 1991 г. – доцент, в 1990–1992 гг. – заместитель декана исторического факультета, в 1996–2002 гг. – проректор по научной работе вуза. На этой должности он проделал огромную работу по открытию в университете новых специальностей в аспирантуре

и докторантуре, созданию диссертационных советов, привлечению средств из международных и отечественных научных фондов. С 1998 г. и до конца жизни являлся профессором указанной выше кафедры, а также кафедры истории государства и права юридического факультета ОмГУ, читал лекционные курсы по отечественной истории, истории государства и права, спецкурсы. Кроме того, охотно откликался на приглашения и других вузов: так, только в 2002–2003 гг. спецкурс «Сибирь и Дальний Восток в Российской империи XIX – начала XX в.» с триумфом прочитал в Иркутском, Новосибирском, Саратовском, Сахалинском и Тюменском университетах.

По собственному признанию, на формирование исторического мировоззрения А.В. Ремнева определяющее влияние оказали ленинградские ученые – академик Б.В. Ананьич, член-корреспондент РАН Р.Ш. Ганелин, д-р ист. наук, профессор В.Г. Чернуха, а также заведующий кафедрой дореволюционной отечественной истории ОмГУ, д-р ист. наук, профессор А.П. Толочко. После защиты кандидатской диссертации Анатолий Викторович сосредоточился на изучении истории государственного управления в Азиатской России (Сибирь, Дальний Восток, Казахстан). Одним из итогов стала докторская диссертация «Административная политика самодержавия в Сибири в XIX – начале XX веков», успешно защищенная в ноябре 1997 г. в диссертационном совете при Санкт-Петербургском филиале Института российской истории РАН. В ней впервые в отечественной историографии получили освещение вопросы, связанные с трансформацией правительственных представлений о роле и месте сибирского региона в Российской империи, были проанализированы управленческие аспекты сибирского варианта взаимоотношений центра и региона, выявлены общие принципы и динамика территориально-административной организации в Азиатской России, причины и этапы их перестройки, взаимодействие и функциональная эволюция.

Список научных трудов А.В. Ремнева включает более 200 наименований. Среди них особое место занимает фундаментальная монография (57 п. л.) «Россия Дальнего Востока. Имперская география власти» (Омск, 2004). Она отражает новый уровень в изучении российского Дальнего Востока XIX – начала XX в. Автор приходит к обоснованному выводу, что, «несмотря на ошибки, просчеты, а порой преступное забвение нужд далекой имперской окраины, самодержавию удалось, опираясь на народный колонизационный инстинкт и созданную новую региональную географию власти, не только удержать дальневосточные территории, но и вопреки резким и пессимистическим прогнозам современников превратить их в русский край». Особый интерес вызывает предлагаемое А.В. Ремневым понятие «региональная география власти», под которой понимается «пространственное

размещение, институциональная структура и управленческая иерархия и дихотомии «центр – периферия», «территориальная динамика власти»». Последним крупным научным проектом Анатолия Викторовича стала монография «Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века)» (М., 2010). Эта работа получила высокую оценку в научном сообществе.

А.В. Ремнев активно участвовал в различных научных проектах, конференциях, много сделал для консолидации сибирских историков. Во многом благодаря его удивительной энергии стало возможным издание в столице коллективной монографии «Сибирь в составе Российской империи» (М., 2007), одним из основных авторов которой он является.

Важной стороной деятельности А.В. Ремнева является его сотрудничество с Институтом истории СО РАН, новосибирскими историками. Он участвовал в реализации наиболее значимых академических проектов института, прежде всего «Исторической энциклопедии Сибири» и готовящейся к печати мно-

готовной «Истории Сибири». Регулярно выступал на научных форумах, оппонировал в диссертационном совете. В последней своей публикации в материалах VII Всероссийской научной конференции по проблемам истории государственного управления и местного самоуправления Сибири (июнь 2011 г.) прозорливо предупреждал относительно наметившейся тенденции «не только «нормализовать» (что само по себе неплохо) историю Российской империи, но и представить политику самодержавия, как весьма успешную, которая была насильственно прервана неведомо откуда взявшейся революцией».

Говоря об Анатолии Викторовиче, нельзя не отметить, что главной потребностью его натуры являлось стремление двигаться и действовать. Еще острее представляется наша потеря, когда вспоминаешь об обаянии, нравственной и духовной красоте этого человека. Импозантная фигура с гордо поднятой головой, прекрасно выстроенная речь, стойкость и последовательность в отстаивании своих взглядов производили неизгладимое впечатление на коллег и всех, кто знал его...

Коллеги

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ (Требования к статьям и сообщениям)

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям:

- отечественная история;
- археология;
- этнография, этнология и антропология;
- историография, источниковедение и методы исторического исследования;
- история науки и техники;
- история международных отношений и внешней политики.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии.

2. Автор представляет:

- лицензионный договор (бланк см. на сайте Института истории СО РАН)
- заверенную рецензию доктора или кандидата наук по специальности;
- статью в файле в формате Microsoft Word (кроме Word-2007) (файлы с расширением doc или rtf);
- идентичный текст в печатном виде;
- краткую аннотацию (700–850 знаков с пробелами) на русском и английском языках, которая должна включать: фамилию автора, название, цель статьи, характеристику проблемного поля, перечень основных проблем, затронутых в статье, основные научные результаты, ключевые слова (не более 10);

Титул статьи должен содержать фамилию, имя, отчество, должность, ученую степень, место работы, служебный адрес, электронную почту, индекс УДК. Объем статьи не должен превышать 0,5 п.л. (20 тыс. знаков) с учетом пробелов, примечаний и объема аннотации, а также таблиц и рисунков; объем информационных заметок и рецензий – 0,2 п.л.

3. Статья оформляется со следующими параметрами:

- стандартный набор шрифтов Windows, кегль 14;
- если автор использует дополнительные шрифты, не входящие в основной набор Windows, эти шрифты должны быть записаны в электронном виде и переданы со статьей;

– межстрочный интервал – 1,5;

– не использовать макросы и стилевые оформления Microsoft Word;

Список литературы оформляется в конце статьи:

- названия работ приводятся в порядке упоминания;
- ссылки в тексте на упомянутые труды оформляются в квадратных скобках [1], при необходимости с указанием страницы [1, с. 21].

– сноски пояснительного характера, а также ссылки на архивы, рукописные собрания даются постранично с использованием последовательной нумерации (1...10 и т.д.), причем в тексте статьи номер сноски печатается в верхнем регистре;

– в публикациях документов могут быть использованы буквенные постраничные ссылки.

Графики и диаграммы представляются отдельными файлами, выполненными в Microsoft Excel 6.0/7.0/97/2000; иллюстрации в формате JPG.

4. От автора к публикации принимается не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с аспирантов за публикацию не взимается. Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу членов редколлегии и при необходимости направляются на внешнее рецензирование. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

Полная текстовая версия выставляется <http://e-library.ru>
Web-страница журнала: www.sibran.ru/gumnw.htm; www.history.nsc.ru/hum.htm.

Рукописи направлять по адресу:

630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301.
Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири».
E-mail: gumnauki@gmail.com